
ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЮЗНИКОВ

Создание коалиционных органов военно-политического руководства

Проблема создания системы коалиционных органов стратегического руководства антигитлеровской коалиции решалась на протяжении длительного времени, начиная с 1940 г. Важнейшим звеном в этой системе были регулярные контакты лидеров держав — главных членов коалиции. Начало им было положено личной перепиской, возникшей между лидерами Великобритании и США в 1940 г., и в дальнейшем регулярно поддерживавшейся на протяжении всей войны. С июля 1941 г. в эту переписку включился руководитель Советского государства И. В. Сталин.

Актуальные вопросы военной политики и стратегии обсуждались на встречах (конференциях) руководителей союзных держав. Первой из них была Атлантическая конференция 1941 г., состоявшаяся еще до вступления США во Вторую мировую войну. Всего в ходе войны, с 1941 по 1945 г., имели место 14 встреч лидеров антигитлеровской коалиции, в том числе девять двухсторонних встреч Ф. Рузвельта и У. Черчилля, две встречи У. Черчилля с И. В. Сталиным, три трехсторонние — с участием И. В. Сталина. В одном случае в переговорах У. Черчилля и Ф. Рузвельта участвовал лидер Китая Чан Кайши. Поскольку на всех конференциях первых лиц сопровождали ответственные представители военного руководства, как правило, начальники штабов, обсуждение вопросов стратегии велось на высоком профессиональном уровне.

В 1941 г. началось создание постоянно действующих англо-американских органов военно-стратегического руководства. В августе состоялось первое совместное заседание армейского и военно-морского руководства Великобритании и США, а в декабре на Вашингтонской конференции глав двух держав (конференция «Аркадия», 22 декабря 1941 — 14 января 1942 г.) начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл выдвинул предложение о создании единого союзного командования. В ходе конференции был образован Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) — высший коалиционный орган военно-стратегического планирования, ответственный непосредственно перед президентом США и премьер-министром Великобритании. Местопребывание ОКНШ было установлено в Вашингтоне, что давало определенные преимущества американской стороне, поскольку Великобритания была постоянно представлена в этом органе лишь заместителями начальников штабов видов вооруженных сил.

Встречи руководителей держав — главных участников антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг.

Конференции: место, время, участники	Основные военно-политические решения
Нью-Фаундленд, залив Арджентия 9–14 августа 1941 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	Подписание Атлантической хартии — англо-американской декларации о целях и принципах ведения войны
Первая Вашингтонская конференция («Аркадия») 22 декабря 1941 — 14 января 1942 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	<ol style="list-style-type: none"> 1. Германия признана главным противником, Атлантика и Европа — главными ТВД; 2. Подтверждено решение об оказании помощи СССР по ленд-лизу; 3. Достигнута договоренность о создании высшего военного органа англо-американской коалиции — Объединенного комитета начальников штабов и об образовании Объединенного совета по военным заказам; 4. Признана невозможность открытия второго фронта в Европе в 1942 г. и малая вероятность развертывания крупных наземных операций против вермахта, за исключением советско-германского фронта; 5. Подписана Вашингтонская декларация — оформление антигитлеровской коалиции 1 января 1942 г.
Вторая Вашингтонская конференция 19–25 июня 1942 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	<ol style="list-style-type: none"> 1. Решение о проведении Северо-Африканской десантной операции 1942 г. и об отказе от ранее принятого обязательства открыть второй фронт в Европе в 1942 г.; 2. Обсуждение вопроса о совместных усилиях по созданию ядерного оружия
Переговоры в Москве 12–14 августа 1942 г. У. Черчилль, И. В. Сталин	Вопрос о втором фронте в Европе: информирование И. В. Сталина об отказе союзников от открытия второго фронта в 1942 г.; аргументация У. Черчилля в пользу плана высадки в Северной Африке (операция «Торч»)
Конференция в Касабланке («Символ») 14–24 января 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	<ol style="list-style-type: none"> 1. Решение о высадке союзных войск на Сицилии с последующим развитием операций в Италии; 2. Заявление о намерении вести войну до безоговорочной капитуляции противника; 3. Решение об усилении бомбардировок Германии; 4. Решение об усилении борьбы с германскими подводными лодками в Атлантике; 5. Обсуждение вопроса о французской администрации в Северной Африке (с участием Ш. де Голля и А. Жиро); 6. Утверждение плана операций в Бирме и др.
Третья Вашингтонская конференция («Трайидент») 12–25 мая 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	<ol style="list-style-type: none"> 1. Согласованы планы военных действий в Южной Италии и на Тихом океане; 2. Издана директива о подготовке плана вторжения через Ла-Манш (операция «Оверлорд»)
Первая Квебекская конференция («Квадрант») 14–24 августа 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подтверждено решение о подготовке вторжения через Ла-Манш (не ранее мая 1944 г.); 2. Достигнуто соглашение о сотрудничестве в создании ядерного оружия; 3. Обсуждение условий капитуляции Италии; 4. Признание СССР «важным фактором в войне против Германии и достижении победы над Японией»; 5. Разработан текст декларации о создании Организации Объединенных Наций
Первая Каирская конференция («Секстант») 22–26 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Чан Кайши	Обсуждение вопросов ведения военных действий против Японии и послевоенного мирного урегулирования на Дальнем Востоке

<p>Тегеранская конференция 28 ноября — 1 декабря 1943 г. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вопрос о втором фронте: принято решение об открытии его в течение мая 1944 г. (операции «Оверлорд» и «Энвил»); советское заявление о летнем наступлении Красной армии одновременно с высадкой союзников; 2. Заявление СССР о согласии вступить в войну против Японии по завершении военных действий в Европе; 3. Вопрос о будущем устройстве Германии: американское предложение о расчленении страны на пять автономных государств; британское предложение об изоляции Пруссии и образовании Дунайской конфедерации (включающей южные провинции Германии, Австрию и Венгрию); советская сторона не поддержала эти предложения, и вопрос не получил окончательного решения; 4. Достигнута предварительная договоренность о границах Польши: восточной — по «линии Керзона», западной — по р. Одер
<p>Вторая Каирская конференция (продолжение первой) 2–7 декабря 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, президент Турции И. Инёню</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дальнейшее обсуждение вопроса о втором фронте: Операции «Оверлорд» и «Энвил» признаны главными на Европейском ТВД; 2. Придание стратегического приоритета бомбардировочному наступлению на Германию; 3. Решение о сокращении операций в Бенгальском заливе и на Дальнем Востоке (с целью переброски десантных средств на Европейский ТВД); 4. Вопрос о вступлении Турции в войну не решен
<p>Вторая Квебекская конференция 11–16 сентября 1944 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Решение о развитии наступления с Итальянского ТВД через Триест на Вену; 2. Решение о высадке британского десанта в Грецию (две бригады); 3. Вопрос о мерах по овладению западными союзниками возможно большей территории Германии; 4. Установлен срок достижения победы над Японией: через полтора года после поражения Германии; 5. Согласована линия раздела между американской и британской зонами оккупации Германии
<p>Переговоры в Москве 9–18 октября 1944 г. И. В. Сталин, У. Черчилль</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обзор военно-стратегической обстановки на театрах войны; 2. Обсуждение польского вопроса: достигнут прогресс в сближении британской и советской позиций; 3. Предложение У. Черчилля о двустороннем разграничении сфер влияния в Восточной Европе на основе «процентных отношений» для каждого восточноевропейского государства — принято И. В. Сталиным, но оказалось практически невыполнимым
<p>Крымская (Ялтинская) конференция («Аргонавт») 4–11 февраля 1945 г. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Согласованы планы окончательного разгрома вермахта; 2. Принято решение об оккупации Германии и контроле над ней с целью превращения ее в демилитаризованное демократическое государство, а также о взыскании репараций; 3. Решение о создании Организации Объединенных Наций — международного учреждения; 4. Принятие Декларации об освобожденной Европе, предусматривавшей установление порядков, соответствующих принципам Атлантической хартии; 5. Решение о создании польского правительства на основе временного правительства с включением в него демократических деятелей из Польши и из-за границы; 6. Решение о вступлении СССР в войну против Японии и связанных с этим условиях (возвращение позиций, утраченных Россией в 1905 г., и передача СССР Курильских островов)

Берлинская (Потсдамская конференция («Терминал») 17 июля — 2 августа 1945 г. И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль, с 28 июля — К. Этли	<ol style="list-style-type: none"> 1. Договоренность о согласованной политике в период оккупации Германии: осуществлении принципов демилитаризации, денацификации и демократизации; 2. Договоренность о получении репараций с Германии; 3. Решение о ликвидации Восточной Пруссии; 4. Решение о западной границе Польши; 5. Подтверждена готовность СССР к вступлению в войну против Японии
--	--

Были созданы также Объединенный секретариат, Объединенный комитет планирования, Совет по распределению вооружений (с подкомитетами в Вашингтоне и Лондоне), а позднее — Объединенный комитет разведки и другие. Особое значение имел Объединенный комитет по гражданским вопросам — политическое подразделение, на которое возлагалась ответственность за формирование военной администрации на освобожденных от врага территориях и, таким образом, за проведение там политики в соответствии с общим политическим курсом двух держав¹.

Путем учреждения этих органов была создана новая управленческая структура — Объединенный англо-американский штаб (Combined Chiefs of Staff) — высший орган коалиционного руководства вооруженными силами США и Великобритании. Функции его состояли в разработке планов ведения коалиционной войны, распределении сил и средств по театрам военных действий, утверждении планов операций, разработанных союзными главнокомандующими на ТВД. Представителя советской стороны в Объединенном штабе не было².

Объединенный комитет начальников штабов, согласно принятой практике, не вмешивался в оперативную деятельность командующих на ТВД, ограничиваясь рекомендациями стратегического порядка³.

Первым опытом в области создания объединенного союзного командования на театре военных действий было учреждение в том же декабре 1941 г. зоны АБГА (американцы, британцы, голландцы, австралийцы), охватывавшей регион Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана. Союзным главнокомандующим был назначен британский генерал А. Уэйвелл с подчинением его ОКНШ. Но оказавшийся в подчинении А. Уэйвелла американский командующий в этой зоне генерал Д. Макартур игнорировал британского главкома, что сразу же обесценило эксперимент. Союзные войска под командованием А. Уэйвелла не смогли остановить наступление японцев, и 23 февраля 1942 г. зона АБГА была упразднена⁴.

В марте 1942 г. между президентом США, премьер-министром Великобритании и комитетами начальников штабов обеих держав была достигнута договоренность о разделении территорий и акваторий планеты на три стратегические зоны с назначением главнокомандующих войсками этих зон и созданием объединенных зональных штабов.

Зона Тихого океана включала Северную и Южную Америку, Китай, Австралию, Новую Зеландию и Японию. Ответственность за военные действия здесь возлагалась на США. Главкомандующим был назначен генерал Д. Макартур. Но уже в апреле 1942 г. эта зона была разделена на две: Юго-Западной части Тихого океана — главнокомандующий Д. Макартур и Тихого океана — главнокомандующий адмирал Ч. Нимиц.

Зона Индийского океана и Среднего Востока, в которой была установлена ответственность Великобритании, охватывала пространство от Бирмы до Восточного Средиземноморья. Главкомандующим союзными войсками в зоне был назначен британский генерал Вильсон.

В зоне Европы и Атлантики (с лета 1942 г. — Европейский театр военных действий) была установлена коллективная ответственность США и Великобритании. Эта зона включала Финляндию, Норвегию, Швецию, Британские острова, Исландию, Италию, Францию, Балканы и Германию. Верховным главнокомандующим союзными войсками здесь был назначен американский генерал Д. Эйзенхауэр.

В дальнейшем решением Квебекской конференции глав двух держав в августе 1943 г. было создано еще одно союзное командование в Юго-Восточной Азии (главком — британский адмирал Л. Маунтбеттен, его заместитель — американский генерал Дж. Стилуэлл). Это

командование было образовано в стыке зон Тихого и Индийского океанов. Китай не был включен во вновь образованную зону и оставался в зоне стратегической ответственности США (хотя генерал Дж. Стилуэлл с 1942 по 1944 г. являлся начальником штаба армии Чан Кайши).

Заместителями командующего союзными войсками в зонах (кроме Тихого океана) являлись командующие ВВС и ВМС, а сам главком по совместительству командовал сухопутными войсками. При соблюдении принципа: главком — американец, его заместители — англичане по мере увеличения числа американских войск на театре (на Европейском ТВД — в 1943 г.) установленная союзная структура была подвержена определенным трениям.

Союзные штабы при главнокомандующих войсками в зонах осуществляли планирование стратегических операций, в том числе воздушных и морских, управление войсками в ходе операций, координацию действий союзных войск, руководство органами военной администрации на территориях, занятых союзными войсками, и поддерживали тесные контакты с национальными Генеральными штабами и комитетами начальников штабов и ОКНШ в Вашингтоне.

Таким образом, англо-американское союзное командование объединяло войска США, Великобритании и других субъектов Британской империи, а также некоторых союзных государств, представленных сравнительно незначительными силами (Франция, Польша, Бразилия). Союзные фронтовые объединения (группы армий) создавались в составе 2–4 армий каждая. Армии формировались по национальному признаку (американские, британские, канадская, французская).

На советско-германском фронте под руководством советского командования сражались две польские, две румынские, болгарская армии и чехословацкий армейский корпус. Инонациональные объединения и соединения входили в состав советских фронтов, а румынские армии в 1944–1945 гг. были подчинены советскому армейскому командованию.

Отсутствие постоянно действующего органа, который мог бы обеспечить взаимодействие войск западных союзников и Красной армии, стало сказываться в начале 1945 г., когда потребовалось установление оперативного взаимодействия. Так, на Крымской конференции руководителей трех держав (4–14 февраля 1945 г.) союзники не были удовлетворены информацией генерала А. И. Антонова о планах советской стороны, поскольку она носила общий характер. Но предложение американцев о создании дополнительного органа управления, который позволил бы осуществлять без промедления межсоюзную связь и координацию действий, не встретило поддержки с советской стороны.

В фашистском блоке коалиционное руководство осуществлялось по принципам, выработанным в годы Первой мировой войны: германское Верховное командование стремилось к максимальному подчинению союзников своей воле. А. Гитлер нерегулярно и с неохотой информировал их, в том числе и своего главного европейского союзника — Б. Муссолини, о своих планах и намерениях. А инициатива, проявленная Б. Муссолини в 1940–1941 гг. на Балканах, вызвала раздражение фюрера. Личные встречи двух лидеров не носили систематического характера и, как правило, не способствовали проведению согласованной стратегии. Полностью отсутствовала координация действий европейских агрессоров с их дальневосточным союзником.

Вопрос о привлечении союзников к участию в крестовом походе против большевизма решался германским руководством в зависимости от развития политической обстановки в Европе. А. Гитлер категорически отвергал идею создания военной коалиции, которая предусматривала бы создание самостоятельных национальных командований на театре войны. «Операция, которая ведется на всем протяжении от Северного Ледовитого океана до Черного моря, требует единого централизованного управления. Естественно, что такое будет осуществляться с нашей стороны. Мы должны избежать ошибок коалиционных войн прошлого», — говорил он, имея в виду трудности, возникавшие в 1914–1917 гг. на восточном (русском) фронте, разделенном на участки ответственности германского и австро-венгерского главнокомандований⁵. В результате лишь один участок восточного фронта был выделен для

самостоятельных действий вооруженных сил Финляндии, а на всем остальном его протяжении объединения союзников (итальянская, румынские и венгерские армии) включались в состав немецких групп армий, и какая-либо инициатива союзников в стратегическом плане полностью исключалась.

Итак, в период Второй мировой войны по обе стороны фронта сложился ряд параллельно действовавших систем политического и военно-стратегического коалиционного руководства. В отличие от англо-французской коалиции 1939–1940 гг. ни в антигитлеровской коалиции, ни в блоке держав-агрессоров не создавалось единого, постоянно действующего органа высшего военно-политического руководства. Его заменяли периодические контакты лидеров воюющих держав — личные или путем переписки. С наибольшей полнотой и систематичностью этот метод военно-политического руководства на высшем уровне воплотился в практике руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Координацию действий войск западных союзников на оперативно-стратегическом уровне осуществлял постоянно действующий орган — англо-американский Объединенный штаб во главе с Объединенным комитетом начальников штабов. Дислокация его в Вашингтоне обуславливала превалирующую роль американского командования в этом органе. Коалиционные органы военного командования, осуществлявшие оперативное руководство войсками, создавались только западными союзниками по антигитлеровской коалиции на тех театрах, где действовали многонациональные группировки их войск: Европейском, Северо-Африканском, Средиземноморском, Юго-Восточно-Азиатском ТВД. В остальных случаях союзники прибегали к нарезке зон ответственности той или иной державы на определенном театре.

Взаимодействие между войсками западных союзников и Красной армии осуществлялось исключительно на стратегическом уровне, кроме заключительного этапа войны, когда обстановка потребовала согласования действий на оперативном уровне. Но и тогда все вопросы решались лишь путем обмена телеграммами между союзным Верховным главнокомандующим в Европе и советским ВГК.

На советско-германском фронте советское командование включало сравнительно немногочисленные инонациональные воинские формирования в состав объединений действующей армии, подчиняя их фронтовому или армейскому командованию. Каких-либо союзных органов оперативно-стратегического руководства на советско-германском фронте не создавалось.

Коалиционное руководство вооруженной борьбой и особенности военного искусства

Вооруженная борьба явилась решающей формой противоборства между антигитлеровской коалицией и фашистским блоком в годы войны. Ее ход и исход обуславливался рядом факторов: расстановкой политических сил на мировой арене, политическими и военно-стратегическими целями государств и коалиций, уровнем их военного и экономического потенциалов, боевой мощью вооруженных сил, особенностями военных доктрин и военной теории, военным искусством и профессионализмом военных кадров, а также физико-географическими условиями соответствующих театров военных действий.

Ведущую силу антигитлеровской коалиции составляли СССР, США и Великобритания, вокруг которых, как центров притяжения, группировались дружественные или зависимые от них страны. На стороне Великобритании в различные периоды войны сражались воинские контингенты Канады, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Эфиопии. В рядах армии США были военные из Филиппин, Мексики и Бразилии. По мере расширения коалиции на стороне союзников в боевых действиях участвовали вооруженные

силы Национального комитета «Свободная Франция» (с июля 1942 г. — «Сражающаяся Франция», впоследствии Французский комитет национального освобождения), польская армия генерала В. Андерса и другие. После высадки на Европейский континент в 1944 г. значительную помощь союзникам в их вооруженной борьбе оказали силы движения Сопротивления Дании, Норвегии, Греции, Югославии и других европейских государств.

Характерной чертой вооруженной борьбы западных союзников в период Второй мировой войны являлся ее огромный пространственный размах, беспрецедентный в военной истории. Военные действия велись на суше, море и в воздухе, однако главные политические и стратегические цели войны достигались на континентальных театрах военных действий.

Наиболее интенсивные военные действия после открытия второго фронта в 1944 г. во Франции (операция «Оверлорд») западные союзники вели в Европе. Здесь, в отличие от других театров военных действий, участвовали наиболее крупные контингенты войск союзников, использовалось наибольшее количество военной техники. На полях сражений в Европе они понесли самые большие людские и материальные потери за годы Второй мировой войны.

Вооруженная борьба велась западными союзниками также в Азии, охватив территорию Бирмы, Голландской Индии, Индии, Кореи, Малайи, Таиланда, Филиппин, Французского Индокитая, Японии. Помимо наземных операций на этом театре военных действий вооруженная борьба сопровождалась ожесточенным противоборством в воздухе, а также на океанских и морских коммуникациях.

В Африке в сферу вооруженной борьбы западных союзников были вовлечены территории 11 государств: Алжира, Египта, Кении, Ливии, Марокко, Британского и Итальянского Сомали, Судана, Туниса, Эритреи, Эфиопии. Здесь военные действия велись преимущественно вдоль приморской полосы и внутренних коммуникаций и носили в целом очаговый характер, в них участвовало значительно меньше сил и средств, чем в Азии и тем более Европе.

Большой размах приобрели военные действия западных союзников на океанских и морских ТВД. Они охватывали обширные акватории, архипелаги и острова Тихого, Атлантического, Индийского океанов, а также Средиземного, Балтийского, Черного и других морей. Масштаб и напряженность военных действий на этих театрах обуславливались возрастанием роли океанских и морских коммуникаций для западных государств, поскольку многие районы военных действий располагались на значительном удалении от их территории, а военная экономика в незначительной степени зависела от поставок, осуществляемых морским или океанским путем. В этих условиях защита собственных перевозок и одновременно нарушение или срыв морских коммуникаций противника являлись важнейшими задачами на протяжении всей войны. Обладая значительным преимуществом в военно-морских силах над немецко-фашистским флотом, западные союзники в относительно короткие сроки захватили контроль над важнейшими океанскими и морскими коммуникациями, что значительно облегчило ведение ими вооруженной борьбы на континентальных театрах военных действий.

Национальные системы стратегического руководства вооруженными силами в западных странах имели свою специфику, которая обуславливалась историческими традициями ведения войн и вооруженных конфликтов, физико-географическим положением страны, особенностями современной войны, уровнем развития военно-теоретической мысли, а также готовностью военных экономик к удовлетворению потребностей армий в вооружениях и различного вида снаряжения.

Так, в США накануне Второй мировой войны отсутствовал единый орган военного управления. Президент страны, будучи Верховным главнокомандующим, руководил вооруженными силами через два министерства — военное и военно-морское. Координацией деятельности видов вооруженных сил занимался Объединенный совет — совещательный орган, подчиненный одновременно военному и военно-морскому министрам. Оперативно-стратегическое руководство осуществлялось также по двум направлениям: штаб армии управлял сухопутными войсками и армейскими ВВС, а штаб ВМС — силами военно-морского флота, морской авиацией и корпусом морской пехоты. Автономные действия этих штабов затрудняли организацию совместных планов армии и флота.

Вступление США во Вторую мировую войну потребовало немедленного совершенствования системы военного руководства. В целях улучшения управления вооруженными силами в феврале 1942 г. был образован Комитет начальников штабов, ставший высшим органом стратегического руководства США. Комитет подчинялся непосредственно президенту и являлся его консультативно-исполнительным органом. Он разрабатывал предложения по общим вопросам военной стратегии, производству вооружения, распределению стратегического сырья, строительству и использованию вооруженных сил, организации взаимодействия сухопутных войск (армии), военно-морских сил и входившей в их состав авиации. На основе указаний президента Комитет начальников штабов разрабатывал стратегические планы, издавал директивы и осуществлял непосредственное руководство военными действиями на ТВД.

Широкомасштабное участие американских войск в военных действиях на Тихом океане, а затем в Западной Европе потребовало усовершенствовать систему управления оперативно-стратегическими группировками, приблизить ее к театрам военных действий. В 1942 г. в бассейне Тихого океана были созданы два главных командования: Тихоокеанское (в северной и центральной частях) и Юго-Западного района Тихого океана. Принятая мера способствовала повышению эффективности боевого управления соответствующими группировками. Стратегическая авиация США в силу своей особой значимости имела собственное командование. При проведении воздушных операций против Германии и особенно против Японии она нередко действовала независимо от главного командования на театре военных действий.

Ведение коалиционной войны с 1942 г. предполагало включение американских группировок войск на Североафриканском, Средиземноморском и Западноевропейском ТВД в состав объединенных союзных командований. В случае если они возглавлялись английскими генералами, американское командование оговорило право согласовывать принимаемые решения со своими вышестоящими штабами. Подобный механизм управления нередко приводил к серьезным разногласиям между командованием американской и английской союзных армий.

В годы войны соотношение между видами американских вооруженных сил существенно изменилось. Если в предвоенный период приоритетное внимание американцами уделялось развитию военно-морского флота, способному вести боевые действия на удаленных океанских театрах, то начиная с 1941 г. по мере развертывания основных военных событий на континентальных театрах США стали больше внимания уделять развитию сухопутных войск, и прежде всего авиации, на которую теперь возлагалось решение стратегических задач.

Необходимость увеличения численности вооруженных сил потребовала введения с сентября 1940 г. воинской повинности. Наряду с этим продолжалось комплектование армии и флота путем найма и вербовки. Это позволило резко нарастить численность американских вооруженных сил. Если в декабре 1941 г. численность американских вооруженных сил составляла 2 млн человек, то после фактической мобилизации, проведенной в стране, она достигла к концу 1943 г. почти 10,5 млн, а в 1945 г. — 12,1 млн⁶.

К моменту капитуляции Германии в вооруженных силах США насчитывалось полностью укомплектованных 89 дивизий, из которых 67 были пехотными⁷. Практически все пехотные дивизии были моторизованными. Развитие американских сухопутных сил в целом шло по линии усиления их ударной и огневой мощи, а также повышения маневренности. Учитывались и такие важные для США факторы, как повышение готовности войск к переброске морем и ведению военных действий на резко отличавшихся друг от друга по географическим характеристикам театрах.

На вооружение американской пехоты в возрастающих количествах поступало новое оружие: пистолеты-пулеметы различных модификаций («М-3 Томпсон» и другие), модификации пулемета «М-1919 Браунинг» и прочее. Для обеспечения ПВО сухопутных войск было создано несколько вариантов буксируемых и самоходных спаренных и счетверенных зенитно-пулеметных установок. В частности, 12,7-мм бронебойная пуля зенитно-пулеметной установки «М-2 Браунинг» на дальности 450 метров была способна пробить 20-мм стальную плиту. Счетверенная пулеметная установка на базе полугусеничного БТР М-3 стала мощным

Американский бронетранспортер М-3 со счетверенной зенитно-пулеметной установкой

Зенитная 40-мм пушка «Бюфорс»

Американская самоходная установка М-36

Американская самоходная установка М-10

средством борьбы с живой силой и легкобронированной техникой, заслужив среди американских военных прозвище «мясорубка». Поставляемая по ленд-лизу в СССР, она высоко ценилась в войсках в качестве средства мобильной ПВО танковых и механизированных частей Красной армии. На завершающем этапе войны при отсутствии воздушных целей эта установка эффективно применялась в уличных боях, ведя огонь по верхним этажам зданий и чердакам.

Высокоэффективным средством ПВО сухопутных сил стала американская версия 40-мм автоматического орудия «Бофорс», по праву считавшегося лучшим зенитным автоматом Второй мировой. Кроме того, установки могли оказывать огневую поддержку пехоте, ведя эффективную борьбу с легкой бронетехникой. Бронебойные снаряды 40-мм орудия пробивали 50-мм стальную броню на дистанции до 500 метров.

Особое внимание уделялось созданию самоходных гаубиц — истребителей танков для сопровождения пехоты. 75-мм самоходная артиллерийская установка М-3 GMC на базе полугусеничного броневедомокола «Хэлфтрэк» показала свою высокую эффективность не только в борьбе с танками, но и с укреплениями противника.

На базе среднего танка «Шерман» стала производиться самоходная артиллерийская установка М-36, активно использовавшаяся в боях в северо-западной Европе с августа 1944 г. Благодаря мощной длинноствольной 90-мм пушке она оказалась единственным сухопутным средством американцев, способным эффективно бороться с тяжелыми танками вермахта. Мощным средством борьбы с бронетехникой противника стал истребитель танков М-10, вооруженный 90-мм орудием. Эти самоходки, доказавшие свою эффективность, поставлялись по ленд-лизу и в Великобританию. В целом, противотанковая самоходная артиллерия была объединена в 68 противотанковых батальонов по 54 самоходные пушки в каждом. Эти батальоны могли придаваться как пехотным, так и танковым дивизиям.

Для массированного подавления очагов сопротивления противника с августа 1944 г. американцы стали использовать 60-трубную пусковую установку «Т-34 Каллио» на базе среднего танка «М-4 Шерман», использующую 116-мм реактивные снаряды. В сухопутных войсках также были широко распространены реактивные противотанковые ружья с кумулятивной гранатой, безоткатные орудия, огнеметы.

Костяк бронетанковых войск США в организационном отношении составляли бронетанковые дивизии, представлявшие собой ударную мощь сухопутных сил, способную в случае необходимости вести самостоятельные боевые действия. Для непосредственного сопровождения пехоты в бою предназначались отдельные танковые батальоны. В 1941 г. из 18 танковых рот Национальной гвардии были сформированы первые четыре отдельных танковых батальона для непосредственной поддержки пехоты, в каждом из которых насчитывалось 72 танка. К концу войны в армии США имелось 65 таких батальонов, еще 29 находились в стадии формирования. Для осуществления морских десантных операций были сформированы 10 отдельных плавающих батальонов, а для воздушно-десантных — один авиадесантный танковый батальон и несколько авиадесантных танковых рот.

Основной тенденцией в развитии организационной структуры бронетанковых войск являлось увеличение количества дивизий, введение в их состав самоходной артиллерии, насыщение боевой техникой и вооружением. Всего в составе американских сухопутных сил к концу войны насчитывалось 16 бронетанковых дивизий. Основу бронетанковых сил составляли созданные уже в ходе войны средние танки «М-4 Шерман». Вместе с тем отсутствие объединений и крупных соединений в бронетанковых войсках, особенно в период ведения боевых действий в Европе, громоздкость организационной структуры, дробление танкового парка по многочисленным частям и наличие большого числа подразделений обеспечения в целом снижали боевые возможности бронетанковых сил.

Новым родом сухопутных сил США, созданным в годы войны, стали воздушно-десантные войска, а также войска спецназначения (рейнджерс и коммандос). К концу войны в состав американских вооруженных сил входили пять воздушно-десантных дивизий, способных выполнять боевые задачи в удаленных районах.

Американские танки «М-4 Шерман» различных модификаций

Американская реактивная пусковая установка «Т-34 Каллиопа»

Американский истребитель «P-39 Аэрокобра»

Американский истребитель «P-51 Мустанг»

Американский бомбардировщик «В-24 Либерејтор»

Американский бомбардировщик «В-29 Суперкрепость»

Большое значение в американских вооруженных силах придавалось работе войскового тыла и транспорта, которые должны были обеспечить относительно комфортное пребывание американских военнослужащих в зоне боевых действий. Количество вспомогательного персонала, не принимавшего непосредственного участия в боевых действиях, в американской армии было существенно выше, чем в вооруженных силах других воюющих государств.

Однако из всех видов вооруженных сил США наиболее высокими темпами развивалась военная авиация. Особого размаха достигла за годы войны стратегическая авиация, в которую вошли до трети всех выпущенных за этот период боевых самолетов. Ее численность возросла за счет поступления на вооружение бомбардировщиков «В-17 Летающая крепость», «В-24 Либерейтор», тяжелых бомбардировщиков «В-29 Суперкрепость». В годы войны были созданы доказавшие свою эффективность истребители «Аэрокобра», «Рипаблик», «Мустанг» и другие. Последний благодаря своим боевым качествам по праву считался одним из лучших истребителей Второй мировой войны. Тем не менее вклад американской авиации в боевые действия был относительно низким. До середины 1944 г. большая часть боевых самолетов находилась на территории США, а в последний год войны на театрах военных действий было задействовано немногим более половины боевого состава авиации.

Высокими характеристиками отличались зенитные системы, производимые в военное время. Американским инженерам удалось за короткий промежуток времени создать всю линейку зенитных установок — от малокалиберных скорострельных до «стратосферных» тяжелых зениток. Зенитки, особенно малокалиберные, в значительных количествах поставлялись по программе ленд-лиза союзникам по антигитлеровской коалиции. Так, в СССР поставлялись 20-мм «Эрликаны», 40-мм «Бофорсы», 90-мм пушки М-1, М-2 и прочие. Для того времени это были эффективные средства борьбы с воздушными целями. Так, для корректировки огня зенитной батареи 90-мм пушек М-1 применялся радиолокатор SCR-268, обнаруживавший самолеты на дальности до 36 км. Фиксируя разрывы в воздухе снарядов зенитной артиллерии, он корректировал огонь относительно цели, что было особенно важно в ночное время. 90-мм зенитки успешно применялись для поражения немецких беспилотных самолетов-снарядов Фау-1 над Южной Англией. Поступившая в американские войска на завершающем этапе войны радиолокационная станция орудийной наводки SCR-584 уже позволяла вести автоматическое сопровождение обнаруженного самолета противника.

Военно-морские силы США включали в себя непосредственно военно-морской флот, морскую пехоту и береговую охрану. Основой флота являлись авианосцы, надводные корабли с артиллерийским вооружением и подводные лодки. Для проведения крупных десантных операций в составе ВМС США были созданы мощные амфибийные силы. Использование специальных танкодесантных судов позволяло осуществлять выгрузку боевой техники непосредственно на побережье. Тем самым была создана военно-техническая основа для «проекции» военной силы в отдаленных регионах мира.

В годы войны в американском флоте были разработаны и приняты на вооружение более двух десятков РЛС, использовавшихся для обнаружения надводных целей. С их помощью американские моряки могли обнаружить субмарину противника в надводном положении на расстоянии до 10 миль. Устанавливались РЛС и на подводные лодки, что позволяло командирам успешно атаковать корабли и суда противника ночью, а также и в плохих погодных условиях. Значительный прогресс был достигнут и в развитии гидроакустики. Принятые на вооружение гидролокаторы с активным и пассивным трактами позволяли американским подводным лодкам выходить на бесперископную атаку. С июня 1943 г. на вооружение американской противолодочной авиации стали поступать первые радиогидроакустические буи, сыгравшие весомую роль в уничтожении подводных лодок противника. В целом американский флот представлял собой грозную силу, способную вести эффективную борьбу за господство на море.

Особенности системы стратегического руководства Великобритании накануне войны обуславливались прежде всего островным географическим положением и сложившимся за века опытом использования вооруженных сил. Как и прежде, одной из основных задач

стратегического руководства Великобритании в годы войны являлись не только защита метрополии, но и охрана жизненно важных морских коммуникаций, связующих страну с многочисленными колониями.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами Британской империи формально являлся король, но фактически эти функции исполнял премьер-министр, возглавлявший военный кабинет. На него возлагалось непосредственное решение вопросов руководства войной, в том числе организации работы военной промышленности, обороны метрополии, использования людских ресурсов, строительства вооруженных сил в доминионах и колониях. Принятые решения осуществлялись соответствующими министерствами (армии, военно-морских и военно-воздушных сил) через генерал-губернаторов, а в Индии — через вице-короля.

Высшим органом стратегического руководства Англии являлся Комитет начальников штабов, который разрабатывал планы операций на театрах и осуществлял контроль над ходом военных действий. Его работой руководил непосредственно премьер-министр. Решения комитета проводились в жизнь через штабы видов вооруженных сил, разрабатывавших планы применения этих сил и осуществлявших руководство их действиями.

Первоначально система стратегического руководства в Великобритании страдала отсутствием опыта ведения современной войны. В период «странной войны» на континенте боевые действия видов вооруженных сил, несмотря на то что они планировались в рамках совместной операции, чаще всего велись разобщенно и нескоординированно, что не могло не сказаться на общей эффективности операции⁸. Примером слабого взаимодействия видов и родов британских вооруженных сил стала также их неудачная операция в Норвегии весной 1940 г. В последующем руководство группировками британских войск на театрах военных действий осуществлялось соответствующими командованиями: в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и прочими.

Вооруженные силы Великобритании, как и американские, за годы войны претерпели существенные изменения. Если в сентябре 1939 г. общая численность войск Британской империи составляла 1,7 млн человек, то к середине 1942 г. она достигла 7 млн, а к июню 1945 г. — 9,3 млн. Войска собственно Великобритании за это время выросли с 1,3 до 5,1 млн человек. Из войск английских доминионов и колоний к концу войны наиболее многочисленными были индийские, канадские и австралийские⁹.

В состав вооруженных сил Великобритании входили три вида войск: сухопутные, военно-воздушные и военно-морские. Кроме того, в мае 1940 г. из добровольцев было создано местное ополчение — полувоенная организация, предназначенная для обороны населенных пунктов, аэродромов и других объектов в случае вторжения противника на Британские острова. Из видов вооруженных сил, как и в США, наиболее высокими темпами развивались флот и авиация.

Оперативно-стратегическим объединением сухопутных сил являлась группа армий, оперативным объединением — армия. В их состав входили не только английские силы, но и войска доминионов и других союзников по антигитлеровской коалиции, в частности польские воинские части. Объединения не имели постоянной штатной организации, их состав зависел от оперативного предназначения и предполагаемого использования.

В развитии сухопутных сил основной тенденцией являлось повышение уровня моторизации и подвижности войск, а также рост огневой мощи за счет насыщения артиллерией и автоматическим оружием. В Великобритании запустили в массовое производство спешно созданный, но простой в производстве 9-мм пистолет-пулемет «Стэн» различных модификаций, «Ланчестер МК-1» и другие. Хорошо зарекомендовал себя английский противотанковый гранатомет PIAT, предназначенный для ведения огня бронебойными гранатами с кумулятивным зарядом, способными пробить броню любого танка того времени. Высоко оценена в войсках была штурмовая мортира «Эрди Эгги».

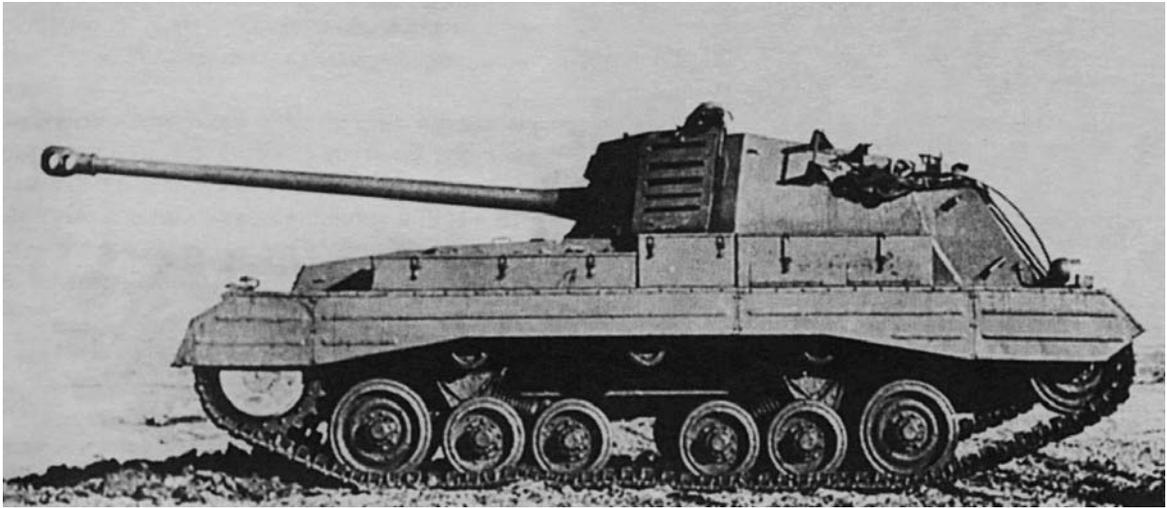
К концу войны все пехотные соединения (кроме горнострелковых частей) являлись моторизованными, артиллерия была переведена на механическую тягу. В результате британская

Английские танки «Черчилль»

Танк «Крусейдер»

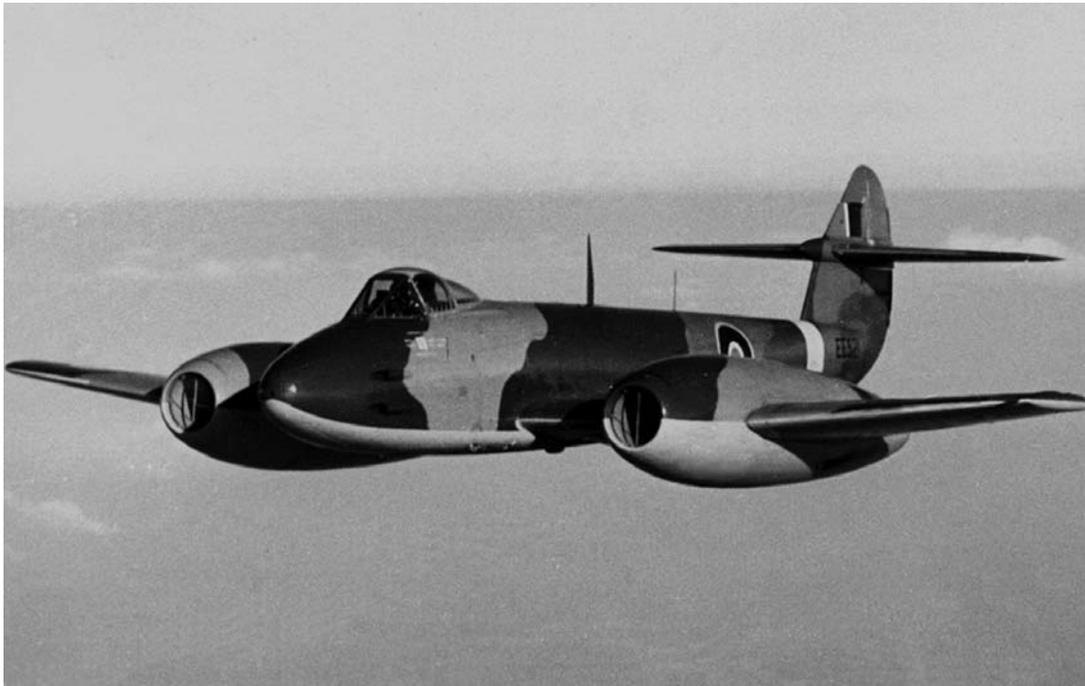
Английская самоходная установка «Арчер»

Самоходная установка «Бишоп»

Английский истребитель «Спитфайр»

Реактивный истребитель «Метеор»

пехотная дивизия стала значительно более маневренной, заметно возросла ее ударная, огневая и противовоздушная мощь. Особенно интенсивно в составе сухопутных сил развивались бронетанковые войска. Первоначально они использовались в основном для поддержки пехоты, но к концу войны были способны действовать самостоятельно, в качестве главной ударной силы сухопутных войск. Помимо американских танков «М-4 Шерман», полученных по программе ленд-лиза, английские бронетанковые войска были вооружены танками собственного производства: пехотными «Матильда», «Черчилль», «Вэлиант», маневренными «крейсерскими» «Крусейдер», «Челленджер», «Центурион», «Кромвель» и другими. Был также разработан тяжелый штурмовой танк «Черепаша», предназначенный для решения задач по разрушению сильно укрепленных районов противника. Значительное внимание уделялось развитию самоходной артиллерии. В годы войны англичанами были созданы несколько систем: «Арчер», «Бишоп» и другие.

Значительное совершенствование пережили военно-воздушные силы Великобритании. Общее количество боевых самолетов за годы войны увеличилось почти в 4 раза. Если в первые годы войны развивалась преимущественно истребительная авиация, то с 1942 г. особое внимание, как и в США, стало уделяться развитию стратегической авиации. В 1944–1945 гг. тяжелые бомбардировщики составляли почти треть всех боевых самолетов Великобритании. Наиболее известным среди них стал британский бомбардировщик «Ланкастер». Значительное внимание уделялось развитию истребительной авиации. Новые истребители «Темпест-V» и «Спитфайр-XIV» (признанный одним из лучших истребителей Второй мировой войны), а также реактивный истребитель «Метеор-IV» (введен в боевой строй в 1944 г.) успешно применялись в борьбе с немецкими самолетами-снарядами Фау-1, позже Фау-2, а также авиацией противника. Хорошо зарекомендовал себя ночной истребитель «Москито». В битве за Атлантику британская авиация с февраля 1943 г. стала использовать для поиска немецких подводных лодок сантиметровый радар, позволявший легко обнаруживать их расположение, что привело к резкому повышению эффективности противолодочной борьбы.

Высшим оперативным объединением британских ВВС являлось командование в составе авиационных групп. К началу войны имелось три соответствующих командования: истребительное, бомбардировочное и береговое, предназначенное для защиты метрополии и морских коммуникаций. В 1940 г. было создано новое командование по взаимодействию с сухопутными силами, призванное обеспечить поддержку действиям наземных войск и тем самым положившее начало бурному развитию штурмовой авиации.

Ответственность за противовоздушную оборону во время войны возлагалась на командующего истребительной авиацией. Основу войск ПВО составляли истребительная авиация и зенитная артиллерия. В конце 1930-х гг. британская зенитная артиллерия не соответствовала требованиям современной войны как по численности, так и по техническому состоянию. С началом войны британское руководство, понимая важность зенитного прикрытия городов, промышленных предприятий и военно-морских баз, не жалело сил и средств для производства новых зенитных орудий. В 1941 г. основой зенитной артиллерии Великобритании стали 94-мм зенитные орудия, способные поражать цели на высоте до 9 км, которые постоянно совершенствовались в скорострельности и точности поражения цели. В 1944 г. на вооружение ПВО стали поступать зенитные снаряды с радиовзрывателями, резко повысившими поражаемость цели. Стали использоваться также 76,2-мм зенитные реактивные установки, которые с 36-рельсовых направляющих могли давать залпы по девять ракет одновременно. В системе ПВО активно использовались также аэростаты заграждения, зенитные прожекторы и другая вспомогательная военная техника. Но самое главное — служба воздушного наблюдения, оповещения и связи Британии была оснащена передовыми для своего времени радиолокационными станциями, сыгравшими огромную роль в эффективном противодействии налетам фашистской авиации.

Развитие военно-морских сил Великобритании отражало общие тенденции в развитии этого вида вооруженных сил в годы Второй мировой войны: возрастание роли авианосцев, подводного флота и сил противолодочной обороны. Созданные для завоевания господства

на море бронированные гиганты-линкоры оказались беззащитны перед авиацией корабельного базирования. Если общее количество линейных кораблей и крейсеров в британском флоте осталось на прежнем уровне, то количество авианосцев (включая эскортные) выросло более чем в 7 раз, а подводных лодок — в 2,4 раза. Эскортные корабли, в том числе полученные по ленд-лизу от США, оснащались современными гидроакустическими станциями и радарными установками, доказавшими свою высокую эффективность в борьбе с подводными лодками противника. Значительно за годы войны усилилась морская пехота, входившая в состав военно-морских сил Великобритании и представлявшая собой высококомобильные амфибийные силы постоянной готовности. Развитие подводных лодок в ходе войны шло главным образом в направлении улучшения надводных маневренных качеств, увеличения глубины погружения и повышения мореходных качеств, а также оборудования лодок более совершенными средствами связи и наблюдения — радио, гидролокация и радиолокация.

Несмотря на возросшую мощь, степень участия британской армии в боевых действиях в годы войны была относительно невелика. Так, в середине 1944 г. на всех фронтах находилось до 40—45 британских дивизий — около половины от их общего числа¹⁰.

Система стратегического руководства Франции, одной из первых среди западных союзников встретившей нападение Германии, во многом строилась на основе опыта Первой мировой войны, что стало одной из главных причин быстрого разгрома французских вооруженных сил. Основные решения по ведению войны принимались главой правительства, который с сентября 1939 г. с началом «странной войны», являлся одновременно и министром национальной обороны. Координировать действия сухопутных сил, авиации и флота должен был Генеральный штаб, но ввиду того что главнокомандующие ВВС и ВМФ ему не подчинялись, он был не в состоянии обеспечить согласованные действия видов вооруженных сил.

Вооруженные силы Франции, обладавшие достаточной технической оснащенностью, к началу Второй мировой войны насчитывали 2,7 млн человек. В их состав входили сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы. В случае угрозы войны со стороны Германии предусматривалось также привлечение к военным действиям национальных формирований ряда колоний.

Сухопутные войска, несмотря на декларируемый наступательный характер их предстоящих действий, были подготовлены в основном к ведению позиционной войны. Подавляющее число танков, имевшихся во французской армии в составе отдельных танковых батальонов, предназначались для непосредственной поддержки пехоты и не были готовы для самостоятельных действий крупными силами. Вследствие доминирующей в течение многих лет концепции использования танков в основном для поддержки пехоты предпочтение отдавалось броневой защите.

Средние французские танки Д-2 и S-35 и тяжелый В-1 по своим тактико-техническим характеристикам не намного уступали немецким. В частности, французские танки типа «В» зарекомендовали себя во время сражений весной и летом 1940 г. тем, что ни одна противотанковая или танковая пушка противника не смогла пробить их броню. Однако непродуманная тактика, а тем более оперативное искусство использования бронетанковых сил, слабая обученность экипажей во многом девальвировали их боевые качества.

Сравнительно слабой была дивизионная артиллерия, испытывавшая недостаток, в отличие от немецко-фашистской армии, в больших калибрах. В войсках не хватало современных противотанковых и противовоздушных средств, что заведомо ставило французскую армию в невыгодное положение. Военно-воздушные силы Франции по численности самолетов не уступали ВВС передовых государств, однако большая часть машин (истребители «Девуатин D-520» и «Девуатин MS-406», средний бомбардировщик LeO-451, многоцелевой самолет «Потез 63», легкий бомбардировщик Bre-19) была устаревших конструкций. Эффективность авиации снижалась за счет организационной раздробленности, поскольку авиационные части или соединения были распределены между корпусами и армиями.

Французский тяжелый танк В-1

Французский легкий танк H-35

Французский средний танк S-35, состоявший на вооружении вермахта

Французские летчики у истребителя «Моран-Солнье MS-406»

Французский военно-морской флот по числу боевых кораблей в сентябре 1939 г. занимал четвертое место в мире, но в его составе находились всего один авианосец и незначительное число кораблей охранения, не имевших к тому же современных средств обнаружения подводных лодок, что повышало его уязвимость перед флотами других государств. Слабо приспособленная к реалиям современной маневренной войны, требовавшей быстрых и неординарных решений, система военного руководства Франции рухнула уже летом 1940 г., спустя чуть более месяца после нападения Германии.

Особенностью стратегического руководства вооруженной борьбой со стороны западных союзников являлось то, что с началом Второй мировой войны оно осуществлялось на коалиционной основе, предполагавшей в рамках единого планирования максимально возможную концентрацию и использование как собственных сил и ресурсов, так и возможностей дружественных, а также зависимых государств. Коалиционная система военного руководства Великобритании и Франции оформилась уже в сентябре 1939 г.

Высшим военно-политическим органом англо-французской коалиции стал Верховный совет союзников в составе премьер-министров, министров иностранных дел и министров обороны обеих стран. В качестве консультативного органа при нем функционировал Высший военный комитет. Совету отводилась роль совещательного органа, а право принимать окончательные решения оставалось за правительством каждой страны. Единого военного командования и объединенного штаба союзных армий создано не было. Стремительный разгром Франции вермахтом в мае — июне 1940 г. привел к распаду англо-французского коалиционного руководства, которое не смогло обеспечить действенного объединения усилий двух стран в области стратегического использования вооруженных сил.

После поражения Франции сохранившаяся часть ее вооруженных сил была практически полностью демобилизована и разоружена. Воссоздание вооруженных сил началось под руководством Французского комитета национального освобождения «Свободная Франция»

(с июля 1942 г. — «Сражающаяся Франция»). Сопредседателем, а затем председателем комитета стал генерал Ш. де Голль (одновременно главнокомандующий французской армией). Первоначально армия ФКНО насчитывала около 90 тыс. человек, но к концу войны ее общая численность возросла до 976 тыс. Во французских сухопутных войсках было сформировано 12 боевых дивизий (три танковые и девять пехотных) в составе трех корпусов. Кроме того, четыре территориальные дивизии дислоцировались в Северной Африке. ВВС были представлены авиационным корпусом. В состав ВМС вошел ряд кораблей, которые удалось спасти после поражения в 1940 г. Вооружение для сухопутных войск и ВВС французы получали от США и Англии по программе ленд-лиза. Основная часть вновь созданных вооруженных сил приняла участие в борьбе против немецко-фашистских войск на территории Италии, Франции и Германии.

Развал англо-французского союза и угроза немецко-фашистской агрессии непосредственно Великобритании заставили английское руководство ускорить сближение с США. Осенью 1940 г. между Вашингтоном и Лондоном было подписано несколько соглашений о военном сотрудничестве. На встречах представителей военных ведомств двух стран в январе — марте 1941 г. были выработаны основы союзной стратегии в войне и принят стратегический план под условным наименованием АВС-1 (от начальных букв английского названия — «американо-британские переговоры»). Этот план определял стратегические цели США и Англии на протяжении всей войны и не претерпел до победы над Японией каких-либо существенных изменений.

Германия была определена в качестве главного противника, и соответственно, была признана необходимость сосредоточения военных усилий США и Англии на Европейском театре и в Атлантике. Относительно Японии было решено, что в случае вступления ее в войну боевые действия на Тихом океане будут носить оборонительный характер до разгрома европейских держав оси. Таким образом, Дальний Восток и Тихий океан были признаны второстепенными театрами войны. В отличие от Лондона, Вашингтон, оставляя для себя свободу рук, официально не утвердил план АВС-1, оставив его в статусе «протокола о намерениях»¹¹.

Разработка основ, а затем детализация англо-американской военно-политической стратегии осуществлялись главным образом на периодических конференциях и встречах глав правительств этих государств, а также в ходе переписки между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Всего за годы войны главы США и Англии обменялись более 1700 посланиями по различным аспектам политической и военной стратегии¹². Для согласования отдельных вопросов активно использовался также институт личных представителей.

Высшим действующим на постоянной основе военным органом коалиционного руководства являлся Объединенный англо-американский комитет начальников штабов, созданный в 1941 г. Особое место в деятельности Объединенного комитета занимали, естественно, вопросы стратегического планирования и управления группировками войск и сил флота. Разработке соответствующих планов ведения боевых действий предшествовали принципиальные решения политического руководства США и Великобритании на конференциях глав правительств. Здесь определялись принципиальные вопросы — цели, сроки и масштабы наступательных операций, в которые вносились коррективы в зависимости от реально складывающейся обстановки, а также по требованию одного из союзников.

На тех театрах военных действий, где вооруженная борьба велась совместными силами США и Англии, создавались союзные объединенные командования. С согласия правительств обеих стран назначался главнокомандующий союзными вооруженными силами, подчинявшийся Объединенному комитету начальников штабов. Он определял состав оперативных группировок, осуществлял прямое руководство их действиями, нес ответственность за ход военных действий и использование выделенных сил. Главнокомандующему подчинялись все командующие видами вооруженных сил, действовавших в данном районе, независимо от национальной принадлежности вооруженной группировки. В штаб объединенного командования входили офицеры армий стран-союзников. Там, где формирование объединенных командований признавалось нецелесообразным, создавались зоны стратегической ответственности.

С целью устранения возможных разногласий, а также для обеспечения оперативности управления Объединенный комитет начальников штабов передавал директивы союзным главнокомандующим на театрах не напрямую, а через комитет начальников штабов того государства, чьим представителем в данный момент являлся главнокомандующий. При этом английским военачальникам, находившимся в подчинении у американцев (как и последним, в свою очередь) было разрешено обращаться в британское Военное министерство, если приказы главнокомандующего, на их взгляд, были необоснованны. Тем не менее выбор кандидатов на должность главнокомандующего и других высших должностных лиц на театрах военных действий, как правило, проходил в обстановке острого соперничества. Это проявилось, например, при формировании объединенного командования, создаваемого для осуществления вторжения в Северную Францию. В конечном счете, было принято решение о том, что выделенные для операции сухопутные, морские и воздушные силы поступали в полное подчинение главнокомандующего союзными экспедиционными силами на Западноевропейском ТВД американского генерала Д. Эйзенхауэра, но его заместителем был назначен англичанин — главный маршал авиации А. Теддер.

Объединенный комитет в основном справлялся с возложенными на него многочисленными задачами, хотя его деятельность и не была лишена недостатков. Руководящая роль комитета во многих случаях носила слишком общий, поверхностный характер. Находясь в Вашингтоне, на удалении многих тысяч километров от театров военных действий, он не мог в полной мере, во всех деталях оценить обстановку и принять оптимальные решения, которые в результате часто подвергались корректировке. Кроме того, процесс коалиционного руководства в значительной степени осложнялся существенными различиями политических целей союзников в войне. Американское руководство в первую очередь стремилось захватить ключевые позиции на Тихом океане, усилить влияние в странах Европы и Азии. Правящие круги Великобритании, в свою очередь, намеревались утвердить свое господство на Балканах, в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, а главное — любой ценой сохранить ослабевшую Британскую империю.

Свидетельством различных подходов к планированию операций явились неоднократные попытки У. Черчилля, вопреки позиции Ф. Рузвельта, перенести начало операции «Оверлорд», задействовав как можно больше сил и средств союзников в Италии с целью укрепления британских позиций в районе Средиземного моря. У. Черчилль во что бы то ни стало хотел упредить советский войска в Юго-Восточной Европе¹³. Однако подобная позиция расходилась с намерениями США, заинтересованных в установлении своего послевоенного доминирования в первую очередь в Западной Европе, а не на Балканах. В конечном итоге, было принято компромиссное решение начать операцию на юге Франции не позднее 15 августа, то есть со значительной отсрочкой — когда операция «Оверлорд» была бы уже в полном разгаре.

Не менее острый характер приняло обсуждение плана дальнейших действий союзников после освобождения Парижа в конце августа 1944 г. Английский фельдмаршал Б. Монтгомери предлагал нанести главный удар на своем, левом крыле западноевропейского фронта, чтобы, обойдя Рур с севера, развернуть стремительное наступление на Берлин. При этом он настаивал на переподчинении ему большей части американских войск, действовавших во Франции. Главнокомандующий союзными экспедиционными войсками в Западной Европе Д. Эйзенхауэр принял иное решение: продвигаясь на широком фронте, выйти к р. Рейн и занять плацдармы на его восточном берегу. В дальнейшем он предполагал развивать наступление в центральной части Германии, Чехословакии и Австрии. Существенные разногласия привели к тому, что западные союзники не смогли воспользоваться благоприятной обстановкой на западном фронте для полного разгрома группировки немецко-фашистских войск во Франции.

Еще более острый конфликт возник в руководстве англо-американской коалиции после завершения Рурской наступательной операции (23 марта — 18 апреля 1945 г.), которая преследовала цель окружения и разгрома крупной группировки немцев. С выходом на р. Эльба англо-американские войска фактически достигли рубежей на территории Германии, согла-

сованных с советским руководством. Однако Д. Эйзенхауэр не поддался соблазну быстрого и легкого прорыва к столице Германии, а сосредоточился на очистке занятой территории от немецких войск. Решением Д. Эйзенхауэра был крайне раздосадован У. Черчилль, которого, по его же собственным словам, поразило то, что Верховный главнокомандующий «отводит столь незначительное место политическому значению Берлина»¹⁴. Тем не менее, несмотря на сильное давление из Лондона, Д. Эйзенхауэр не изменил своего первоначального решения.

Серьезные противоречия между западными союзниками не раз возникали и при выработке стратегии ведения войны на Тихом океане. США сосредоточили свои основные силы в центральной части Тихого океана для нанесения главного удара в направлении Филиппин, расширения сети баз в Китае и других районах Азии. Эта противоречило интересам Лондона, который не без основания полагал, что подобная стратегия, рано или поздно, приведет к утрате Британией ряда своих колоний в Юго-Восточной Азии.

Западными союзниками в годы войны предпринимались попытки создания и других военно-политических органов в более широком составе. В Лондоне, например, действовал так называемый Совет по Дальнему Востоку в составе представителей Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Голландии. С весны 1942 г. в Вашингтоне стал функционировать Тихоокеанский военный совет из представителей США, Великобритании, Австралии, Канады, Голландии, Индии, Бирмы, Новой Зеландии. В данных советах обсуждались главным образом военно-политические проблемы, а их решения носили рекомендательный характер.

Процесс стратегического планирования значительно усложнился после формирования расширенного коалиционного военного руководства в составе четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции (Большая коалиция). Такой состав коалиции внес немало дополнительных противоречий, потребовал еще больших усилий для согласования разнящихся подходов и взглядов на дальнейшее ведение войны.

Сущностное противоречие между союзниками заключалось в том, что США и Великобритания стремились использовать свои силы прежде всего для решения собственных политических и стратегических задач и тем самым переложить основную тяжесть борьбы на СССР. Интересы Советского Союза и его вооруженных сил, которые вели тяжелейшую борьбу против вермахта, при выработке основных проблем коалиционной стратегии руководством США и Великобритании, вплоть до открытия второго фронта в 1944 г., не учитывались или рассматривались в качестве второстепенных. Руководство Советского Союза также действовало прагматично, исходя из собственных национальных интересов. Однако с началом активного периода коалиционного взаимодействия на Европейском театре военных действий оно неоднократно шло навстречу западным союзникам. Характерным примером является перенос сроков наступления на центральном участке фронта в январе 1945 г., чтобы облегчить положение англо-американских войск в Арденнах.

В целом, сложившаяся в годы войны система коалиционного стратегического руководства вооруженной борьбой, несмотря на возникавшие внутри коалиции серьезные противоречия, обеспечила решение большей части задач, которые были поставлены перед их вооруженными силами, и главное — не привела к развалу антигитлеровской коалиции, на что так рассчитывали в Берлине.

Успеху стратегического руководства военными действиями западных союзников способствовали сильные стороны их военного искусства, которые обуславливались военнотеоретическими положениями и военно-теоретическими взглядами, возможностями вооруженных сил, их технической оснащенностью, боевым мастерством военачальников и солдат.

Предвоенные планы западных государств исходили из установки о возможности направления агрессии фашистской Германии против СССР. По мнению военных теоретиков и верховного командования Великобритании и Франции, реализации этой идеи способствовало бы создание очагов военной напряженности вдали от границ Великобритании и Франции, прежде всего в Восточной Европе. Это позволяло добиться распыления сил вермахта и до минимума сократить потенциальные возможности Германии развязать войну на

Западе. В случае поворота фашистской военной машины с востока на запад, что считалось маловероятным, силы вермахта, как полагало англо-французское военное командование, должны были уже истощиться. При этом предполагалось прибегнуть к длительной позиционной обороне для того, чтобы выиграть необходимое время для перегруппировки войск, перестройки промышленности на военный лад, призыва дополнительных контингентов и создания тем самым предпосылок для перехода к решительным наступательным действиям. Исходя из этого, стратегическая оборона рассматривалась как основной вид военных действий на первом этапе войны.

Однако у англо-французской коалиции отсутствовало четкое представление о характере молниеносной войны, предполагавшей с самого начала массированное применение танков, и, как следствие, не имелось согласованной позиции относительно способов ведения стратегической обороны. Такие вопросы, как заблаговременная подготовка оборонительных полос в глубине страны, создание крупных резервов для нанесения контрударов по вклинившимся группировкам противника, маневрирование силами и средствами в случае прорыва обороны, не были разработаны теоретически и тем более освоены практически. Главный расчет делался на удержание сплошного позиционного фронта с опорой на считавшуюся непреодолимой «линию Мажино». Ошибочные военно-доктринальные установки привели к серьезным просчетам в подготовке вооруженных сил Франции и Англии к современной войне, стратегическом развертывании сухопутных войск и авиации, использовании резервов. Это со всей очевидностью проявилось как в период ведения «странной войны», так и при попытке отражения германского блицкрига против Франции.

Если бы Англия и Франция в начальный период «странной войны», не рассчитывая на «линию Мажино», развернули наступательные действия на Западе, это могло бы привести Германию к катастрофе — практически вся боевая мощь вермахта в тот момент была брошена против Польши. На Западе в недостроенных укреплениях «линии Зигфрида» оставались незначительные силы прикрытия. И если Британский экспедиционный корпус во Франции не представлял собой сколько-нибудь значимой боевой единицы, то французские вооруженные силы, располагая 65 кадровыми и 45 резервными дивизиями, были в состоянии самостоятельно нанести сокрушительный удар на Западе.

Вместо этого французское военное командование потеряло драгоценное время на бесплодное обсуждение с англичанами сложившейся обстановки, рассчитывая на прибытие дополнительных воинских контингентов из Англии. Однако в Лондоне не торопились с переброской войск на континент не только из-за традиционной осторожности, но и руководствуясь ошибочным предположением, что следующий удар будет нацелен против Великобритании, а не Франции. По мнению Лондона, наступление на Францию означало для вермахта большие потери, в борьбе же против Англии они могли бы использовать свое главное преимущество — воздушную мощь.

Замысел Берлина, однако, был иным. Он предусматривал прорыв союзного фронта в районе Арденн, последующее форсирование Мааса, занятие Седана и дальнейшее наступление в общем направлении на Булонь, чтобы пробить широкую брешь в обороне союзных армий. Англо-французское командование допустило серьезную ошибку не только в оценке общего замысла военных действий Германии, но и в определении направления главного удара вермахта. Немецкому командованию в результате масштабных дезинформационных мер удалось создать у союзников впечатление, что наступление во Франции будет развиваться в соответствии с «планом Шлиффена», то есть через Бельгию. Соответственно, основная масса англо-французских сил общей численностью около 130 дивизий была развернута на севере.

Главная ставка делалась на «линию Мажино», представлявшую собой долговременные оборонительные позиции и перекрывавшую 750-километровую пограничную линию с Германией вплоть до границ со Швейцарией и Люксембургом. Однако вместо того чтобы штурмовать «линию Мажино», немецкие армии, собрав танковые соединения в бронированный кулак, 10 мая 1940 г. обрушились на Францию через территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга. Их успеху способствовали массированные удары по французским аэродромам,

позволившие немецкой авиации в первый же день войны захватить господство в воздухе. Не замедлило сказаться и равномерное распределение коалиционных войск и особенно стратегических резервов по всему фронту. Прорыв немецкой танковой группировки в самом слабом звене французской обороны — гористой местности Арденн, считавшейся труднодоступной для танков, явился для союзников полной неожиданностью.

Не располагая танковыми и моторизованными соединениями, способными к быстрому маневру на угрожаемые направления, а также сильными резервами для нанесения контрударов, англо-французское командование не смогло ликвидировать прорыв высокоподвижных группировок противника, устремившихся к побережью Ла-Манша. Запоздалая попытка сформировать в ходе боевых действий несколько танковых дивизий и использовать их против наступавшей группировки вермахта не могла уже ничего изменить. Неудачей закончилась и попытка создания нового стратегического фронта в глубине страны. Спешно возводимая оборонительная полоса вдоль рек была плохо оборудована в инженерном отношении, не имела достаточной плотности противотанковых средств и противовоздушной обороны.

Основной причиной неудач союзников, по мнению английского историка Б. Г. Лиддел Гарта, явились отставание в области военной теории и излишняя самоуверенность военного командования, в реальной обстановке продемонстрировавшего невысокий профессионализм. Обученные на традициях Первой мировой войны с ее относительно медленными темпами развития военных действий, французы психологически не успели приспособиться к новым высокоманевренным способам ведения боевых действий. В этом смысле поражение Германии в Первой мировой войне сыграло с победителями злую шутку, породив самодовольство и консервативность во взглядах французского командования¹⁵.

Пассивность обороны была характерна для боевых действий западных союзников и в последующем, особенно при проведении операций на «периферийных» театрах военных действий. Например, на североафриканском фронте, в районе Бир-Хакейма в мае 1942 г., где немецко-фашистские войска, воспользовавшись пассивностью противника и разрывами в его обороне, обошли с флангов укрепленный район англичан и нанесли им тяжелый урон.

Недостаточное умение в организации обороны проявлялось у союзного командования даже на заключительном этапе войны. Союзные войска оказались слишком чувствительны к внезапным контрударам противника в тактической зоне обороны. Активное сопротивление разворачивалось лишь в оперативной глубине. Огромная роль при этом отводилась союзной авиации, которая при подавляющем превосходстве «ходила по головам» противника, нанося массированные удары по его бронетехнике и пехоте. Если бы не фактор господства союзной авиации в воздухе, исход борьбы на западном фронте мог бы быть иным, несмотря на превосходство союзников в технике и людях.

Вместе с тем западные союзники приобрели немалый опыт в организации и проведении стратегических наступательных операций на различных театрах военных действий. Обычно стратегическое наступление союзников начиналось совместными операциями армии и флота с целью захвата плацдарма на побережье или важного в стратегическом отношении островного района. Успеху этих действий в немалой степени способствовал накопленный опыт проведения морских десантных операций.

В первые годы войны им далеко не всегда сопутствовал успех. Так, в августе 1942 г. англичанами была предпринята попытка провести морскую десантную операцию «Юбилей» с целью захвата плацдарма во французском порту Дьепп, расположенном на берегу Ла-Манша. В ходе операции предполагалось прорвать немецкую оборону побережья, а также испытать в действии новые десантные суда¹⁶. Операция закончилась полным провалом. Огневая поддержка десанта с воздуха и моря оказалась недостаточной, чтобы подавить мощные береговые батареи немцев¹⁷. Этот опыт был учтен при подготовке и проведении последующих десантных операций. Одним из успешных примеров проведения десантной операции стала высадка 8 ноября 1942 г. англо-американских войск в Алжире и Марокко (операция «Торч»).

Самой крупной морской десантной операцией Второй мировой войны, результатом которой явилось открытие второго фронта в Европе, стала Нормандская операция в июне

1944 г. При ее планировании и проведении командование союзников использовало опыт, полученный на Средиземноморском театре военных действий в ходе высадки в Северной Африке в ноябре 1942 г., на Сицилии в июле 1943 г., а также ряда десантных операций, проведенных ВМС США на Тихоокеанском театре военных действий. Особенность Нормандской операции заключалась в беспрецедентном масштабе и количестве привлекаемых сил и средств. Успеху проделанной огромной работы способствовало то, что для подготовки к операции командование и штабы союзников располагали практически неограниченным временем. Сосредоточение войск началось с августа 1943 г., когда на Британских островах дислоцировалась лишь одна американская дивизия. К концу мая 1944 г. общее количество личного состава сухопутных войск и авиации США в Англии превысило 1,5 млн человек¹⁸.

В ходе десантной операции было использовано немало военно-технических новинок: сконструированы специальные плавучие молы и искусственные порты, по дну Ла-Манша проложен бензопровод, привлечены суда специального назначения¹⁹. Высадка экспедиционных сил производилась двумя методами: непосредственно десантными кораблями и судами на берег и с перегрузкой войск с транспортов на десантно-высадочные средства для последующей их доставки к назначенным пунктам. Накануне проведения операции на глубину 10–15 км был выброшен воздушный десант с задачей прикрыть фланги морского десанта.

Несмотря на удачное использование опыта, накопленного при проведении предыдущих морских десантных операций, Нормандская операция не была лишена недостатков. Наиболее существенным из них стала медлительность в действиях. Экспедиционным силам потребовалось более полутора месяцев для захвата стратегического плацдарма в Северной Франции протяженностью 100 км по фронту и 30–50 км в глубину. Это дало возможность немецким войскам перегруппировать силы и организовать оборону.

Союзные сухопутные войска, действовавшие в Европе, были практически полностью моторизованными. Большой удельный вес в экспедиционном корпусе занимали бронетанковые дивизии. Однако тактико-технические характеристики американских и английских танков уступали боевым возможностям «пантер» и «тигров». Тем не менее подавляющее господство союзной авиации в воздухе свело на нет преимущество немецко-фашистских бронетанковых сил. В небольшой степени способствовало успеху союзных войск то, что они были оснащены совершенной для того времени радиолокационной аппаратурой, в том числе станциями, предназначенными для засечки артиллерийских позиций.

Наступление союзных сухопутных войск начиналось после надежного огневого подавления обороны противника, для чего кроме артиллерии привлекались крупные силы тактической и стратегической авиации. Для содействия наступающим войскам широко применялись тактические и оперативные воздушные десанты в глубине обороны противника с целью дезорганизации тыловых районов. Для достижения внезапности проводились мероприятия по дезинформации противника: наносились отвлекающие удары бомбардировочной авиации, выбрасывались ложные десанты, сбрасывались дипольные отражатели для имитации действий больших групп самолетов, создавались шумовые эффекты.

Обладея общим превосходством над немецко-фашистскими войсками на Западе в 1945 г. (по пехоте — в 2–2,5 раза, по танкам — в 4–5 раз, по авиации — в 10–20 раз), американо-английское командование без труда создавало на направлении главного удара значительный перевес в силах и средствах. Несмотря на это, темпы прорыва вражеской обороны редко превышали 2–3 км в сутки. Наступление велось, как правило, последовательным продвижением от рубежа к рубежу, глубокие прорывы крупных танковых группировок в тыл противника не предпринимались. Преследование противника в случае его отхода велось сравнительно низкими темпами. Встретив сопротивление, войска обычно останавливались и возобновляли наступление после массированных ударов авиации и артиллерии, подавлявших очаги обороны. Такой метод наступления позволял противнику своевременно выводить силы из-под ударов, восстанавливать нарушенную оборону и оказывать на новом рубеже организованное сопротивление.

Так, после высадки в Нормандии англо-американское командование почти два месяца занималось наращиванием сил, не предпринимая решительных наступательных действий. В результате относительно небольшой по размерам плацдарм был до отказа забит войсками и боевой техникой. В наступление англо-американские войска перешли лишь 25 июля 1944 г.

Операции по окружению и даже полуокружению немецких войск редко удавались союзникам. Так, в ходе Маас-Рейнской операции союзным армиям удалось выйти к р. Рейн, тем самым создав благоприятные условия для последующего наступления с целью овладения важнейшим экономическим районом Германии — Руром. Однако попытка окружить и уничтожить немецкие войска западнее Рейна закончилась неудачей²⁰.

Имели свои особенности и наступательные операции, проводимые союзниками в Тихоокеанском регионе против японских вооруженных сил. Обширность акватории, огромный радиус боевых действий потребовали участия в них крупных авианосных соединений и десантных судов специальной конструкции. Высадке союзных войск предшествовали боевые действия корабельных групп и авиационных соединений с целью не допустить в район десантирования японские морские и военно-воздушные силы.

Силы и средства, привлекаемые к десантной операции, рассредоточивались на широком фронте, во многих портах. Для перевозки десанта морем применялись два способа: «берег — берег», когда расстояние до района высадки было сравнительно небольшим и войска перевозились на высадочных средствах, и «корабль — берег», когда войска вначале перевозились на транспортах, а в районе высадки перегружались на высадочные средства. Авианосные соединения флота вели борьбу за господство в воздухе и на море в районе операции, участвовали в проведении предварительной и непосредственной авиационной подготовки, осуществляли авиационную поддержку десантируемых войск при действиях на берегу.

Десантной операции предшествовала, как правило, длительная предварительная подготовка. За два-три месяца до высадки десанта соединения авианосцев и крупных артиллерийских кораблей совместно со стратегической авиацией наносили удары по вражеским аэродромам и кораблям в базах, а также по противодесантной обороне побережья. Для непосредственной артиллерийской подготовки высадки и поддержки десантных войск широко применялись линкоры, крейсера, эсминцы, а также малые корабли и суда с реактивным вооружением. Оперативное построение и боевые порядки десанта состояли, как правило, из двух эшелонов. В первый эшелон входили сильные передовые отряды, в которые включались плавающие танки, бронемашины и транспортеры, подразделения и части спецназначения (рейнджерс и командос). Действия с моря сочетались с выброской парашютных десантов.

Благодаря широкому использованию специальных десантно-высадочных средств и значительному превосходству в силах, американско-английским войскам, как правило, удавалось достичь высоких темпов высадки морских десантов на необорудованное побережье. Успех сопутствовал Марианской, Каролинской и Филиппинской морским десантным операциям американцев на Тихом океане, в Бирме союзные войска осуществили Импхальскую наступательную операцию. В целом за годы войны англо-американским войскам удалось провести более 30 успешных десантных операций оперативного и стратегического значения. Огромным преимуществом союзных войск являлось наличие у них мощных авианосных соединений, позволявших в кратчайшие сроки добиться господства в воздухе.

Первое крупное морское сражение, в котором в качестве основной ударной силы использовалась авианосная авиация, произошло в Коралловом море в 1942 г. В ходе битвы взаимные удары наносились только авиацией, за пределами дальности артиллерийского и торпедного оружия. Массированное использование авианосных торпедоносцев и бомбардировщиков показало их высокую эффективность в действиях по корабельным группировкам. Опыт этого и других сражений, где главной ударной силой являлась авианосная авиация, внес существенные изменения во взгляды на применение родов сил флота. Отныне господство на море стало неотделимо от господства в воздухе. Характерным в этом отношении стало крупнейшее морское сражение Второй мировой войны на Тихом океане, произошедшее в июне 1942 г. за остров Мидуэй и ставшее поворотным моментом войны в этом регионе. Военные действия

на этом театре показали, что на растянутых морских коммуникациях особое значение приобретает организация маневренного базирования флотов. Американскому командованию в основном удалось решать эту задачу созданием временных баз на захваченных островах, подвижного (плавающего) тыла, плавучих баз и доков для обслуживания боевых кораблей.

В практике военного искусства США и Великобритании значительное место занимали воздушные операции. Для действий по объектам глубокого тыла фашистской Германии и Японии использовались специально сформированные авиационные объединения и соединения. Более того, до высадки в Нормандии стратегическое воздушное наступление против Германии являлось единственной формой наступательных действий союзных вооруженных сил на западе Европы. Несмотря на массированное использование авиации, стратегическое воздушное наступление не смогло решить поставленные перед ним задачи: в июле — сентябре 1943 г. ослабить германскую истребительную авиацию на Западе²¹, в октябре — декабре подвергнуть массированным бомбардировкам ключевые отрасли германской промышленности, в январе — марте 1944 г. создать предпосылки для вторжения войск на континент²². К концу 1943 г. силы германской истребительной авиации на Западе, по данным союзников, не только не были уничтожены, но, напротив, даже немного увеличились, что ставило под вопрос эффективную авиационную поддержку операции вторжения²³. Опыт первых воздушных операций показал, что для их успешного проведения необходимы предварительное овладение господством в воздухе над всей территорией противника, непрерывность действий, концентрация усилий авиации на тех объектах военного и экономического потенциалов, уничтожение которых даст максимальный эффект в короткие сроки. Но до весны 1944 г. англо-американской авиации не удалось полностью добиться господства в воздухе, что определило относительно низкую эффективность воздушного наступления на Германию.

Повышению эффективности использования стратегических ВВС способствовал переход от действий малыми группами к массированным налетам. Проводились также «челночные операции», в ходе которых удары наносились по объектам, расположенным на большом удалении от мест базирования с последующим использованием аэродромов на территории союзных государств, в том числе и СССР. Появившаяся возможность совершать полеты на большую дальность позволила избирать маршруты, способствовавшие дезориентации постов управления и наведения немецких истребителей.

Огромные водные пространства Тихоокеанского театра выдвинули перед американским командованием две основные задачи: вооружить ВВС новыми бомбардировщиками с большим радиусом действий и обеспечить их местами базирования. Эти задачи были решены после захвата Марианских островов, где к началу 1945 г. была сосредоточена сильная группировка самолетов В-29. Первоначально против Японии применялась проверенная на Европейском театре военных действий тактика — массированные прицельные бомбовые удары с предельных высот в дневное время. Однако в длительных перелетах к Японским островам (до 16 часов полетного времени) бомбардировщики В-29, не прикрытые истребителями, часто обнаруживались силами ПВО противника и несли большие потери.

Положение изменилось после овладения островом Иводзима, на котором американцы сосредоточили истребители дальнего сопровождения. Это дало возможность применить новую тактику — бомбардировку объектов в ночное время со средних и малых высот. Во время воздушных налетов истребители прикрытия не только вели воздушные бои с противником, но и выполняли функции штурмовиков в борьбе с зенитной артиллерией. Союзники учли также специфику наземных целей в Японии — преобладание деревянных построек, окружавших промышленные предприятия. Вместо фугасных бомб применялись зажигательные (а позднее и напалмовые), принесяшие неисчислимые бедствия мирному населению. После того как ПВО Японии была серьезно ослаблена, американская авиация перешла от прицельного бомбометания по отдельным объектам к бомбардировкам по площадям с малых высот. Такие действия фактически привели к уничтожению не только военно-промышленных объектов, но и жилых районов, приобретая характер акций устрашения против гражданского населения. Американская авиация сожгла около 100 японских городов, большинство

которых не имело военных объектов. К участию в стратегических бомбардировках Японии привлекалась и авианосная авиация. Обладая высокой маневренностью и автономностью действий, авианосные соединения могли наносить противнику неожиданные удары там, где другим родам авиации это сделать было трудно или даже невозможно.

Значительное развитие в годы войны получили приемы и способы ведения противовоздушной обороны. Этим вопросам наибольшее внимание уделялось в Великобритании. В условиях постоянной угрозы налетов немецкой авиации английское командование было вынуждено в срочном порядке искать пути усиления противовоздушной обороны Британских островов. Территория Великобритании была разделена на четыре района ПВО, каждый из которых включал несколько секторов с пунктами управления и центрами обработки данных, поступавших от постов воздушного наблюдения и оповещения. Секторные пункты управления имели непосредственную связь с оперативным центром, осуществлявшим общее руководство средствами ПВО. К зоне огня зенитной артиллерии вплотную примыкала зона ночного боя истребительной авиации (глубиной 35–40 км). Такая система повышала надежность зоны ПВО, что в скором времени ощутила на себе немецкая авиация. Развитая аэродромная сеть позволяла базировать истребительную авиацию как в непосредственной близости от защищаемых объектов, так и на дальних подступах к ним. Этим достигались не только широкий маневр истребителей на угрожаемые направления, но и наращивание усилий из глубины в случае массированных налетов противника.

Огромную роль в эффективности английской системы ПВО сыграло широкое использование радиолокационных станций, позволявших заблаговременно обнаружить самолеты противника при подходе к Британским островам. В годы войны в Великобритании удалось создать, по существу, сплошное поле радиолокационного наблюдения на всей территории страны и в радиусе 150 км от побережья, прикрываемое первоначально сетью РЛС (линия «Чейн Хоум»). В 1942 г. началось развертывание значительно более эффективных станций с вращающейся антенной, осуществлявших поиск целей в круговом секторе. Британские радары могли обнаруживать вражеские бомбардировщики на дальности до 200 км, а высота самолета, находящегося на расстоянии 100 км от РЛС, определялась с точностью до 500 метров. Зачастую самолеты люфтваффе обнаруживались сразу после взлета со своих аэродромов. Роль радаров в отражении вражеских налетов трудно переоценить. Английские станции оружейной наводки GL Mk II поставлялись также по ленд-лизу в Советский Союз. Применение подобных станций позволило на порядок повысить боевую эффективность среднекалиберной зенитной артиллерии.

На завершающем этапе войны английская ПВО столкнулась с новой задачей — необходимостью ведения борьбы с самолетами-снарядами Фау-1 и баллистическими ракетами Фау-2. Первоначально была предпринята попытка обойтись существующей тактикой борьбы против воздушных целей, без серьезной перестройки системы ПВО, однако этого оказалось недостаточно. В результате в секторе полетов Фау-1 была создана глубоко эшелонированная оборона с большим количеством зенитно-артиллерийских средств, истребительной авиации и аэростатов заграждения. Группы истребителей стали вести круглосуточное патрулирование в соответствующих зонах, широко использовались радиолокационные станции и корабли радиолокационного дозора, входившие в этот сектор. Однако без привлечения бомбардировочной авиации для уничтожения стартовых позиций, предприятий и складов ракетостроительной промышленности решить проблему борьбы с Фау-1 так и не удалось.

Еще более сложной для английской противовоздушной обороны оказалась задача борьбы с баллистическими ракетами Фау-2, против которых система ПВО того времени фактически оказалась бессильной. Угроза их применения против Британии была ликвидирована лишь после того, как удалось занять районы стартовых площадок, с которых запускались Фау-2.

Таким образом, в годы войны западными союзниками был накоплен огромный опыт в развертывании массовых вооруженных сил, обучении мобилизованных контингентов, переброске войск на большие расстояния, организации их материально-технического обеспечения. Качественный рывок в своем развитии пережили все виды и рода войск. Вооруженная

борьба в годы Второй мировой войны, которая являлась «войной моторов», характеризовалась применением огромного количества военной техники. Ни в одной из войн прошлого не использовался столь широкий и разнообразный арсенал военно-технических средств. Если в первые годы войны вооружение и боевая техника западных союзников, за редким исключением, уступала арсеналу германских войск, то уже к 1943 г., нарастив военно-экономические возможности, они обладали сопоставимым по качественным характеристикам военно-техническим потенциалом (за исключением бронетанкового вооружения), а по количественным показателям — значительно превышавшим. Это позволило западным союзникам успешно решать масштабные стратегические и оперативно-стратегические задачи.

Значительное внимание уделялось оснащению союзных войск радиотехническими средствами, разнообразной военно-инженерной техникой, а также средствами радиолокации. В этой области западными союзниками был достигнут значительный перевес над армиями стран оси. Возросший уровень технической оснащенности войск, их моторизация и механизация, увеличение боевого и численного состава вооруженных сил и размаха операций вызвали резкий рост потребностей в материальных и технических средствах. Любая стратегическая операция требовала расхода такого количества материальных средств, которого в прежних войнах хватало на несколько кампаний. В этой войне экономик западные союзники одержали победу задолго до окончания вооруженной борьбы. Уже к концу 1943 г. вооруженные силы западных союзников обладали подавляющим превосходством в силах и средствах.

Особое внимание уделялось развитию военно-морских флотов Соединенных Штатов Америки и Англии, которые пополнились новыми кораблями всех классов, а также средствами противокорабельной и противолодочной борьбы, оказывавших значительное влияние на ход и исход вооруженного противоборства. Так, широкое применение с 1943 г. английских реактивных противолодочных бомбометов «Хеджеhog» и «Сквид» («убийц субмарин»), позволило им эффективно поражать лодки противника, вынудив Германию значительно уменьшить масштабы подводной войны.

В годы войны западные союзники приступили к решению стратегических задач по уничтожению политических и военных центров стран оси, вывода из строя их экономического потенциала, а также деморализации населения и армии противника. Массированное воздействие по военно-экономическим объектам и политико-административным центрам действующих государств силами стратегической авиации, а позднее и ракетным оружием стало новым явлением в вооруженной борьбе, которое затем широко практиковалось США и Великобританией в послевоенных локальных войнах и конфликтах.

Особый размах стратегическое воздушное наступление приобрело после того, как в 1944 г. на вооружение военно-воздушных сил США поступили сверхдальние стратегические бомбардировщики В-29, а также усовершенствованные истребители, способные сопровождать стратегические бомбардировщики при выполнении боевых заданий. В результате повышения боевых возможностей военно-воздушных сил ударная мощь англо-американских армий и флотов, размах военных действий значительно возросли. Если в Первой мировой войне авиация действовала по группировкам вражеских войск преимущественно в пределах прифронтовой зоны, то во Второй мировой глубина ее боевого применения многократно возросла, охватив не только боевые порядки войск и ближайшие тылы противника, но и его глубокий тыл. Наряду с увеличением дальности и скорости полета самолетов возросла их бомбовая нагрузка, что позволило повысить массированность ударов бомбардировочной авиации.

Вместе с тем военное искусство западных союзников не было лишено существенных недостатков. В частности, американо-английскому командованию за время войны не удалось осуществить на континентальном ТВД ни одной крупной операции на окружение и разгром группировки противника. Одной из главных причин этого являлось неумение или нежелание распорядиться основной ударной силой сухопутных сил — бронетанковыми войсками.

В боевых действиях в Северной Африке, Италии и Западной Европе танковые дивизии союзников в большинстве случаев использовались рассредоточенно, что резко снижало их

боевые возможности. Так, например, при наступлении 1-й американской армии против «линии Зигфрида» в сентябре 1944 г. три ее танковые дивизии, действуя на разобщенных направлениях, прорвали оборону противника, но контрударами почти на всех направлениях были отброшены. В тех случаях, когда американцы применяли свои танковые соединения массированно, как, скажем, в июле 1944 г. в Нормандии, где в составе 7-го и 8-го армейских корпусов действовали по две дивизии, они добивались серьезных успехов. На Тихоокеанском театре в силу его специфичности танки применялись только в составе батальонов, действуя мелкими группами в боевых порядках пехотных подразделений. В основном в ходе боев на островах танки использовались для уничтожения долговременных огневых точек японцев.

В целом, для бронетанковых войск армии союзников в годы Второй мировой войны характерными были боевые действия в условиях подавляющего превосходства над противником в живой силе и боевой технике. Основную задачу по подавлению противника выполняла авиация, взаимодействие с которой часто нарушалось, что заметно снижало темпы наступления.

Опыт стратегического руководства вооруженной борьбой, а также организации взаимодействия между видами и родами войск был использован западными союзниками в послевоенном строительстве вооруженных сил.

Государственные и военные деятели союзных стран

Франклин Делано Рузвельт. США вступили в войну, когда Ф. Рузвельт переизбрался на свой третий срок в Белом доме. К тому времени он уже был испытанным политическим лидером, пользовавшимся большим авторитетом в своей стране. Под его руководством Америка смогла выйти из Великой депрессии 1930-х гг. окрепшей и обновленной реформами «нового курса», которые придали американскому капитализму более передовой характер. К концу 1930-х гг. экономика вышла на докризисный уровень и продолжала расти. Вырос и социальный оптимизм — американцы вновь поверили в свою страну, ее идеалы и будущее. Всё это создавало важные материальные и духовные предпосылки для того, чтобы справиться с новым испытанием приближавшейся большой войны.

Ф. Рузвельт рано начал осознавать ту опасность для цивилизации, которую несли с собой германский фашизм и японский милитаризм. Само установление дипломатических отношений с СССР в 1933 г. после многих лет политики непризнания было для него связано с пониманием необходимости поиска потенциальных противовесов этой угрозе. Интуиция подсказывала президенту, по его собственному признанию первому советскому послу в Вашингтоне А. А. Трояновскому еще в 1936 г., что США и СССР станут союзниками в войне с гитлеровской Германией, а после войны будут сотрудничать в создании нового миропорядка²⁴. Однако путь к этому союзу оказался долгим и тернистым.

В предвоенные годы США следовали политике невмешательства в международные конфликты. Однако в своей реальной политике Ф. Рузвельт постепенно сдвигался в сторону поддержки антифашистских сил. В июле 1939 г. он одобрил продажу первой партии боевых самолетов Франции, а в ноябре, созвав конгресс на специальную сессию, провел через него отмену политики эмбарго на продажу оружия воюющим странам при условии его транспортировки из США на иностранных судах.

29 декабря 1940 г. Ф. Рузвельт выступил с большой программной речью, в которой впервые провозгласил главной задачей США стать «великим арсеналом демократии» в борьбе с фашизмом. Имелось в виду, что Америка возьмет на себя роль основного производителя и поставщика вооружений для противников фашизма, оставаясь в стороне от прямого участия в боевых действиях. Такая стратегия позволяла Соединенным Штатам не только сохранять свои людские ресурсы, но и быстро наращивать собственную военно-экономическую мощь,

Ф. Рузвельт подписывает Акт об объявлении войны Японии

а также дать мощный толчок развитию американской экономики за счет собственных и иностранных военных заказов. Правительство развернуло программу конверсии промышленности и наращивания вооруженных сил, приступило к секретному военно-штабному сотрудничеству с Великобританией.

По мере поступления все новых разведанных о скором нападении нацистской Германии на СССР Ф. Рузвельт и У. Черчилль приступили к согласованию своих планов в отношении Советского Союза. 24 июня президент сделал заявление о готовности оказать помощь СССР, но воздержался от конкретных обязательств. Многие политики ратовали за политику выжидания. К тому времени Ф. Рузвельт хорошо понимал, что политика выжидания и надежда отсидеться за океаном — это опасные иллюзии и только объединение усилий всех противников оси сможет спасти цивилизацию от смертельной опасности. Вопреки пессимизму и антисоветизму вашингтонских кругов Ф. Рузвельт с самого начала иначе оценивал потенциал и перспективы советского сопротивления. Эта оценка президента окрепла после визита в Москву его главного помощника Г. Гопкинса (30 июля — 2 августа 1941 г.), который был назначен куратором помощи Советскому Союзу и вместе с ним стал основной движущей силой этой программы.

Главной целью Ф. Рузвельта было выиграть войну с минимальными людскими потерями и другими издержками для самих США. Он считал, что отсутствие угрозы вражеского вторжения, огромная экономическая база с большим запасом производственных мощностей и запас времени для постепенного наращивания сил позволяют Америке использовать весьма щадящую модель мобилизации. Ее предполагала и рузвельтовская стратегия «арсенала демократии», нацеленная на оказание помощи воюющим союзникам и создание военно-экономического потенциала, превышающего производственные возможности стран оси. А главное — в тотальной мобилизации не было необходимости, пока, как писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю в апреле 1942 г., «русские убивают больше немцев и уничтожают больше военной техники, чем мы с вами вместе взятые»²⁵.

Большой стратегии Ф. Рузвельта соответствовала и его политическая линия внутри страны. Еще до вступления США в войну он взял курс на сплочение нации для борьбы с внешним врагом. Новые будоражившие общество социальные реформы откладывались на послевоенный период. К руководству Военным министерством и военным производством были привлечены крупные предприниматели и юристы из оппозиционной Республиканской партии. Пропагандистская машина государства вела обработку населения в духе патриотизма, веры в победу и непримиримости к врагу.

В условиях экстренных обстоятельств военного времени произошла резкая централизация принятия ключевых решений в руках президента и его ближайших советников при заметном ослаблении роли Госдепартамента и других гражданских ведомств. Президент стал главным дипломатом страны, установив постоянный контакт с У. Черчиллем и И. В. Сталиным посредством переписки, а с У. Черчиллем — еще и личных встреч. Тем не менее Ф. Рузвельту приходилось сталкиваться с резкой критикой справа, особенно оживившейся в период военных неудач 1942 г.

Это было время важнейших военно-стратегических решений союзников, принятых при самом непосредственном участии президента. В апреле он поддержал первоначальные планы своих военных по подготовке массированного вторжения на север Франции в 1943 г. и запасного варианта десанта силами 6–10 дивизий осенью 1942 г. на случай непосредственной угрозы краха советско-германского фронта. В мае на вашингтонских переговорах с В. М. Молотовым президент пошел навстречу советскому требованию открыть второй фронт в 1942 г. и вопреки возражениям своих военных согласился зафиксировать эту дату в итоговом коммюнике. Однако уже в конце июля под давлением англичан он поддержал британский план вторжения в Северную Африку, который фактически ставил под вопрос открытие второго фронта в 1943 г.

Принимая решение о переключении на «средиземноморскую стратегию» в 1942 г., Ф. Рузвельт хотел предотвратить англо-американский раскол по вопросам «большой стратегии»

Ф. Рузвельт и У. Черчилль во время встречи на линкоре «Принц Уэльский»

Президент США Ф. Рузвельт награждает бригадного генерала У. Уилбура во время конференции в Касабланке

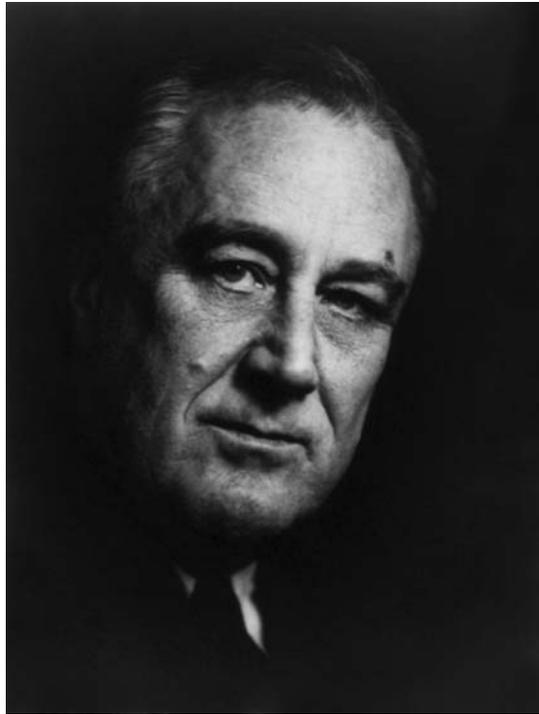
(тем более что основные силы для наступательных операций 1942–1943 гг. поставляли англичане), хотя бы частично выполнить данное И. В. Сталину обещание о втором фронте в 1942 г., успокоить общественное мнение США, недовольное отсутствием успехов в войне с Германией после почти года войны. Не менее важным фактором была уже отмеченная общая стратегия Ф. Рузвельта в войне. Президент давал У. Черчиллю в военных вопросах «вести себя на буксире» (по образному выражению М. М. Литвинова)²⁶ еще и потому, что и сам стремился избежать больших потерь, связанных со вторым фронтом. Показательно, что впредь Ф. Рузвельт уже серьезно не расходился со своим командованием в вопросах большой стратегии. Его вмешательство в руководство военными операциями также было значительно меньшим, чем у И. В. Сталина и У. Черчилля. Главное внимание президента сосредоточилось на политических отношениях внутри большой тройки.

После исторической победы Красной армии под Сталинградом советский фактор приобрел для западных союзников особое значение. Становилось ясно, что Советский Союз в состоянии не только разбить основные силы вермахта, но и выйти из войны великой державой с заметно укрепившимися позициями. Вопрос о том, как следует относиться к этому возвышению СССР, стал ключевым на новом витке американских дебатов. «Пессимисты» считали его угрозой интересам США и предлагали различные способы «сдерживания России» — «балканскую стратегию» с целью не пустить СССР в Восточную Европу, политизацию ленд-лиза и прочее. Они исходили из невозможности сосуществования с советским режимом в силу коренных идеологических и политических различий. «Реалисты» полагали, что Советский Союз необходим для полного разгрома Германии, а затем и Японии, и потому заслуживает американской поддержки. Вместе с тем они ставили знак вопроса над будущим советской системы и предлагали готовиться к худшему путем достижения военно-стратегического и экономического превосходства США в послевоенном мире.

Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение были скорее «оптимистами». Они не верили в неискоренимую враждебность СССР к США и считали, что при условии учета законных интересов безопасности советская система может эволюционировать навстречу Западу, а сам СССР, как писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю в 1944 г.²⁷, — стать «равноправным членом сообщества великих держав». Поэтому президент считал необходимым не только сотрудничество с СССР в годы войны, но и его продолжение в послевоенный период. «Советская стратегия» Ф. Рузвельта была неразрывно связана с личными качествами самого президента — его оптимизмом в отношении социальных перемен, идеологической гибкостью и терпимостью, темпераментом реформатора. Он внимательно присматривался к советскому опыту и даже допускал возможность встречного движения — социализации американского капитализма и либерализации советского социализма. Такое сближение, на его взгляд, было способно со временем преодолеть раскол мира на две враждебные системы²⁸.

Президент понимал, что прочный мир будет немислим без участия в нем новой великой державы. «Мы должны иметь в виду коалицию британцев, американцев, китайцев, русских, — объяснял он смысл этой идеи в своем кругу. — Даже если вам русские не нравятся, вы все равно обязаны иметь с ними дело. Они слишком велики и сильны, чтобы согласиться на разоружение, и вам будет лучше следовать старой политической теории: если вы не можете заставить кого-либо подчиниться вам силой, сделайте его вашим союзником»²⁹.

И. В. Сталин полностью согласился с этой идеей президента. «Соображения Рузвельта насчет охраны мира после войны совершенно правильны, — телеграфировал он в ответ В. М. Молотову. — Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, СССР, США, способной предотвратить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо бы сюда включить Китай»³⁰. Советский лидер снова вернулся к этому вопросу в Тегеране, где в беседе с Ф. Рузвельтом высказался за совместный контроль Объединенных Наций не только над Германией, но и другими стратегическими опорными точками в Европе, на Дальнем Востоке и в Северной Африке. Президент словесно поддержал эту идею «на все сто процентов», после чего И. В. Сталин заметил, «что в таком случае все обеспечено»³¹.

Портрет Ф. Рузвельта

С учетом уроков мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Ф. Рузвельт также придавал большое значение созданию международного механизма регулирования кредитно-денежной политики для предотвращения подобных потрясений в будущем. Это привело к созданию в 1944 г. Бреттон-Вудской системы, основой которой стал американский доллар. Рузвельтовская схема послевоенного устройства предусматривала не полное равенство великих держав, а лидирующую роль США как главного опекуна этого миропорядка. Ф. Рузвельт «стремился исподволь обеспечить американское преобладание во всех этих структурах: включение в «четверку полицейских» Китая было призвано дать Вашингтону лишний голос в этой группе; право вето в Совете безопасности — гарантировать, что он никогда не выступит против американских интересов; Бреттон-Вудская система должна была увековечить экономическую гегемонию, с которой США неизбежно выйдет из войны»³².

Прекрасно понимая решающую роль И. В. Сталина в созданной им системе, президент стремился наладить личные отношения с ним. Будучи реалистом, Ф. Рузвельт отдавал себе отчет в неизбежности усиления советского влияния на освобождаемых территориях и необходимости признания законных интересов безопасности СССР. Уже в Тегеране он дал понять советскому лидеру, что США не будут серьезно препятствовать восстановлению советского контроля над Прибалтикой при условии соблюдения там внешних демократических приличий типа проведения референдума. Он проявил уступчивость в отношении переноса советско-польской границы на запад, получения части Восточной Пруссии с Кёнигсбергом, подтверждения условий советско-финского договора 1940 г., а также возвращения части прав и привилегий России на Дальнем Востоке. Ф. Рузвельт также был готов смириться с советским преобладанием в Восточной Европе³³. На закрытой встрече с сенаторами президент говорил, что «русские имеют власть в Восточной Европе, и поскольку разрыв с ними невозможен, единственный практический выход состоит в использовании нашего влияния для облегчения ситуации»³⁴. Он надеялся сохранить советскую сферу влияния открытой для

американских идей, капиталов и товаров, совместив таким образом советские потребности безопасности с американскими интересами.

Кульминацией сотрудничества большой тройки в годы войны стала Ялтинская конференция. Само согласие Ф. Рузвельта на эту далекую и рискованную для его здоровья поездку вопреки мнению У. Черчилля и своего окружения говорило о его признании решающего вклада СССР в разгром Германии и уважении к советскому лидеру. Ялтинские решения до сих пор подвергаются в США критике со стороны правых сил как провал дипломатии Ф. Рузвельта, приведшей якобы к «предательству Восточной Европы» и излишним территориальным уступкам Советскому Союзу на Дальнем Востоке. Ялтинские уступки были не результатом ошибок американской дипломатии в 1945 г., а закономерным следствием ключевых стратегических решений западных союзников в 1942–1943 гг., предоставивших разгром основных сил вермахта и освобождение Восточной Европы Красной армии.

После Ялты президент до последнего дня пресекал попытки А. Гарримана и других «ястребов» ужесточить политику в отношении СССР, сдерживал возросшую агрессивность У. Черчилля. Он сохранял надежду на то, что с помощью взаимных уступок и сохранения привычного формата большой тройки для решения важнейших проблем удастся провести союз великих держав через большие испытания конца войны и послевоенного урегулирования. Он хорошо сознавал, что после устранения общей угрозы этому союзу потребуются найти новую основу, и видел ее в общей заинтересованности в сохранении прочного мира. «Чем ближе мы приближаемся к разгрому наших врагов, тем больше сознаем различия, существующие между победителями, — говорил он в своем последнем обращении «О положении страны» в январе 1945 г. — Но мы не должны позволить этим различиям разъединить нас и помешать видеть наши более важные, общие и долговременные интересы в достижении победы в войне и создании прочного мира. Международное сотрудничество, на котором должен основываться длительный мир, не может быть улицей с односторонним движением»³⁵.

Ключевое значение при этом придавалось продолжению личной дипломатии на высшем уровне. «Вопросы размеров, границ и соотношения сил между государствами континентальной Европы могли казаться не столь уж важными, — писал об этом настрое Ф. Рузвельта известный историк и дипломат, участник событий Г. Фейс. — Если, как это, возможно, представлялось, три основных участника военной коалиции смогли бы действовать сообща в новой международной политической организации, то эти вопросы поддавались удовлетворительному разрешению»³⁶. О том же говорил в Ялте и И. В. Сталин: «Пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами»³⁷.

Смерть Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. имела пагубные последствия для дальнейшей судьбы Великого альянса. В рамках большой тройки он играл ключевую роль связующего звена между часто конфликтовавшими И. В. Сталиным и У. Черчиллем, поддерживая с каждым из них отношения, которые были лучше, чем у тех между собой³⁸. Не менее важным объединяющим началом была и союзная философия президента, который стремился сохранить сотрудничество великих держав и после войны. Без Ф. Рузвельта хрупкое равновесие в большой тройке было нарушено, поскольку новый президент США был далек от рузвельтовского искусства обращения с советским руководством, не имел опыта сотрудничества с И. В. Сталиным и тяготел к гораздо более жесткому курсу в отношении СССР, к которому его призывали У. Черчилль и свои дипломаты.

Внутри страны уход Ф. Рузвельта открыл шлюзы растущих антисоветских настроений, накапливавшихся во внешнеполитическом истеблишменте США к концу войны. Ф. Рузвельт умел их сдерживать, однако теперь ситуация изменилась. В результате вектор американской внешней политики стал быстро смещаться вправо.

Ф. Рузвельт постепенно готовил соотечественников к осознанию новой роли и ответственности Америки в мире. «Политическая, экономическая, военная и моральная мощь, которую обрела наша страна, — говорил он в одной из своих внешнеполитических речей 1944 г., — налагает на нас ответственность и дает нам возможность играть ведущую роль в сообществе наций»³⁹. Политика Ф. Рузвельта продемонстрировала умение действовать сообща

с другими великими державами ради общей цели, невзирая на существующие между ними идеологические и политические различия. Именно поэтому он смог сыграть столь важную роль в формировании и функционировании антигитлеровской коалиции.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. Из всех известных политических деятелей XX в. У. Черчилль — один из наиболее сложных и противоречивых персонажей. Прожив долгую и, несомненно, яркую жизнь, он оставил неизгладимый след не только в истории своей страны, но и в мировой истории. У. Черчилль, пожалуй, единственный, кто занимал ключевые посты в британском правительстве в период двух мировых войн и оказал существенное влияние на ход военных действий в каждой из них. Непримирымый враг Советской России и коммунизма вообще, он был первым, кто протянул ей руку помощи в самое тяжелое время, и в то же время делал все возможное, чтобы эта помощь шла не слишком быстро.

Кавалерийский офицер, храбрый до безрассудства, успешный политик, достигший вершин власти и величия, талантливый литератор, удостоенный Нобелевской премии в области литературы, — любого из этих деяний кому-либо другому хватило бы на всю жизнь. Любому, но только не ему.

У. Черчилль родился 30 ноября 1874 г. Его отец — лорд Рэндольф Черчилль был третьим сыном седьмого герцога Мальборо — Джона Уинстона Спенсера Черчилля и герцогини Френсис, урожденной маркизы Лондондери. Мать — леди Дженни Рэндольф Черчилль была дочерью богатого американского бизнесмена.

По окончании школы, избрав полем будущей деятельности военную карьеру, юный Уинстон сдал вступительные экзамены в Королевское военное училище в Сандхёрсте, куда поступил только с третьей попытки. Он окончил училище в декабре 1894 г. с весьма неплохими результатами, 20-м из 130 выпускников⁴⁰. В феврале 1895 г. был произведен в чин второго лейтенанта. Первое боевое крещение принял в 21 год на Кубе. За отвагу, проявленную в этом походе, награжден испанским орденом Красного Креста.

В 1897 г. У. Черчилль снова попал на войну в качестве военного корреспондента газеты «Пионер» в экспедиционном корпусе, отправленном подавлять восстание на северо-восточной границе Индии. В звании лейтенанта ему пришлось участвовать в боях, где он проявил себя храбрым и грамотным офицером. Его репортажи выходили под псевдонимом Молодой Офицер. Затем он добился назначения в 21-й уланский полк, который вскоре оказался в гуще событий войны в Судане. По возвращении в Англию он с головой ушел в работу над книгой о суданской военной кампании. В это же время началось его восхождение на политический олимп, однако выборы в парламент по округу Олдхем У. Черчилль проиграл.

В 1899 г. началась Англо-бурская война. У. Черчилль отправился на нее в качестве военного корреспондента «Морнинг пост». Несмотря на свой статус, он вновь не удержался от активного участия в военных действиях. Участие в разведрейде на бронепоезде, бой, спасение раненых, плен и удачный побег сделали его популярным. Он стал получать предложения баллотироваться в парламент, но вместо этого подал прошение о зачислении в действующую армию.

В 1900 г. он возвратился в Англию, погрузился в работу над новыми книгами и в том же году стал членом парламента от Консервативной партии. 31 мая 1904 г., после внутрипартийного конфликта, У. Черчилль перешел в Либеральную партию, заработав прозвище Бленхеймская Крыса. Через полгода он был назначен заместителем министра по делам колоний в правительстве Г. Кэмпбелла-Баннермана, а в 1906 г. прошел в парламент от либералов, выиграв выборы в Манчестере.

Работоспособность и эффективность молодого политика заметили и оценили по достоинству. Весной 1908 г. он был уже министром торговли и промышленности в правительстве Г. Асквита. Однако он едва не лишился этого поста, провалив промежуточные выборы в Манчестере, на которых должен был подтвердить свой новый статус. Выручили избиратели округа Данди в Шотландии, предложившие ему представлять их в палате общин. Именно там в ходе предвыборных митингов он окончательно позиционировал себя как последовательный и непримирымый противник социализма. В том же году он женился на дочери отставного полковника сэра Генри Монтагю Хозье и леди Бланш — Клементине Хозье.

У. Черчилль

У. Черчилль на борту крейсера «Эксетер»

В 1910 г. У. Черчилль занял один из самых влиятельных постов в правительстве — министра внутренних дел. Стачечное движение в Англии в это время приобрело особую остроту. Именно благодаря У. Черчиллю применение силы против бастующих, в том числе и военной силы, стало едва ли не нормой.

23 октября 1911 г. он стал первым лордом Адмиралтейства и в этой должности встретил Первую мировую войну. Провал Дарданелльской операции 1915 г., приведшей к потерям, которых Великобритания еще не знала, предопределил его отставку. Он направился во Францию в действующую армию в звании майора⁴¹. Впоследствии, под впечатлением ужасов Первой мировой, с ностальгией вспоминая старые добрые времена, когда «драгуны, уланы и в первую очередь гусары еще сохраняли за собой освященное временем место на поле боя»⁴², он писал: «Позор, что алчная, подлая, авантюрная война все это отвергла и предпочла услуги очкариков-химиков и летчиков с пулеметчиками... Из жестокой и блистательной война превратилась в жестокую и омерзительную... Едва демократия оказалась допущена, а вернее, сама влезла на поле боя, как война перестала быть джентльменским игрищем»⁴³.

Тем временем обстановка на фронтах начала склоняться в пользу Антанты. Менялось положение и в политической ситуации в Англии, что позволило У. Черчиллю вернуться в политику. В июне 1916 г. он оставил военную службу и возвратился в Лондон.

11 ноября 1918 г. Первая мировая война закончилась. Европа торжествовала победу. Но революция в России вносила свои коррективы в действия союзников. Мир изменился кардинально, и нужно было решать, что делать дальше. Брестский мир, заключенный между советским правительством и Германией, ставил союзников в довольно тяжелое положение. Они готовы были признать большевистское правительство де-факто при условии, что оно будет продолжать войну⁴⁴. Но большевики от сотрудничества отказались. У. Черчилль прямо указывал на ответственность временного правительства за развал государства и армии⁴⁵. К тому же союзникам нечего было предложить России за продолжение ее усилий в войне. У. Черчилль верил, что «британские интересы превыше закона и справедливости, ибо они и есть закон и справедливость»⁴⁶.

10 января 1919 г. У. Черчилль получил пост военного министра и принял самое деятельное участие в организации интервенции союзных держав в Россию. В конце декабря 1917 г. он заявил, что после выхода из войны и начала сепаратных переговоров с Германией большевиков следует считать «открыто признанными врагами»⁴⁷. По его словам, «союзники принуждены были вмешаться в дела России после большевистской революции для того, чтобы победить в великой войне»⁴⁸.

После катастрофы на выборах в 1922 г. У. Черчилль занялся живописью и литературой. В политику он смог вернуться только в 1924 г., избравшись в парламент от Консервативной партии, которую с таким скандалом покинул 20 лет назад. 6 ноября он получил пост министра финансов в правительстве С. Болдуина. А в 1929 г. разразился мировой экономический кризис, и политическая карьера У. Черчилля прервалась на целых десять лет. Никто не верил, что он сможет подняться вновь. Потребовалось величайшее из потрясений — Вторая мировая война, чтобы У. Черчилль не только снова взшел на политический олимп, но и поднялся на самую вершину. Как впоследствии писал фельдмаршал Б. Монтгомери, «англичане не утратили своего духа, но понадобился Уинстон Черчилль, чтобы разбудить его»⁴⁹.

После прихода к власти в Германии нацистов У. Черчилль также симпатизировал А. Гитлеру. «Превыше всего он ценил и уважал политический успех. Черчилль восхищался тем, что безвестный ефрейтор поднялся до роли главы государства. В Гитлере Черчиллю импонировало и то, что фюрер выступал в качестве злейшего врага Советского Союза и революционного движения»⁵⁰. У. Черчилль вообще умел восхищаться врагами, в том числе и смертельными. То, что А. Гитлер именно смертельный враг, как и то, какая опасность может угрожать Англии, он понял быстро. Германия стремительно достигала уровня, с которого она могла и собиралась бросить вызов британским интересам в мире, а для У. Черчилля они были превыше всего.

Именно во время Мюнхенского сговора он начал говорить о более тесном сотрудничестве с СССР. Вокруг У. Черчилля консолидировалась наиболее мыслящая часть как либеральных,

У. Черчилль в бронетанковом подразделении

так и консервативных политиков⁵¹. 27 августа, выступая перед своими избирателями, он объявил: «Я обязан сказать вам, что вся Европа и весь мир неуклонно идут к кризису, который невозможно оттянуть надолго»⁵².

5 сентября 1939 г., через два дня после объявления войны Германии Англией и Францией, У. Черчилль был назначен на должность первого лорда Адмиралтейства. Он сразу же развернул бурную деятельность, которая заметно выходила за рамки компетенции морского министра. В это же время был установлен прямой контакт с президентом США Ф. Рузвельтом, который первым написал сэру Уинстону, а тот, в свою очередь, сразу же откликнулся на письмо, подписав его «Бывший военный моряк».

Положение дел резко изменилось 10 мая 1940 г. «Странная война» закончилась. В это же время в Англии разразился правительственный кризис. Неудачи в Норвегии привели к отставке премьер-министра. Представители парламентских партий потребовали формирования национального правительства, на что Н. Чемберлен был уже не способен. Сформировать его было предложено У. Черчиллю. «Таким образом, — писал он, — вечером 10 мая в начале этой колоссальной битвы я был облечен величайшей властью в государстве, которым я с тех пор и управлял во все большей мере в течение пяти лет и трех месяцев, пока шла мировая война... Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию»⁵³. В правительстве У. Черчилль занимал сразу два поста — премьер-министра и министра обороны.

13 мая У. Черчилль произнес в палате общин свою знаменитую речь, начав ее словами: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота»⁵⁴. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала, а уже 25 июня У. Черчилль направил послание И. В. Сталину. Это была первая попытка нащупать контакт, без установления которого Великобритания выиграть войну не могла. Послом в Москву был назначен С. Криппс, зарекомендовавший себя как сторонник более тесных контактов с Советским Союзом. «В конце октября 1940 г. Криппс от имени британского правительства заверил руководство СССР: «Великобритания не будет участвовать в любом нападении на СССР»⁵⁵.

Несколько ранее, 15 мая, У. Черчилль отправил свое первое в качестве премьер-министра послание президенту США Ф. Рузвельту, в котором помимо просьбы о военной помощи аккуратно зондировал почву о вступлении Америки в войну против Германии. Его речь в парламенте, состоявшаяся 4 июня, была еще более откровенной: «Мы никогда не сдадимся, и даже если — хотя я не верю в это ни одной минуты — наш остров или значительная его часть будет захвачена, а население будет умирать от голода, наша заокеанская империя, вооруженная и обороняемая английским флотом, продолжит борьбу до тех пор, пока в час, предназначенный богом, Новый Свет со всей своей силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого Света»⁵⁶.

У. Черчилль прекрасно понимал, чего будет стоить Великобритании американская помощь, в какой бы форме она ни выражалась. Взаимоотношения с Ф. Рузвельтом, несмотря на единство взглядов по целому ряду ключевых вопросов, были отнюдь не простыми. Иногда У. Черчиллю было легче найти понимание со стороны И. В. Сталина, чем у своего американского коллеги. Америка готовилась играть роль сверхдержавы, но этому препятствовала имперская политика Англии. Многие исследователи, в том числе на Западе, считают, что Америка приложила максимум усилий для разрушения Британской империи⁵⁷.

За несколько дней до капитуляции Франции премьер-министр П. Рейно просил своего союзника освободить Францию от обязательств по англо-французскому соглашению. В тот же день, 16 июня, У. Черчилль направил официальный ответ: «Наше соглашение, запрещающее сепаратные переговоры о перемирии или о мире, было заключено с Французской республикой, а не с каким-либо отдельным французским правительством или государственным деятелем... Тем не менее при условии, но только при условии, что французский флот будет отправлен в британские порты немедленно и до переговоров, правительство его величества дает свое полное согласие на то, чтобы французское правительство обратилось с запросом с целью выяснить условия перемирия для Франции. Правительство его величества, преисполненное решимости продолжать войну, полностью исключает себя от какого-либо участия в вышеупомянутом запросе относительно перемирия»⁵⁸. Однако французы отклонили требования.

Было принято решение о проведении операции по уничтожению французского флота. 3 июля 1940 г. победа англичан была полной. Американский историк А. Хорн отметил: «Несколько месяцев спустя Г. Гопкинс, пользовавшийся полным доверием американского президента, сообщит, что это драматическое нападение на французский флот более всего убедило Рузвельта в решимости Черчилля (и Великобритании) продолжать войну»⁵⁹.

С нападением нацистской Германии на Советский Союз начался новый, решающий этап Второй мировой войны. Накануне, 21 июня, в Чекерсе во время обеда, на котором присутствовали министр иностранных дел А. Иден и посол США Дж. Уайнант с супругами, а также личный секретарь У. Черчилля Дж. Коливилл, премьер-министр сказал: «Нападение Германии на Россию является теперь неизбежным... Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь»⁶⁰.

Вечером 22 июня состоялось радиовыступление У. Черчилля по Би-Би-Си: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто

не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает»⁶¹.

Впрочем, У. Черчилль, как и остальное руководство Великобритании, исходил вовсе не из желания помочь русским одержать победу над Германией, а из весьма циничного расчета: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества»⁶².

Знакомство У. Черчилля с И. В. Сталиным состоялось в августе 1942 г. в Москве, куда он прилетел, чтобы лично объяснить по поводу задержки открытия второго фронта. Первая встреча двух глав государств состоялась вечером 12 августа и продолжалась около четырех часов. Впоследствии У. Черчилль вспоминал: «Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения»⁶³.

Затем У. Черчилль оправился в Каир, где развил активную деятельность. В своем письме от 19 августа 1942 г. своему заместителю К. Эттли, министру иностранных дел А. Идену, генералу Г. Исмею и начальнику штаба военно-воздушных сил Ч. Порталу он настаивал на том, что необходимо оказать сильную воздушную поддержку советскому южному флангу⁶⁴. Но У. Черчилль не был бы сам собой, если бы думал только о «духе товарищества» или выполнении своих обещаний И. В. Сталину. Кроме «общего усиления русской воздушной мощи» главной целью этой акции для него было «создать передовую линию обороны всех наших интересов в Персии и Абадане» и получить «доступ в русскую сферу в Персии и на Кавказ»⁶⁵. В то же время У. Черчилль был убежден, что бесконечное манкирование интересами русских может быть крайне опасно. Он писал: «Все обычно считают удобным облегчить свое положение за счет России, но от сохранения хороших отношений с ее колоссальной армией, находящейся сейчас в чрезвычайно тяжелых условиях, зависят серьезные проблемы»⁶⁶.

События Второй мировой войны, особенно в 1943 г., приводили У. Черчилля к мысли, что Великобритания постепенно утрачивала позиции великой державы. Он, искренне полагая, что великая держава просто обязана иметь интересы, сильно выходящие за рамки ее государственных границ, опасался, что укрепленные силой оружия они будут удовлетворяться за счет интересов Великобритании.

На конференции в Квебеке, состоявшейся в августе 1943 г., У. Черчилль и Ф. Рузвельт согласовали в общих чертах план высадки союзных войск в Нормандии и определили примерные сроки проведения операции. Однако у британского премьер-министра было свое видение решения данной проблемы. В том же Квебеке между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем было достигнуто далеко идущее секретное соглашение о непередаче третьим странам сведений о ведущихся в США и Англии совместных работах над созданием атомного оружия и их результатах⁶⁷.

У. Черчилль прекрасно понимал, что союз России и Запада недолговечен, а проблем, требовавших немедленного решения, было много и по мере продвижения Красной армии на запад становилось все больше. Это подтвердила и конференция в Вашингтоне, проходившая с августа по октябрь 1944 г. «Я был уверен, что мы можем прийти к хорошим решениям с Россией лишь в период, когда мы связаны с нею товариществом в борьбе против общего врага. Гитлер и гитлеризм были обречены, но что произойдет после Гитлера?.. На конференции в Думбартон-Оксе не было достигнуто никакого соглашения, однако я ощущал острую потребность поведаться со Сталиным, с которым, как я всегда считал, можно поговорить по-человечески»⁶⁸.

Большая тройка вновь собралась в Ялте 4 февраля 1945 г., однако У. Черчилль настоял на предварительной встрече с американцами на Мальте, дабы прибыть на переговоры, будучи полностью подготовленным. Описывая эту короткую встречу, он вспоминал: «Очень важно было решительно воспользоваться любой капитуляцией немцев в Италии, и я сказал президенту, что мы должны занять как можно большую часть Австрии, так как нежелательно,

У. Черчилль беседует с офицером на борту эсминца «Келвин»

Прибытие президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на аэродром Саки в Крыму

чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше того, что необходимо. По всем этим военным вопросам была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными, поскольку члены Объединенного англо-американского штаба познакомились со взглядами друг друга, прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами»⁶⁹.

После завершения Ялтинской конференции У. Черчилль предпринял яростную попытку компенсировать дипломатическую неудачу военными успехами на фронте, которые можно было бы конвертировать в политические дивиденды. Речь шла о захвате важнейших административно-политических центров в Западной Европе британскими войсками, а именно — о взятии Вены и Берлина. Однако фельдмаршал Б. Монтгомери не преуспел в этом начинании. Ответ Ф. Рузвельта был дипломатичным, изысканно вежливым, но непреклонным. Исходя из того, что «перед английской армией ставятся весьма логичные задачи на северном фланге»⁷⁰, стало ясно, что Берлин будут брать русские.

16 апреля 1945 г. началась Берлинская стратегическая наступательная операция. У. Черчилль понял, что дополнительных дивидендов на конференции победителей у него не будет. За несколько дней до начала русского наступления, 12 апреля 1945 г., умер президент Ф. Рузвельт. У. Черчилль ощутил себя единственным защитником ценностей свободного мира. В этот момент его отношение к Советскому Союзу резко изменилось. Впоследствии он писал: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз... Решающие практические вопросы стратегии и политики... сводились к тому, что, во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения»⁷¹.

Новый президент США Г. Трумэн, казалось, вполне разделял эти взгляды. 24 апреля, обмениваясь телеграммами с А. Иденом, У. Черчилль написал: «Добиваясь, как я это делаю, прочной дружбы с русским народом, я вместе с тем уверен, что она может основываться только на признании русскими англо-американской силы. Я с удовольствием отмечаю, что новый президент не позволит Советам запугать себя»⁷². Но У. Черчилль ошибся в оценке Г. Трумэна: тот играл исключительно по собственным правилам.

30 апреля в своем послании президенту США У. Черчилль почти умолял его решить чехословацкий вопрос силами 3-й американской армии, левый фланг которой значительно продвинулся в глубь территории страны, и занять Прагу. Ответ Г. Трумэна был отрицательным: «Я не предприиму никакого шага, который считаю нецелесообразным с военной точки зрения»⁷³.

Вскоре все было кончено. 2 мая пал Берлин. 9 мая 1945 г. армии маршала И. С. Конева штурмом овладели Прагой и освободили Чехословакию. Вооруженная борьба была победоносно завершена. Но война продолжалась. У. Черчилль понимал, что главная схватка впереди, и готовился к ней с присущим ему азартом. За интересы Британской империи У. Черчилль готов был воевать с кем угодно.

В телеграмме из Лондона от 18 мая 1945 г. от советского посла Ф. Т. Гусева в связи с выступлением У. Черчилля по радио 13 мая, ставшим для английской прессы «директивой» к новому антисоветскому курсу в освещении европейских событий, а также о вызове им в Лондон Д. Эйзенхауэра и Б. Монтгомери «для обсуждения и оценки соотношения военных сил союзников СССР» говорилось: «Учитывая создавшуюся обстановку, нам необходимо иметь в виду, что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени»⁷⁴.

Предвидя серьезные разногласия на предстоящей трехсторонней конференции, а также ввиду тех трений по поводу Польши, Югославии и Австрии, которые уже имели место, У. Черчилль предложил Г. Трумэну не спешить с отводом войск в назначенные зоны оккупации или хотя бы согласовать более ранние сроки созыва конференции. Американский президент ответил, что это невозможно, что он собирается в точности исполнить «трехстороннее приглашение об оккупации Германии, одобренное президентом Рузвельтом», и порекомендовал британскому премьеру отдать соответствующие распоряжения своим войскам. «Для меня это прозвучало погребальным звоном, — писал У. Черчилль, — но мне ничего не оставалось, как подчиниться»⁷⁵.

Впрочем, подчиняться У. Черчилль не собирался. Вызов им в Лондон фельдмаршала Б. Монтгомери и генерала Д. Эйзенхауэра, о котором упоминал 18 мая советский посол Ф. Т. Гусев, был связан с намерением «навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи»⁷⁶. У. Черчилль всерьез планировал нападение войск западных стран на советские войска в Германии к 1 июля 1945 г., причем разработка стратегического плана «Немыслимое», подготовленного объединенным штабом планирования военного кабинета и датированного 22 мая, началась по его прямому указанию уже в апреле 1945 г.⁷⁷ А 20 мая он подтвердил отданное неделей ранее указание генералу Г. Исмею для Комитета начальников штабов «об отмене дальнейшей демобилизации военно-воздушных сил и распоряжение о сохранении «установленного уровня» в демобилизации армии»⁷⁸.

Впоследствии У. Черчилль писал о том, что его волновало в победные майские дни: «В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага. Но объединения, направленного против нее, не существовало... Главное место в моих мыслях занимала встреча трех великих держав, и я надеялся, что президент Трумэн по пути заедет в Лондон»⁷⁹.

11–12 мая он буквально забросал Г. Трумэна тревожными телеграммами по поводу «русской мощи», «территорий, находящихся под их контролем», и опускающегося «железного занавеса»⁸⁰. Но президент США отклонил предложение о встрече с британским премьер-министром «за спиной Сталина», охарактеризовав его как «сговор», чем неприятно поразил У. Черчилля, особенно в контексте того, что сам Г. Трумэн, по словам его представителя

Дж. Дэвиса, собирався «сначала встретиться со Сталиным где-то в Европе»⁸¹. У Черчиллю ясно дали понять, что Британская империя не будет «играть первую скрипку» в предстоящем «концерте».

26 июля 1945 г. У. Черчилль, выигравший для Британской империи Вторую мировую войну, проиграл выборы. Вспоминая эти не самые лучшие минуты своей жизни, он писал: «Я ощутил, что все напряжение великих событий, в обстановке которых я сохранял «силу полета», сейчас прекратится, и я упаду. Я буду лишен власти определять будущее. Исчезнут те знания и опыт, которые я накопил, тот авторитет и доброжелательство, которые я завоевал в столь многих странах»⁸². Предчувствие его не обмануло. Испросив аудиенции у короля, он отправился во дворец и вручил его величеству свою отставку.

Его эпоха закончилась вместе с его империей. Формально Британия еще называлась империей некоторое время, но все уже понимали, что ее величие в прошлом. Понимал эту истину и У. Черчилль, вот только принять ее он не мог и не хотел. Его стихией была война, но Англия устала от войны, устала от имперского бремени, не желая более платить за него жизнями своих солдат. Он продолжал оставаться членом парламента, возглавив оппозицию, впереди была знаменитая речь в Фултоне, в 1951 г. он даже вернул себе кресло премьер-министра и оставался на этом посту четыре года. Но это уже не имело значения. Главное дело своей жизни он завершил.

Потом была работа над его главным литературным трудом — шеститомным описанием Второй мировой войны и той роли, которую сыграли в ней Великобритания и он сам. Он старался быть честным настолько, насколько это может себе позволить политик, и настолько, насколько это позволяли его заблуждения. В 1953 г. У. Черчилль был удостоен Нобелевской премии в области литературы. В том же 1953 г., несколькими месяцами ранее, ему было пожаловано членство в рыцарском ордене Подвязки. 27 июля 1964 г. он в последний раз переступил порог палаты общин.

24 января 1965 г. сэр У. Черчилль скончался. Его жизнь была полна взлетов и падений. 30 января 1965 г. Британская империя простилась с последним из своих рыцарей.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр. Среди военачальников западных союзников периода Второй мировой войны фигура Д. Эйзенхауэра по праву занимает первое место. Дело не только в том, что на протяжении войны он один за другим занимал важнейшие командные посты: командующего американскими войсками в Европе, затем — союзными войсками в Северной Африке и Средиземноморье и, наконец, Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Европе. Д. Эйзенхауэр на деле внес большой вклад в разработку и осуществление главных стратегических операций союзников, объединение военных усилий англо-американского мира для борьбы с германским фашизмом и его сателлитами. Позднее эта блестящая военная карьера проложила ему путь в Белый дом. Между тем мало что в его предшествовавшем жизненном пути предвещало столь выдающуюся историческую роль.

Родился будущий полководец в 1890 г. в скромной многодетной семье разорившегося фермера, имевшей дальние немецкие и скандинавские корни. Он рос в провинциальном канзасском городке Абилине, сохранявшем традиции пионеров Запада с их простотой нравов, набожностью, физической закалкой и задиристостью. Аик, как еще в детстве прозвали его сверстники, рос крепким и жизнерадостным подростком, прекрасным спортсменом и любознательным учеником. Он рано увлекся военной историей и в 1911 г. по окончании школы поступил в Главное военное общевоинское училище США — Академию Вест-Пойнт.

Годы, проведенные в училище, окончательно сформировали характер Д. Эйзенхауэра: силу воли, стойкость, большую работоспособность, умение работать в команде, ладить с самыми разными людьми и завоевывать их доверие. В обстановке кадетской муштры он сумел сохранить независимость и чувство собственного достоинства, за что нередко получал дисциплинарные взыскания. В учебе он не блистал, закончив училище 61-м из 168 выпускников 1915 г. (56 из них впоследствии дослужились до генеральских званий). Однако по чисто военным дисциплинам его отметки были выше.

Д. Эйзенхауэр

За следующую четверть века военной службы Д. Эйзенхауэр довершил свое первоклассное военное образование и приобрел разнообразный опыт штабной работы, имея самые похвальные служебные характеристики. В конце 1935 г. он стал помощником генерала Д. Маккартура, направленного военным советником на Филиппины. Там Д. Эйзенхауэр принял активное участие в постановке системы военного образования и планировании обороны островов на случай войны. Однако на карьерном росте это не сказывалось. Начало Второй мировой войны пятидесятилетний офицер встретил в скромном звании подполковника. В начале 1940 г. он вернулся на родину, где для него открывались новые возможности.

Вступление США в войну было лишь вопросом времени, и вооруженные силы страны остро нуждались в профессиональных кадрах. Д. Эйзенхауэра направили в Калифорнию для

подготовки национальной гвардии как главного резерва вооруженных сил. Вскоре он был назначен начальником штаба 3-й армии, получив временное звание полковника, а затем и бригадного генерала. Д. Эйзенхауэр отличился в самых крупных маневрах за всю историю США, прошедших в августе — сентябре 1941 г. в штате Луизиана с участием 400 тыс. человек. Его фотографии попали в газеты, а руководивший учениями начальник штаба сухопутных сил Дж. Маршалл обратил на него особое внимание.

Уже через неделю после нападения Японии на Пёрл-Харбор Д. Эйзенхауэр по вызову Дж. Маршалла явился в Вашингтон, где успешно прошел первое испытание — с ходу, безо всякой подготовки дал дельные рекомендации по обороне Филиппин, которые понравились строгому начальнику штаба. С этого момента начался новый виток в его карьере под руководством Дж. Маршалла, ставшего для него примером для подражания. В феврале 1942 г. Д. Эйзенхауэр был назначен начальником Управления планирования военных операций штаба армии США, вскоре преобразованного в Оперативное управление. Это был мозг главного вида вооруженных сил США, и новая работа сразу же вовлекла Д. Эйзенхауэра в самый центр разработки важнейших стратегических решений.

Хотя основная его задача на первых порах заключалась в подготовке операций на Тихом океане, Д. Эйзенхауэр хорошо понимал, что главным театром военных действий в разворачивавшейся глобальной войне будет Европа, а главным врагом — фашистская Германия. Советский фактор уже с начала 1942 г. стал решающим в стратегических выкладках армейских планировщиков во главе с Д. Эйзенхауэром. После битвы под Москвой они пришли к выводу, что «только Россия обладает достаточными человеческими ресурсами для разгрома Германии в Европе». Поэтому удержание России в войне «как активного врага Германии» рассматривалось ими в качестве одной из трех важнейших военных задач союзников наряду с обороной Британских островов и сохранением контроля над Ближним Востоком для предотвращения соединения там немецких и японских сил. Решение этой задачи требовало «немедленных и конкретных действий»⁸³.

Военная логика подсказывала Д. Эйзенхауэру, что кратчайшим и наиболее эффективным направлением главного удара по нацистской цитадели должно стать вторжение через Ла-Манш с Британских островов на север Франции. В этом он был согласен с И. В. Сталиным, который с июля 1941 г. требовал от союзников открыть второй фронт именно там. Поэтому уже в конце февраля Д. Эйзенхауэр впервые поставил перед Комитетом начальников штабов вопрос о подготовке вторжения на Европейский континент, подчеркивая необходимость «раннего начала операций, которые отвлекут с русского фронта значительную часть германской армии». Такой план, добавлял он, «должен быть задуман и представлен русским таким образом, чтобы они осознали важность оказываемой им поддержки»⁸⁴.

В конце мая 1942 г. Дж. Маршалл, обеспокоенный двойственностью позиции Лондона, командировал Д. Эйзенхауэра в Великобританию для анализа настроений британского генералитета и инспекции штаба американского командующего на Британских островах Дж. Чейни. Увиденное его не обрадовало: британские военные не верили в успех американских планов, а штаб Дж. Чейни фактически бездействовал. Вернувшись в США, Д. Эйзенхауэр по указанию Дж. Маршалла подготовил проект директив командующему по осуществлению намеченных операций на Европейском континенте. Он еще не знал, что готовил их для себя — 15 июня Дж. Маршалл с согласия Ф. Рузвельта предложил ему пост командующего Европейским театром военных действий, который должен был руководить всеми американскими войсками на континенте и обеспечивать взаимодействие с британским командованием. Этот выбор был не случаен: Д. Эйзенхауэр успел зарекомендовать себя не только как видный стратег и организатор, но и хороший дипломат, умеющий достойно представлять интересы США и налаживать личные отношения со снобистским британским руководством. Кроме того, он был общевойсковым генералом, а именно сухопутным войскам предстояло сыграть решающую роль в будущих европейских операциях.

Перед Д. Эйзенхауэром стояла трудная задача — создать из разрозненных американских, британских и канадских частей единую военную машину, способную справиться с вторжения

на Европейский континент. Его положение осложнялось тем, что он не имел боевого опыта и был всего лишь генерал-майором, имевшим в своем подчинении более 300 генералов выше его по званию (правда, вскоре после прибытия в Англию он получил вторую генеральскую звездочку). С самого начала новый командующий построил работу своего штаба на основе делового демократизма, призывая его сотрудников «работать не для отчета, а для того, чтобы выиграть войну»⁸⁵. Он был прост и доступен в обращении, не боялся предоставлять свободу действий своим подчиненным, подавал личный пример отдачи всего себя работе. Д. Эйзенхауэру удалось быстро установить тесные деловые отношения с британским военным командованием и политическим руководством, включая премьер-министра У. Черчилля, который сразу же оценил его незаурядные профессиональные и человеческие качества. Фотогеничный, деловой и обходительный американский генерал сразу же завоевал симпатии британской прессы и широкой публики. Сложнее было с реализацией намеченной им стратегии.

В середине июля в Лондон прилетели Дж. Маршалл, главком ВМС США адмирал Э. Кинг и личный представитель Ф. Рузвельта Г. Гопкинс. Еще в июне У. Черчилль в переписке с Ф. Рузвельтом начал склонять того к отказу от планов высадки в Северной Франции в пользу вторжения в Северную Африку. Американское командование считало эту операцию чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на Европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу»⁸⁶. В случае отказа англичан от американского плана военные предлагали президенту перенести главный упор на войну с Японией. Ф. Рузвельт быстро пресек тихоокеанские проекты своих военных и наказал Дж. Маршаллу и Г. Гопкинсу в качестве запасного варианта согласиться на вторжение в Северную Африку.

В ходе сложных переговоров делегация США отступила на эту позицию, хотя Дж. Маршалл и Д. Эйзенхауэр предупреждали своих партнеров, что операция в Северной Африке чревата отсрочкой вторжения во Францию до лета 1944 г. Впоследствии в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр писал, что высадка небольшого десанта на севере Франции была бы ошибкой⁸⁷, но тогда в полемике с англичанами и в отчете для Ф. Рузвельта он продолжал отстаивать свою позицию. В случае стабилизации советско-германского фронта эта операция, считал он, получит хорошие шансы на успех — удержание плацдарма в Нормандии до большого вторжения в 1943 г. и отвлечение дополнительных германских сил с восточного фронта. В случае же непосредственной угрозы поражения Красной армии риск принесения в жертву 6–10 дивизий будет все равно оправданным по сравнению с гораздо большим. «На нас ляжет вина за огромный военный просчет, — предупреждал он президента, — если мы позволим Германии ликвидировать восьмимиллионную союзную армию в то время, когда удары с нашей стороны могли бы спасти ситуацию»⁸⁸.

Военная логика Д. Эйзенхауэра была безупречной, но она отступила перед логикой политической, и генерал повинился приказу президента. 26 июля он дал итоговую оценку этого решения в своем дневнике: «По сути, оно отрицает мысль о том, что союзники могут сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь русским сохраниться в качестве боеспособной сражающейся силы»⁸⁹. У. Черчилль подсластил пилюлю для американцев, предложив назначить главкома Европейского ТВД командующим операцией в Северной Африке, получившей кодовое название «Торч». Ф. Рузвельт и Дж. Маршалл ответили согласием, и Д. Эйзенхауэр взялся за руководство первой в своей жизни военной операцией такого крупного масштаба и сложности.

Северная Африка находилась под контролем коллаборационистского правительства Ф. Петэна, и французские войска начали оказывать сопротивление союзникам. Ставленник американцев генерал А. Жиро, тайно вывезенный ими из Франции, не смог взять эти войска под свой контроль. Тогда Д. Эйзенхауэр решил пойти на соглашение с адмиралом Ж. Дарланом — главнокомандующим вооруженными силами вишистского правительства, оказавшимся в то время в Алжире. В обмен на признание его верховным комиссаром Северной Африки Ж. Дарлан обещал прекратить сопротивление французских войска союзникам и сдержал

свое слово. Это соглашение с бывшим пособником нацистов сразу же получило название «грязной сделки», вызвав возмущение англо-американской общественности. Ф. Рузвельт и У. Черчилль отмежевались от этой сделки, назвав ее инициативой своего командующего.

Д. Эйзенхауэр взял всю ответственность на себя, считая военные преимущества и спасение жизней своих солдат более важным, чем чисто моральные соображения. В этом из лидеров антигитлеровской коалиции его поддержал только И. В. Сталин. В своем послании У. Черчиллю от 27 ноября он зачеркнул отрицательную оценку этого соглашения в подготовленном В. М. Молотовым черновике и вместо этого написал: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой»⁹⁰. В послании Ф. Рузвельту от 14 декабря он также назвал «политику Эйзенхауэра в отношении Дарлана... совершенно правильной»⁹¹.

После первоначального успеха продвижение союзников в Северной Африке застопорилось, когда они столкнулись с сопротивлением немецких частей. Д. Эйзенхауэр тяжело переживал неудачи, работая на грани нервного срыва. Он даже чуть не попал в руки немцев, прорвавшихся в районе Кессерина. Перед решающими боями в Тунисе он взял ответственность за возможный провал операции на себя, но победа оказалась за союзниками. Даже недолголюбивавший Д. Эйзенхауэра высокомерный начальник британского Генерального штаба А. Брук от имени своего штаба выражал «восхищение тем, как умело генерал Эйзенхауэр смог преодолеть стоявшие перед ним трудные препятствия»⁹². Но сам Д. Эйзенхауэр понимал, что его первое боевое крещение оказалось не блестящим, хотя в начале 1943 г. он и получил временное звание полного генерала.

Затяжка с операцией «Торч» окончательно похоронила расчеты на вторжение во Францию в 1943 г. «Генерал Маршалл и я, — писал Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах, — разделяли убеждение: все, что будет сделано на Средиземноморском театре военных действий, должно оставаться вспомогательным по отношению к главной задаче — наступлению через Ла-Манш в начале 1944 года — и должно осуществляться в поддержку этой цели»⁹³. Но возражать против операции в Италии он не стал, тем более что был назначен командующим.

Самым ответственным моментом для Д. Эйзенхауэра стало принятие решения о начале операции, которая затруднялась резко испортившейся штормовой погодой. Главком пошел на риск, дав команду начать операцию в назначенное время 9 июля. Элемент внезапности был сохранен, и высадка на фронте в 150 км прошла успешно. Д. Эйзенхауэру пришлось решать непростые военно-дипломатические задачи, связанные с выходом Италии из войны, созданием союзного контрольного механизма в этой стране и налаживанием отношений с новыми итальянскими властями. И все же, как заметил биограф Д. Эйзенхауэра С. Амброз, «союзники потратили много ресурсов на очень незначительные достижения»⁹⁴. Полководец хорошо понимал, что успех в Италии никак не может заменить фронтального наступления на цитадель германского фашизма.

Вопрос о главнокомандующем в Нормандской десантной операции («Оверлорд») оставался открытым, в чем И. В. Сталин обоснованно видел недостаточно ответственное отношение союзников к намеченным планам. Поскольку главная роль в предстоящей операции отводилась войскам США, Лондон согласился с американским руководством этой операцией. Наиболее логичным кандидатом на этот ключевой пост был генерал Дж. Маршалл — самый заслуженный из американских военачальников, пользовавшийся большим авторитетом в союзном командовании. Поэтому поначалу предполагалось, что Д. Эйзенхауэр заменит его на посту начальника штаба армии. Но американский Комитет начальников штабов и сам Ф. Рузвельт не представляли себе, как они смогут обойтись без испытанного Дж. Маршалла в Вашингтоне. Поэтому в конечном итоге выбор пал на Д. Эйзенхауэра, накопившего к тому времени наибольший опыт руководства масштабными десантными операциями. Свою роль сыграла и высокая личная репутация генерала в глазах У. Черчилля и Ф. Рузвельта, который считал, что Д. Эйзенхауэр — не только «лучший политик» среди всех военачальников, но и «настоящий лидер, способный убедить людей следовать за ним»⁹⁵.

Генерал Д. Эйзенхауэр за полевым обедом в Тунисе

Д. Эйзенхауэр во время поездки на фронт в Европе

Реакция советского вождя на этот выбор оказалась на редкость положительной. В ответном послании Ф. Рузвельту от 10 декабря он писал: «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих решающих операций»⁹⁶. Судя по всему, И. В. Сталин к тому времени успел высоко оценить Д. Эйзенхауэра как проверенного в деле боевого полководца по сравнению со штабным стратегом Дж. Маршаллом. Он отметил в беседе с А. Гарриманом, что Д. Эйзенхауэр обладает «решительностью и огромным опытом десантных операций»⁹⁷.

Исходные директивы по «Оверлорду», полученные главкомом от Объединенного штаба, были сформулированы предельно широко: «Вступить на Европейский континент и во взаимодействии с другими Объединенными Нациями предпринять операции, нацеленные на сердце Германии и на уничтожение ее вооруженных сил»⁹⁸. Д. Эйзенхауэр опирался на уже накопленный опыт больших десантных операций и огромные военные ресурсы, собранные на Британских островах. План операции был разработан Верховным штабом союзных экспедиционных сил в Европе под руководством Д. Эйзенхауэра. Кроме того, по его решению был подготовлен так называемый «Транспортный план» — массированные бомбардировки немецкого тыла во Франции, нацеленные на разрушение железнодорожных коммуникаций и снижение мобильности немецких войск. Для этого главком потребовал передать ему в подчинение всю стратегическую авиацию союзников, включая британскую. У Черчилля и его военные возражали, но Д. Эйзенхауэр сумел настоять на своем, пригрозив в противном случае своей отставкой.

Главкомандующий хорошо понимал, что ресурсное преимущество еще не гарантирует успеха — в борьбе с опытным противником особенно необходим боевой дух личного состава, его настрой на победу. Поэтому важной частью подготовки «Оверлорда» стали его посещения войск, в ходе которых главком проверял условия жизни солдат, особенно много общался с рядовыми, вселяя в них уверенность и оптимизм. Эта человечность и демократизм, выгодно отличавшие Д. Эйзенхауэра от остальных военачальников, снискали ему большой авторитет в войсках. Наконец, к началу июня все было готово к началу операции: «Вся эта мощная сила была напряжена, подобно сжатой пружине, готовая в нужный момент устремиться через Ла-Манш», — вспоминал впоследствии Д. Эйзенхауэр⁹⁹.

Первоначально высадка намечалась на 5 июня, но помешала штормовая погода, вынудившая Д. Эйзенхауэра вернуть вышедшие в море военные корабли. И вновь он пошел на большой риск, полагаясь на обещанные метеорологами небольшое улучшение погодных условий. Вечером он отдал приказ о начале операции, одновременно составив записку о том, что в случае провала операции берет всю ответственность за принятое решение на себя.

Между тем дальнейшие боевые действия союзников развивались с переменным успехом. Д. Эйзенхауэр писал А. Гарриману в те дни, что с картой в руках следит за продвижением Красной армии и испытывает «огромный восторг от того, с какой скоростью она перемалывает боевую мощь врага»¹⁰⁰. По просьбе Д. Эйзенхауэра посол передал его отзыв И. В. Сталину вместе с вопросом о том, каким образом он мог бы выразить «маршалу Сталину и его командирам... самое глубокое восхищение и уважение»¹⁰¹.

Некоторые подчиненные Д. Эйзенхауэра в душе завидовали советским успехам, сравнивая их со своими. «Великолепное наступление русских армий продолжает поражать весь мир... — писал, например, в частной переписке заместитель начальника оперативного управления Верховного штаба союзных экспедиционных сил в Европе генерал Ф. Андерсон. — А на нашем фронте застой по всей линии. Даже обладая полным превосходством в воздухе, мы продолжаем продвигаться очень медленно»¹⁰². Только 25 июля, создав превосходство в людях — в 2,5 раза, в танках — в 4,2 раза, в самолетах — в 13 раз, две группы армий под командованием О. Брэдли и Б. Монтгомери перешли в наступление. Но и тогда благодаря пассивности союзников и умелому маневрированию немцам удалось избежать окружения в районе Фалеза. Основные бои развернулись уже на территории Бельгии и самой Германии. Д. Эйзенхауэр осуществлял руководство операциями из своей новой штаб-квартиры, расположенной в Версале, неподалеку от освобожденного Парижа.

Фельдмаршал Б. Монтгомери и генерал Д. Эйзенхауэр в Нормандии

С особым ожесточением немцы сражались на восточном фронте, но и у союзников были немалые проблемы. Самая тяжелая ситуация сложилась в декабре в результате мощного прорыва немцев в Арденнах, заставшего врасплох союзное командование и самого Д. Эйзенхауэра. Остановить немцев удалось лишь ценой больших потерь, а ввиду медлительности Б. Монтгомери союзники не смогли организовать контрнаступление вплоть до начала января.

Союзники обратились к Советскому Союзу с просьбой принять представителя Д. Эйзенхауэра, поскольку он «не может решить свои задачи, не зная, каковы Ваши планы»¹⁰³. В Москву был отправлен заместитель Д. Эйзенхауэра главный маршал авиации А. Теддер, который 15 января был принят И. В. Сталиным¹⁰⁴, заверившим маршала в продолжении начатого советского наступления. В письме Д. Эйзенхауэру, переданном через А. Теддера, советский лидер писал: «Не сомневаюсь, что наступление советских войск, развивающееся удовлетворительно, несмотря на неблагоприятную погоду, заставит немцев разделить свои резервы между двумя фронтами и в результате этого отказаться от своего наступления на западе. Это облегчит положение союзных войск и, как я надеюсь, ускорит подготовку намеченного Вами наступления»¹⁰⁵. Д. Эйзенхауэр отреагировал настолько благодарственным посланием в адрес советского командования, что Дж. Маршалл даже посоветовал ему впредь придерживаться «более приземленного и грубоватого тона» в контактах с Москвой¹⁰⁶.

В конце марта войска союзников успешно форсировали Рейн, а Красная армия вышла на рубеж Одер — Нейсе. Используя уже установленный контакт с Москвой, Д. Эйзенхауэр решил обратиться напрямую к И. В. Сталину с тем, чтобы договориться о совместных действиях на территории Германии. Это был смелый шаг, предпринятый в обход Объединенного

англо-американского штаба и вызвавший большое неудовольствие англичан, прежде всего самого У. Черчилля. Их раздражали не только самостоятельность главкома, но и предложенный им план действий — направить главный удар союзных войск на Эрфурт, Лейпциг, Дрезден (а затем — на Регенсбург, Линц), чтобы после окружения Рура рассеять основные силы противника и кратчайшим путем выйти на соединение с советскими войсками. Этот план фактически предоставлял захват Берлина Красной армии, что, по мнению У. Черчилля, лишило бы западных союзников важного стратегического преимущества и укрепило позиции СССР. В конце своей телеграммы Д. Эйзенхауэр запрашивал мнение советского лидера об этом плане и его соответствии советским намерениям¹⁰⁷.

На встрече с союзными послами 31 марта И. В. Сталин полностью поддержал предложения Д. Эйзенхауэра. В своем ответе главкому он писал: «Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом советского главнокомандования». Что касается Берлина, то, по словам И. В. Сталина, он утратил свое бывшее стратегическое значение и Красная армия будет штурмовать его вспомогательными силами¹⁰⁸. На самом же деле к тому времени на берлинское направление уже были брошены огромные силы трех фронтов под командованием Г. К. Жукова, И. С. Конева и К. К. Рокоссовского.

31 марта У. Черчилль послал Д. Эйзенхауэру личную телеграмму, в которой предлагал форсировать Эльбу и продвинуться «как можно дальше на восток» с тем, чтобы не дать русским взять Вену и Берлин. Одновременно британское командование обратилось к начальнику штаба армии США Дж. Маршаллу с протестом по поводу самовольной инициативы главкома. Д. Эйзенхауэр хорошо понимал стоявшие за этим политические мотивы — «убеждение, что позднее западные союзники извлекут из этого огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события»¹⁰⁹. Но он твердо стоял на своем. Хотя и по сей день некоторые критики Д. Эйзенхауэра продолжают считать это решение его главной ошибкой в годы войны, главнокомандующий руководствовался трезвыми военными соображениями. Предложенный Д. Эйзенхауэром план предусматривал скорейший разгром нацистской Германии совместными действиями союзников и избавлял союзные войска от больших потерь, неизбежных при штурме нацистской цитадели. Неслучайно Дж. Маршалл взял сторону своего командующего, и англичанам пришлось с этим смириться.

Все эти маневры не укрылись от советского главнокомандования. Уже после войны И. В. Сталин сказал бывшему начальнику штаба Д. Эйзенхауэра У. Смитту (ставшему к тому времени послом США в Москве): «Черчилль настаивал на том, чтобы главнокомандующий английской армией занял Берлин раньше, чем русские туда придут. Нам это хорошо известно. Эйзенхауэр не согласился с этим, боясь попасть в неловкое положение, так как войск было мало для этого»¹¹⁰.

В конце апреля У. Черчилль вновь попытался склонить Д. Эйзенхауэра изменить свои планы с тем, чтобы опередить русских, на сей раз — с взятием Праги, но тот опять отказался «примешивать политические соображения к военным», как объяснял он Дж. Маршаллу¹¹¹. Тогда У. Черчилль обратился напрямую к Г. Трумэну, но и тот поддержал своего главкома. 25 апреля советские и американские войска соединились на Эльбе — удобном рубеже, предложенном Д. Эйзенхауэром.

4 мая немецкие эмиссары прибыли в штаб-квартиру Д. Эйзенхауэра в Реймсе для переговоров о капитуляции. Главком союзников отверг предложение немцев капитулировать только на западном фронте и договорился с советским командованием о том, что капитуляция произойдет одновременно на обоих фронтах. 5 мая Д. Эйзенхауэр предьявил германским эмиссарам условия капитуляции Германии и передал их для согласования с Москвой советскому представителю при своей ставке — начальнику советской военной миссии в Париже генералу И. А. Суслопарову. Ответ начальника Генштаба генерала армии А. И. Антонова пришел в ставку Д. Эйзенхауэра уже после того, как в Реймсе было подписано соглашение о капитуляции вооруженных сил Германии перед союзным и советским командованием. Д. Эйзенхауэр сообщил об этом в Вашингтон предельно лаконично, отвергнув пышные

формулировки своих помощников: «Задача, стоявшая перед союзными силами, выполнена в 02.41 местного времени 7 мая 1945 года»¹¹².

Д. Эйзенхауэр предложил Объединенному англо-американскому штабу объявить о капитуляции на сутки раньше истечения намеченного срока — утром 8 мая. А. И. Антонов между тем в своем сообщении предлагал провести эту процедуру в Берлине с участием Г. К. Жукова и сделать это 9 мая ввиду продолжавшегося сопротивления немцев на восточном фронте. Идя навстречу советской стороне, Д. Эйзенхауэр согласился на повторное подписание капитуляции в Берлине после вступления в силу Реймского соглашения и сообщил в Москву о своем намерении участвовать в этой процедуре. Однако в конечном итоге вопреки своему первоначальному плану (о котором он предпочел умолчать в своих мемуарах) Д. Эйзенхауэр счел «лично для себя неподходящим» принять участие в этой церемонии, полагая, что «ратификация в Берлине должна быть делом Советов»¹¹³.

Последнее важное решение Д. Эйзенхауэра по завершению войны в Европе было связано с отводом союзных войск из советской зоны оккупации Германии, куда они вошли в ходе боевых действий. Британский премьер-министр и некоторые «ястребы» в Вашингтоне были против этого шага, предлагая использовать пребывание там своих войск в качестве рычага давления на СССР. У. Черчилль впоследствии писал в своих мемуарах: «Отдать весь центр и сердце Германии, а по сути — центр и краеугольный камень всей Европы, казалось мне крайне серьезным и непредусмотрительным решением... Иначе мы бы отправились в Потсдам без козырей для торга»¹¹⁴.

Однако военное командование США, и прежде всего сам Д. Эйзенхауэр, выступили против этого предложения, которое шло вразрез с уже принятыми обязательствами и было чревато ответными мерами со стороны СССР. Их поддержал и Г. Гопкинс, телеграфировавший из Парижа на обратном пути из Москвы после беседы с Д. Эйзенхауэром: «Считаю это решение очень важным для наших будущих отношений с Россией»¹¹⁵. Сам Д. Эйзенхауэр вспоминал, что «начинать наши первые прямые связи с Россией на основе отказа выполнить условия ранее достигнутой договоренности... означало бы подорвать сразу же все усилия, направленные на обеспечение сотрудничества»¹¹⁶.

После окончания войны Д. Эйзенхауэр был назначен командующим американскими оккупационными войсками в Германии и представителем США в Союзном контрольном совете, где его визави стал маршал Г. К. Жуков. 10 июня 1945 г. в штабе Д. Эйзенхауэра во Франкфурте состоялась первая встреча двух полководцев. От имени советского правительства Г. К. Жуков вручил ему высшую военную награду СССР — орден Победы «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых достигнута победа Объединенных Наций над Германией».

В августе 1945 г. Д. Эйзенхауэр побывал в Советском Союзе в качестве личного гостя Г. К. Жукова. Ему был оказан самый радушный прием, а во время парада физкультурников на Красной площади И. В. Сталин пригласил его на трибуну Мавзолея — честь, впервые оказанная западному деятелю. Личное знакомство с американцем позволило советскому вождю по достоинству оценить и человеческие качества полководца. Неслучайно во время визита И. В. Сталин счел необходимым задним числом извиниться за отступление от плана, предложенного Д. Эйзенхауэром 28 марта.

Сам Д. Эйзенхауэр вернулся из Москвы с надеждами на продолжение советско-американского сотрудничества после войны. Надеждам этим не суждено было сбыться, но вклад Д. Эйзенхауэра в победу над общим врагом навсегда остался в истории.

Бернард Лоу Монтгомери. Начав войну в весьма скромной должности командира дивизии, Б. Монтгомери благодаря своим способностям и упорству в достижении поставленной цели быстро переместился на самый верх военной иерархии союзного командования. При его непосредственном участии были разработаны и проведены крупнейшие на Западном театре военных действий стратегические операции, оказавшие определенное влияние на ход Второй мировой войны.

Сегодня историки спорят, насколько велико было это влияние. Западная историография склонна сильно преувеличивать значение побед в Северной Африке и Италии в 1942–1943 гг. Советские историки, наоборот, иногда недооценивают то, что было сделано союзниками на Западном ТВД, и для этого есть некоторые основания. Размах и накал вооруженной борьбы здесь не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило на советско-германском фронте. И все же на западном фронте были и кровопролитные, и выигранные сражения. И одним из организаторов этих побед являлся фельдмаршал Б. Монтгомери, первый виконт Эль-Аламейнский.

Б. Монтгомери родился в Лондоне в 1887 г. в типичной викторианской семье. В январе 1907 г. он поступил в Королевское военное училище Сандхерст. Через шесть недель в числе других кадетов, продемонстрировавших отличные результаты в учебе, его произвели в младшие капралы. Однако вскоре за серьезный дисциплинарный проступок он был разжалован в рядовые. Пожалуй, только заступничество одного из ротных офицеров спасло Б. Монтгомери от позорного отчисления. В 1908 г. он в чине второго лейтенанта был направлен в Королевский Уорвикширский полк, один из батальонов которого дислоцировался в Индии. Колониальная служба дала ему первый жизненный и военный опыт.

В 1913 г. батальон, в котором служил Б. Монтгомери, вернулся в Англию. Новый командир батальона капитан Лефрой, окончивший накануне своего назначения двухлетний курс штабного колледжа в Кэмберли, оказался человеком весьма компетентным и, что самое главное, равнодушным к военной профессии. Способный и амбициозный молодой офицер привлек его внимание, в первую очередь своим нетипичным поведением. Лейтенант Б. Монтгомери не курил, не употреблял спиртные напитки, часто задумывался над вопросами, которые редко посещали головы его сослуживцев. Они быстро нашли общий язык, подолгу обсуждая положение дел в британской армии, ее достоинства и недостатки и, самое главное, пути овладения военным искусством.

Тем временем разгорелась Первая мировая война. В составе 4-й дивизии батальон, в котором служил Б. Монтгомери, был переправлен на континент. Участие в боях на р. Ипр едва не стоило лейтенанту жизни. 13 октября в бою на окраине деревни Метерен он был ранен в грудь и голень. Солдат его взвода, пытавшийся перевязать своего командира, был убит немецким снайпером. Лишь вечером, когда бой утих, санитары обнаружили тяжелораненого лейтенанта и солдата, закрывшего его своим телом. За этот бой Б. Монтгомери был награжден орденом «За боевые заслуги». Он вернулся на фронт во Францию только в начале 1916 г. в качестве начальника оперативно-разведывательного отделения штаба бригады. Последние шесть месяцев войны был начальником штаба 47-й дивизии.

В январе 1920 г. Б. Монтгомери поступил в штабной колледж в Кэмберли. Это была его давняя мечта, которую никак не удавалось осуществить. Помог случай. Вот как его описал сам Б. Монтгомери: «В то время британскими оккупационными войсками в Германии командовал сэр Уильям Робертсон. Я не был знаком с ним. Он увлекался теннисом, и однажды меня пригласили поиграть в его резиденцию в Кёльне, я решил рискнуть и рассказал ему о своей проблеме. Ему самому в юности понадобилось приложить много усилий, чтобы пробиться, и он с пониманием относился к молодым; я знал об этом и надеялся на лучшее. Вскоре после этой партии в теннис мне сообщили, что я включен в число слушателей»¹¹⁷.

Закончив штабной колледж в декабре 1920 г., Б. Монтгомери до 1926 г. служил на различных штабных должностях в Ирландии и Египте¹¹⁸. В январе 1926 г. его назначили инструктором штабного колледжа в Кэмберли. Ведя преподавательскую деятельность, он не переставал учиться сам, постоянно совершенствуя свои военные знания. В 1930 г. ему было предложено создать новый учебник для подготовки пехотинцев. «Это было серьезным официальным признанием, и я решил сделать будущую книгу в виде полного курса по военным действиям для офицеров пехоты». После опубликования книгу сочли превосходной, особенно сам ее автор¹¹⁹.

В октябре 1938 г. Б. Монтгомери, уже генерал-майор, получил назначение в Палестину, где под его командованием было несколько воинских частей, из которых он сформировал

8-ю дивизию со штабом в Хайфе. Вскоре последовало новое назначение — командиром дивизии в Англии. За несколько дней до объявления войны, 28 августа 1939 г., он вступил в эту должность. Дивизия входила в состав британских экспедиционных войск, предназначенных к отправке на континент в случае начала военных действий. переброска британских экспедиционных войск началась 4 сентября 1939 г. По мнению Б. Монтгомери, качество подготовки британской армии к войне оставляло желать лучшего. В своих мемуарах он писал: «К стыду, приходится признать, что мы послали нашу армию на эту самую современную войну с совершенно неадекватным вооружением и снаряжением, а потому должны винить только себя за те катастрофы, которые постигли нас на полях сражений в 1940 г., когда начались боевые действия. Кто должен нести за это ответственность? По моему мнению, все сменявшие друг друга английские правительства в период между мировыми войнами, а особенно те, что руководили страной с 1932 г., когда заговорили о необходимости перевооружения армии на современной основе»¹²⁰.

Однако, будучи всего лишь командиром дивизии, он мог предпринять лишь те действия, которые вытекали из его должностных полномочий. Его дивизия занимала позиции к югу от Лилля с задачей оборудовать оборонительный рубеж, который стал бы продолжением «линии Мажино» за пределами бельгийской границы. Первая военная зима была спокойной. «Происходящее вызывало у меня глубокое негодование, — писал Б. Монтгомери. — Франция и Англия ничего не предпринимали, когда Германия проглатывала Польшу. Мы ничего не предпринимали, глядя, как немецкая армия перемещается на запад, исключительно с тем, чтобы потом атаковать нас. Мы терпеливо ждали, когда же это случится. И все это время лишь изредка бомбили Германию листовками¹²¹. Если это называлось войной, то я такой войны не понимал»¹²².

10 мая 1940 г. началась другая война. Отсутствие единого командования, неразбериха в планировании и многое другое не позволили союзникам организовать эффективное противодействие противнику. Предпринятое в мае 1940 г. наступление союзных войск захлебнулось. Отступление бельгийской армии обнажило фланги англичан. Для закрытия бреши было решено бросить две дивизии, в том числе и ту, которой командовал генерал-майор Б. Монтгомери. Пожалуй, для британской армии это был один из самых драматических моментов.

«Думаю, что самую трудную операцию нам пришлось проводить 27 мая, когда я отдал приказ о перемещении дивизии на левый фланг английских войск, чтобы ликвидировать брешь между 5-й дивизией и бельгийцами. Дивизии предстояло провести ночной маршбросок в двух километрах от позиций 5-й дивизии, где ожесточенный бой шел весь день и еще продолжался. Если бы этот маневр предложил курсант штабного колледжа, его, конечно же, сочли бы сумасшедшим. Но шла война, и приходилось идти на риск. Маневр удался, и к рассвету 28 мая мы закрыли брешь»¹²³. После капитуляции бельгийской армии англичане начали отход к Дюнкерку, единственному порту, соединявшему континент с Англией.

В ночь с 29 на 30 мая 3-я дивизия Б. Монтгомери заняла позиции на левом фланге Дюнкеркского плацдарма, обороняя канал между Фюрне и Ньёпором. Вскоре после отбытия командного состава в Англию Б. Монтгомери принял командование 2-м корпусом, который имел задачу обеспечить эвакуацию оставшихся войск и самому эвакуироваться с 31 мая на 1 июня. 1-м корпусом, назначенным в арьергард, командовал генерал-лейтенант М. Дж. Г. Баркер. Командующий Горт проинформировал его, что в случае необходимости тот имеет право сдать немцам с остатками корпуса.

Но у Б. Монтгомери было другое мнение на сей счет. «Я остался после ухода остальных и попросил Горта уделить мне несколько минут для разговора наедине. Затем я сказал ему, что Баркер находится в таком состоянии, что было бы неверно доверять ему командование остающимися войсками. В той ситуации требовались выдержка и ясный ум, потому что при удачном раскладе оставалась возможность эвакуировать 1-й корпус, избежав капитуляции. У него такой человек есть, генерал Г. Александер, командир 1-й дивизии в корпусе Баркера»¹²⁴. Так генерал Г. Александер стал командовать арьергардом. Он обеспечил эвакуацию основных сил и благополучно добрался до Англии сам.

Британский генерал Б. Монтгомери в Северной Африке

Фельдмаршал Б. Монтгомери обсуждает план взятия Мессины с генералами У. Смитом, Дж. Паттоном и Г. Александером

1 июня 1940 г. генерал-майор Б. Монтгомери на борту британского эсминца прибыл в Дувр с остатками своего корпуса. В Англии он вновь возглавил свою 3-ю дивизию и с удвоенной энергией принялся готовить ее к грядущим боям. В отличие от многих англичан, в том числе и высокопоставленных военных, считавших успешную эвакуацию из Дюнкерка едва ли не блестящей победой, Б. Монтгомери смотрел на вещи более трезво. «Тот факт, что БЭВ (британским экспедиционным войскам. — *Прим. ред.*) удалось вырваться из Дюнкерка, многими рассматривался как великая победа английского оружия. Помню, какое негодование испытывал я и многие, мне подобные, глядя на английских солдат, которые расхаживали по Лондону и другим местам с цветастыми нарукавными нашивками «Дюнкерк». Они считали себя героями, и гражданское население думало так же»¹²⁵.

В июле 1940 г. Б. Монтгомери был назначен командиром 5-го корпуса и с этого момента получил возможность оказывать реальное влияние на подготовку армии к грядущим боям. В апреле 1941 г. последовало новое назначение — командиром 12-го корпуса в Kent, где ожидалось вторжение немцев. В декабре 1941 г. он получил повышение и стал командующим Юго-Восточной армией, расквартированной в графствах Kent, Суррей и Суссекс.

Незадолго до отправки в Северную Африку Б. Монтгомери познакомился с генералом (тогда генерал-майором) Д. Эйзенхауэром, прибывшим в Англию с инспекционными целями. Разногласия начались практически сразу, еще на стадии подготовки операции «Торч». Б. Монтгомери должен был принять командование 1-й армией, выделенной для непосредственного участия в высадке союзных войск в Северной Африке. В своих мемуарах Б. Монтгомери жаловался, что не мог убедить Д. Эйзенхауэра, назначенного руководить высадкой войск союзников в Северной Африке, составить план операции. Несмотря на единство взглядов по ключевым проблемам, пути подхода к их решению в США и Великобритании были различны.

Вскоре Б. Монтгомери получил другое назначение. 12 августа он уже прибыл в Каир, в штаб командующего британскими войсками на Ближнем Востоке. Ему предстояло вступить в командование 8-й армией. Противник у Б. Монтгомери был серьезный. Фельдмаршал Э. Роммель, имея весьма незначительные силы и еще более ограниченные ресурсы, тем не менее неплохо справлялся с поставленной перед ним задачей, и англичанам приходилось тяжело. Однако к июню 1942 г. наступательный потенциал итало-германской группировки иссяк.

Прибыв в штаб и оценив обстановку, Б. Монтгомери решил действовать немедленно. Реформировав работу штаба, командующий взялся за подчиненные ему войска. В сжатые сроки в 8-й армии был создан 10-й танковый корпус, сформированный из разбросанных по всему Египту мелких танковых подразделений. «Этому корпусу я наметил ту же роль, что выполнял у Роммеля Африканский корпус: не оборонять какой-то участок фронта, а выполнять роль мобильного ударного соединения»¹²⁶. Довольно быстро Б. Монтгомери удалось создать из 8-й армии вполне боеспособный инструмент. Все это время прибывали подкрепления, накапливались резервы. Основные усилия Германии были сосредоточены на восточном фронте, где разворачивалась грандиозная по масштабу и последствиям Сталинградская битва. Германскому командованию было не до Африканского корпуса.

В сражении у Алам-Хальфы Э. Роммелю не удалось достичь успеха. Его войска потеряли большое количество танков и живой силы. Он вынужден был отдать приказ на отход. Б. Монтгомери не воспользовался этим, и англичане не стали преследовать противника. В письме одному из своих друзей в Англии Б. Монтгомери написал следующее: «Моя первая встреча с Роммелем ожидалась с интересом. К счастью, я успел восстановить порядок и подготовить план действий, так что разобраться с ним труда не составило. Я чувствую, что мы выиграли партию, в которой он сделал первый ход. В следующей партии первым придется ходить мне при счете один — ноль в мою пользу»¹²⁷.

Наступило короткое затишье, которое противоборствующие стороны использовали для накопления сил и отработки дальнейших планов. 23 октября 1942 г. Б. Монтгомери отдал приказ 8-й армии на переход в наступление. Началась Эль-Аламейнская операция. Под ударами

англичан итало-немецкие войска отступали. А 3 ноября Э. Роммель отдал приказ о выводе из Египта немецких войск и четырех итальянских дивизий, действовавших на приморском направлении¹²⁸. За победу при Эль-Аламейне генерал-лейтенант Б. Монтгомери был произведен в полные генералы. 8 ноября началась операция «Торч». 8-я армия Б. Монтгомери, преследуя противника, двигалась навстречу десанту союзников. Утром 23 января 1943 г. ее передовые соединения вошли в Триполи. 13 мая 1943 г. после упорных боев итало-германская группировка капитулировала.

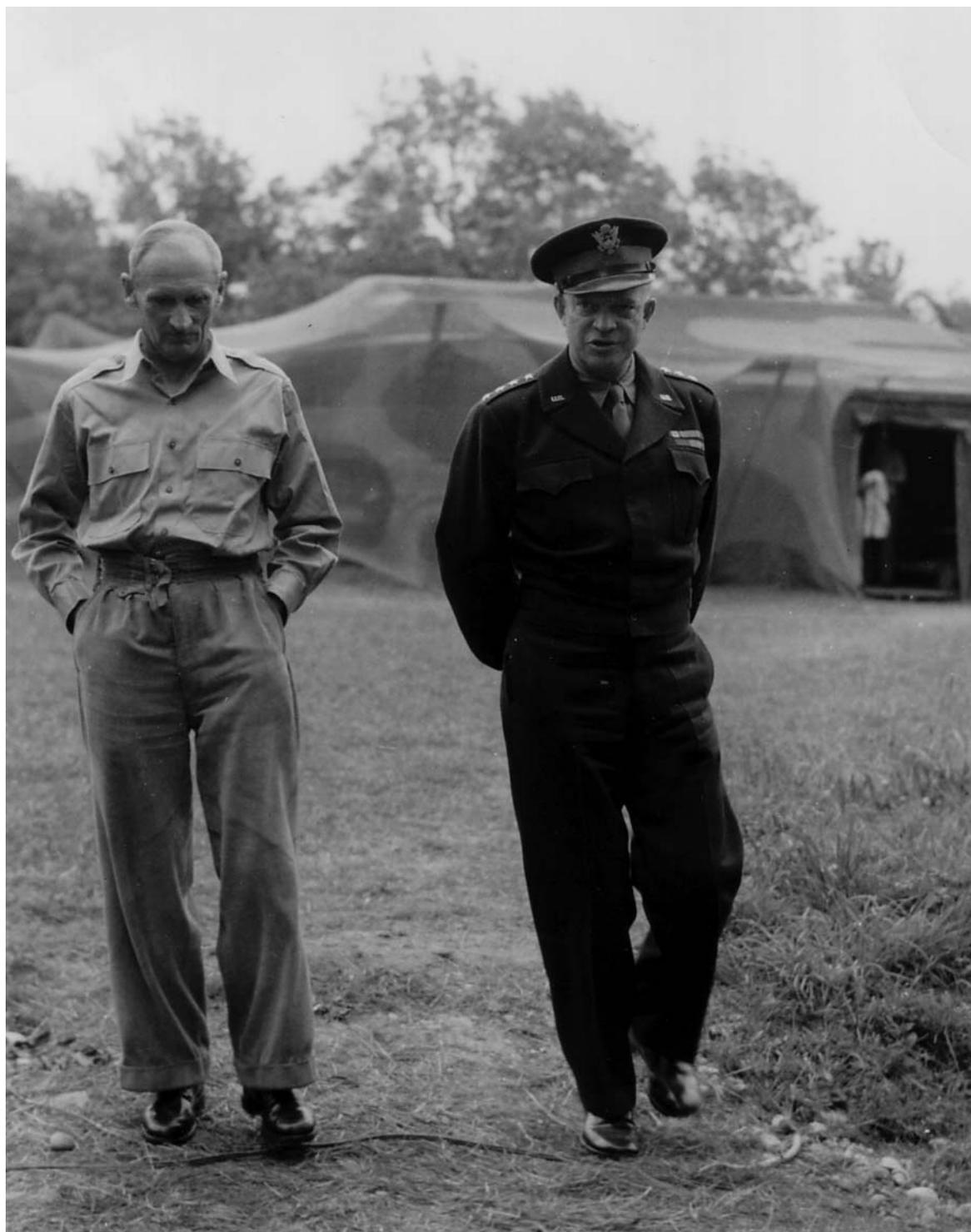
После Северной Африки, союзное командование сосредоточило основное внимание на усилении своих позиций в Средиземноморье. Приказ на подготовку операции «Эскимос» поступил в январе 1943 г. «Мы все знали, что намечается открытие второго фронта в Европе, переправа через Ла-Манш и высадка десанта. Возможно, Сицилии предстояло стать в некотором смысле репетицией более серьезной операции, которая начнется в 1944 году»¹²⁹, — отмечал Б. Монтгомери.

17 июня в Триполи прибыл король Англии Георг VI. 19 июня в палатке-столовой возле аэродрома Б. Монтгомери был посвящен в рыцари. Б. Монтгомери на некоторое время отбыл в Англию. Вернувшись в зону военных действий, он с головой погрузился в подготовку к Сицилийской десантной операции. «Мы высадились на Сицилии 10 июня, за два часа до рассвета... После пустыни солдатам 8-й армии Сицилия пришлась по душе. Разгар лета; на деревьях росли лимоны и апельсины; вина было в изобилии; девушки относились к ним приветливо. Правда, было очень жарко, и досаждали комары; они даже представляли собой угрозу, поскольку были малярийными. Наша медицина по части профилактических мер, необходимых в подобных условиях, оставляла желать лучшего; от малярии мы несли почти такие же потери, как от боевых действий»¹³⁰. В скором времени военные действия были перенесены в материковую часть Италии.

Впоследствии, оценивая итальянскую кампанию в целом, Б. Монтгомери писал: «Основным недостатком было то, что мы начали большую кампанию, не имея заранее разработанного общего плана. Мы не подготовили заранее планов снабжения и мероприятий для поддержки боевых действий. В итоге административная машина не могла поспевать за все расширяющимися масштабами наших боевых действий»¹³¹.

В разгар кампании, 24 декабря 1943 г., Б. Монтгомери получил приказ прибыть в Англию и сменить генерала Пейджета на должности командующего 21-й группой армий, предназначенной для участия в операции «Оверлорд». Сам план существовал лишь в общих чертах. Штаб 21-й группы армий располагался в школе Святого Павла в Западном Кенсингтоне. Именно отсюда начинался жизненный путь молодого Б. Монтгомери. Генерал Д. Эйзенхауэр, отправляясь в США для встречи с президентом Ф. Рузвельтом, попросил Б. Монтгомери быть его представителем в Лондоне и вплотную заняться уточнением деталей плана высадки на континент.

Командующий 21-й группой армий Б. Монтгомери одновременно был назначен главнокомандующим сухопутными силами десанта на континент. Прибыв в штаб группы армий, он собрал подчиненных генералов и командиров родов войск и, обрисовав им общую ситуацию, приступил к работе. М. Хастингс так описал этот момент: «Располагая определенными данными об операции «Оверлорд», полученными в ходе обсуждения ее проблем в Алжире с Эйзенхауэром, а также ознакомившись с мнением Черчилля по этим же проблемам, изложенным в специальной памятной записке, Монтгомери, когда офицеры закончили излагать свой план, вышел на трибуну и без особого труда в ходе своего 20-минутного выступления, которое стало известно как «Монти специал», пункт за пунктом разбил их доводы»¹³². Некоторое время спустя он провел серьезные кадровые перестановки в штабе группы армий и подчиненных ему войсках, выдвинув на высшие штабные и командные должности своих испытанных и проверенных в боях офицеров из 8-й армии¹³³. Это вызвало сильное раздражение в военном ведомстве. Ему даже пришлось объясняться с военным министром Дж. Григгом. Проблемы возникали и во взаимоотношениях с американцами.

Британский фельдмаршал Б. Монтгомери и американский генерал Д. Эйзенхауэр
в штабе союзных войск во Франции

15 января Верховный главнокомандующий силами союзников на континенте генерал Д. Эйзенхауэр прибыл в Лондон. И хотя он 23 января официально принял предложения Б. Монтгомери, главным камнем преткновения по-прежнему оставались вопросы стратегии. Основные споры разгорелись вокруг проведения операции «Наковальня», переименованной впоследствии в операцию «Драгун», — высадка англо-французских войск в Южной Франции. Споры по поводу проведения операции тянулись до середины августа. Главная причина недовольства англичан заключалась в том, что проведение операции могло серьезно замедлить продвижение армий генерала Г. Александра в Италии и дать возможность русским первыми войти в Вену. Это было неприемлемо. Тем не менее операция «Драгун» началась строго по плану, 15 августа 1944 г. По мнению Б. Монтгомери, она являлась «одной из серьезных стратегических ошибок в той войне»¹³⁴.

В ходе операции «Оверлорд» войска, подчиненные Б. Монтгомери, не смогли продвигаться дальше г. Кан. Впоследствии командующий 21-й группой армий утверждал, что так и было задумано. «Безусловно, основная задача моей стратегии на западном фланге состояла в сосредоточении крупных бронетанковых сил на юго-востоке от Кана, в районе Бергебю, — писал Б. Монтгомери, — это давало нам возможность удержать основные бронетанковые силы немцев на восточном фланге и тем самым способствовать продвижению американцев на западе. Мы закрепились на этой высоте только после начала операции «Гудвуд» бронетанковыми подразделениями 2-й армии 18 июля. Как только танковая атака застопорилась из-за ожесточенного сопротивления противника, а также из-за того, что дожди превратили весь район в море грязи, я решил отказаться от этого наступления»¹³⁵.

Офицер вермахта Ханс фон Люк, непосредственно принимавший участие в тех событиях, вспоминал: «По состоянию на поздний вечер 19 июля становилось возможным подвести итоги и подсчитать, что удалось и чего не удалось сделать британцам: маленький береговой плацдарм расширился до 9 километров, был полностью занят Кан. Однако осуществить прорыв в направлении Фалеза не получилось. Монти впоследствии утверждал, что таких задач и не ставилось, что операция «Гудвуд» проводилась с целью связать боем немецкие танковые дивизии и таким образом облегчить американцам запланированный прорыв на западе... Помимо меня есть и другие люди, которые сомневаются в правдивости данной версии, и вот по каким причинам: 1) пленные канадцы показали, что нездало до наступления Монти обратился к ним со следующими словами: «На Фалез, ребята! Будем наступать на Париж»; 2) у любого, кто знал Монти — знал его самолюбие — и дал себе труд проанализировать его операции в Северной Африке, не возникнет сомнений, что он рассчитывал на нечто большее, чем «связать боем немецкие танковые дивизии» и «расширить береговой плацдарм». Так или иначе, операция «Гудвуд» обошлась британцам примерно в 450 танков»¹³⁶.

Неудача в проведении операции «Гудвуд» нанесла непоправимый ущерб его репутации в глазах союзников. «Каковы бы ни были его надежды оставаться командующим над всеми сухопутными силами, с операцией «Гудвуд» они исчезли»¹³⁷, — считал генерал О. Брэдли. А. Теддер прямо говорил Д. Эйзенхауэру: «Ваши собственные люди подумают, что вы их продали англичанам, если вы будете продолжать поддерживать Монтгомери»¹³⁸. Д. Эйзенхауэр сместил Б. Монтгомери с поста главнокомандующего сухопутными силами десанта, оставив за ним пост командующего 21-й группой армий. В Англии многие посчитали это едва ли не национальным унижением. У самого Б. Монтгомери подобное развитие событий вызвало глубокое разочарование и уныние. Разумеется, факт серьезных разногласий внутри союзного командования не афишировался.

1 сентября генерал Б. Монтгомери был произведен в чин фельдмаршала, а через три дня его войска заняли Антверпен. «Англичане, выйдя к Антверпену, оказались в 100 милях от того места, где Рейн вступает в Рурский бассейн — крупнейший промышленный район Германии. Если бы союзники захватили Рур, Гитлер не смог бы продолжать войну. Перед английскими войсками находился совершенно открытый участок фронта шириной 100 миль. У немцев здесь не было сил, чтобы закрыть эту брешь»¹³⁹, — писал Б. Г. Лиддел Гарт.

Чтобы использовать Антверпен в интересах союзников, необходимо было очистить от противника подступы к нему со стороны моря. Темпы наступления замедлились. В этот момент командующий 21-й группой армий выступил с весьма необычной инициативой. «Когда мы рассматривали различные аспекты этого вопроса, — вспоминал Д. Эйзенхауэр, — Монтгомери неожиданно выступил с предложением, что, если мы окажем поддержку его 21-й группе армий всеми наличными средствами снабжения, он сумеет ворваться прямо в Берлин и, как он сказал, закончить войну.. Энтузиазм Монтгомери подогревался быстрым продвижением войск в течение предыдущих недель, и, будучи убежденным в полной деморализации противника, он решительно заявил, что единственное, в чем он нуждается, — это в соответствующем снабжении войск, чтобы идти прямо на Берлин»¹⁴⁰.

Британское военно-политическое руководство действительно искренне верило, что войну можно закончить в 1944 г., проведя одну стремительную операцию на рурском направлении. После долгих споров и консультаций решено было поддержать план Б. Монтгомери. Операция получила кодовое название «Маркет Гарден» («Огород»). За 55 дней наступления войска 21-й группы армий продвинулись на глубину от 45 до 90 км на фронте 200 км, вышли к р. Маас и овладели юго-западной частью Голландии¹⁴¹. При этом поставленные цели достигнуты не были. «Конечно, я испытывал большое разочарование, — писал Б. Монтгомери. — Я надеялся, что мы сумеем быстро закончить войну с Германией, спасти десятки тысяч жизней и принести облегчение народу Британии. Но этому не суждено было осуществиться»¹⁴².

Но главное разочарование было в том, что бросок на Берлин становился невозможен в ближайшее время. «При надлежащем ведении всей операции мы бы не только скорее закончили войну, но и закончили бы ее в Европе при политическом раскладе, гораздо более благоприятном для установления скорого и прочного мира, чем тот, что мы получили на самом деле», — вспоминал впоследствии Б. Монтгомери¹⁴³.

Неудовлетворительное завершение Голландской операции имело и другие печальные последствия, едва не приведшие к катастрофе на западном ТВД: «Мы не продвигались к Рейну широким фронтом; мы продвигались к Рейну несколькими фронтами, причем не скоординированными между собой. И чем же ответили нам немцы? Одним сконцентрированным ударом в Арденнах, когда мы утратили равновесие сил и чрезмерно растянули фронт. Вот так нас и застали врасплох»¹⁴⁴.

После нанесения немцами удара в Арденнах Д. Эйзенхауэр вынужден был подчинить Б. Монтгомери все войска, расположенные к северу от участка прорыва, в том числе и обе американские армии — 1-ю и 9-ю. Уверенность Б. Монтгомери и его спокойствие оказали благотворное действие на войска, но эффект был бы большим, если бы он, как заметил один из английских офицеров, «не вступил в штаб Ходжеса, как Христос, пришедший очищать храм». Б. Монтгомери вызвал большое возмущение, когда впоследствии на пресс-конференции попытался создать впечатление, будто только его личное руководство сражением спасло американские войска от разгрома¹⁴⁵.

Вспоминая эту пресс-конференцию, Б. Монтгомери, ссылаясь на Ч. Уилмота, сетовал, что запись его пресс-конференции была перехвачена противником и ее смысл извращен. Впоследствии он написал: «Независимо от того, извратили сказанное мною или нет, теперь я считаю, что вообще не должен был давать эту пресс-конференцию. Поскольку часть американских генералов была настроена резко против меня, любое мое слово было обречено считаться ложью. Поэтому мне не следовало ничего говорить. Кроме того, что бы я ни сказал (а мои слова еще и исказили), в целом я производил впечатление очень уверенного в себе человека. В отличие от весьма подавленного американского командования, я мог показать себя (особенно чувствительному человеку) этаким триумфатором — не столько над немцами, сколько над американцами. Это был совершенно неверный образ»¹⁴⁶.

В это время на советско-германском фронте Красная армия начала крупное наступление, начало которого было перенесено на более ранний срок по просьбе У. Черчилля¹⁴⁷. Как истинный британец Б. Монтгомери, в отличие от Д. Эйзенхауэра, думал не о победе вообще,

Британцы фельдмаршал Б. Монтгомери и подполковник Дж. Оливер переправляются на катере через Рейн

Командующие войсками СССР и союзников Г. К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, де Латр де Тассиньи в Берлине

а о победе Великобритании и считал своим долгом обеспечить в первую очередь именно эту победу. Однако учитывая политику, проводимую Верховным главнокомандующим силами союзников на континенте Д. Эйзенхауэром, и успехи Красной армии на восточном фронте, последнее представлялось крайне проблематичным.

Вспоминая о последних днях войны, Б. Монтгомери писал: «Перейдя Рейн, мы устремились к Балтийскому морю. Я ставил своей целью добраться туда вовремя, чтобы успеть помешать русским войти в Данию и таким образом получить контроль над выходом из Балтийского моря. Чтобы ускорить продвижение, дивизии наступали по узким коридорам и на большую глубину; наши передовые бронетанковые части обходили участки сопротивления врага, а затем шедшие за танками войска атаковали их с флангов и с тыла... В конце концов, нам удалось обойти русских. Мы вышли к Балтийскому морю у Висмара и Любека 2 мая примерно за шесть часов до подхода русских и блокировали датский полуостров... Мне казалось, что приближавшиеся русские представляли куда большую опасность, чем побежденные немцы»¹⁴⁸.

4 мая в Люнебурге фельдмаршал Б. Монтгомери принял капитуляцию германских войск в Северо-Западной Европе. К этому времени Берлин пал, советские войска встретились на Эльбе с передовыми частями союзников. 5 мая 1945 г. фельдмаршал Б. Монтгомери был награжден высшим советским полководческим орденом Победы.

После войны Б. Монтгомери был главнокомандующим британскими оккупационными войсками в Германии, с 1946 по 1948 г. — начальником Имперского генерального штаба, с 1948 по 1951 г. — председателем Комитета главнокомандующих постоянного совета обороны Западного союза, с 1951 по 1958 г. — первым заместителем Верховного главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе. Осенью 1958 г. вышел в отставку. Кавалер всех высших орденов Британской империи.

Оценивая масштаб личности в исторической ретроспективе, следует признать, что фельдмаршал Б. Монтгомери был человеком крайне противоречивым и сложным. Он вызывал крайнюю степень раздражения не только у американцев, но и на Уайт-Холле. Покровительствующий ему начальник Имперского генерального штаба А. Брук признавал, что «Уинстон (Черчилль. — *Прим. ред.*) никогда не любил Монти; когда дела шли хорошо, он терпел его; когда дела шли плохо, он сразу же говорил «ваш Монти» и склонен был прислушиваться к жалобам американцев»¹⁴⁹.

Генерал О. Брэдди, воевавший бок о бок с Б. Монтгомери и резко его критиковавший в мемуарах, в то же время, сравнивая его с американским главнокомандующим, писал: «Даже Эйзенхауэр при всей его обаятельной непринужденности никогда не вызывал у американских солдат такого восторга, с каким встречали Монти его солдаты. Среди них он стал человеком поистине легендарным»¹⁵⁰. Сам же Д. Эйзенхауэр впоследствии вспоминал: «Он причинил мне больше горечи и беспокойства, чем любой другой за всю войну»¹⁵¹.

Один из биографов Б. Монтгомери, военный корреспондент А. Мурхед писал об «очевидно присущем ему чванстве и непривлекательности», но затем добавлял, что «эти пороки, если они имели место, были потеснены добродетелью, которая, к сожалению, нередко отсутствовала у офицеров, пробывавшихся в высшие эшелоны командования: он ни перед кем не заискивал, его нельзя было лестью заставить быть послушным и следовать подсказкам, на него не производили впечатление ни демонстрация власти, ни скрытый смысл церемоний»¹⁵². М. Хастингс, характеризуя личность британского полководца, отмечал: «При всех опасных пересудах, бурливших в его тылу, Монтгомери сидел в своем хорошо замаскированном жиле автоприцепе на командном пункте, окруженный любимыми щенками и канарейками»¹⁵³, и обдумывал ход сражения». И далее подчеркивал, что «обвинения против него заключаются в том, что в монастырском одиночестве своего командного пункта он слишком оторвался от политических и военно-политических реальностей, проявлял слишком большую готовность считаться лишь с чисто военными аспектами сражения»¹⁵⁴.

Однако последнее обвинение не совсем справедливо. Б. Монтгомери интересовали не только военные аспекты, но и политические. Его критика американского руководства была

продиктована именно политическими соображениями. В своих мемуарах он писал: «Американцы не могли понять, что стратегическая победа в войне мало что значила без победы политической; эта странная точка зрения стала причиной наших страданий, начавшихся после дня Победы и продолжающихся до сих пор. Война — это политический инструмент; как только становится ясно, что вы можете одержать победу, дальнейший ход военных действий должен определяться политическими соображениями. Осенью 1944 года я ясно понял, что принятый нами способ ведения дел приведет к последствиям, которые будут ощущаться еще долго после окончания войны; тогда мне казалось, что мы все «испоганим». Должен признать, что именно это мы и сделали»¹⁵⁵.

Он был типичным и в то же время лучшим представителем британской военной школы. Подведя итоги своим взлетам и падениям, поражениям и победам, вспоминая друзей и недругов, Б. Монтгомери признался: «Если бы мне пришлось начать все сначала, я не сделал бы другого выбора. Я снова стал бы солдатом»¹⁵⁶.

Шарль де Голль. Родился в 1890 г. в г. Лилль на севере Франции. Его отец — Анри де Голль, дворянин из обедневшего рода, преподавал французский язык и литературу, а также историю и философию в парижском колледже иезуитов. Мать Шарля — Жанна Майо происходила из буржуазной семьи лилльских текстильщиков и была ревностной католичкой. Своих пятерых детей (у Шарля были три брата и сестра) родители воспитывали в духе патриотизма и католицизма. В коллеже иезуитов, где преподавал его отец, Ш. де Голль получил прекрасное среднее образование с гуманитарным уклоном. Он очень хорошо знал французскую и зарубежную художественную и религиозную литературу, историю, владел древнегреческим, латынью и немецким языками.

Осенью 1909 г. Ш. де Голль поступил в знаменитое военное училище Сен-Сир, основанное Наполеоном в 1803 г. На 211 мест претендовали 700 человек, он прошел конкурс 119-м. Многочисленные военные дисциплины преподавались одновременно с историей, географией, топографией, правом, французской литературой, немецким языком, рисованием. Строевое дело сочеталось с усиленной общей физической подготовкой: фехтованием, гимнастикой, футболом, верховой ездой. Почти все свободное время Ш. де Голль проводил за чтением, самостоятельно продолжая свое гуманитарное образование. Большое влияние на мировоззрение будущего политика оказали его современники: мыслители Э. Бутру и А. Бергсон, писатель, военный по профессии, противник пацифизма и сторонник реванша Э. Пишари, а также писатель М. Баррес и поэт Ш. Пеги, творчество которых было пронизано ярко выраженным национализмом и патриотизмом.

В 1912 г. Ш. де Голль блестяще завершил учебу и был выпущен 13-м в звании младшего лейтенанта пехоты с прекрасной аттестацией: «Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным офицером»¹⁵⁷. В том же году он поступил на военную службу, отправился в г. Аррас и служил там два года в пехотных войсках под командованием будущего маршала Франции полковника Ф. Петэна.

Как только началась Первая мировая война, в августе 1914 г. Ш. де Голль отправился на фронт. Он храбро сражался, за участие в боях был произведен в капитаны, получил три ранения. Последний раз его тяжело ранили в рукопашной схватке под Верденом, причем сочли мертвым и оставили на поле боя. В результате он оказался в плену, откуда пять раз безуспешно пытался бежать. После последнего побега немцы заточили его в крепости Ингольштадт в Баварии. Там Ш. де Голль познакомился с молодым русским подпоручиком М. Тухачевским. Он сам поведал об этом через много лет, в апреле 1942 г. в Лондоне, когда беседовал с послом СССР при союзных правительствах в Великобритании А. Е. Богомоловым и охарактеризовал одного из французов как меньшевика. А. Е. Богомолов телеграфировал в Москву буквально следующее: «Слово «меньшевик» он сказал по-русски. Я удивился и спросил, откуда он знает русское слово. Де Голль ответил, что во время первой империалистической войны он был в германском плену вместе с русскими офицерами и долго жил в одной комнате с Тухачевским»¹⁵⁸.

Ш. де Голль смог вернуться на родину из заключения только после завершения военных действий в ноябре 1918 г. После возвращения из плена он продолжил военную карьеру. В 1920-е — начале 1930-х гг. он служил во Французской военной миссии в Польше, затем — в штабе вице-председателя Верховного военного совета маршала Ф. Петэна, потом командовал 19-м егерским полком в оккупированной Францией Рейнской области. В 1929—1931 гг. он продолжил свою службу во французских войсках в Ливане. У него был независимый характер, он всегда оставался принципиальным, выражал собственное мнение, что мешало его карьере. В 36 лет он получил только чин майора. Однако Ш. де Голль сильно отличался от других военных своей широкой образованностью и начитанностью. С молодых лет он много размышлял и писал. В 1924 г. вышла его первая книга «Раздор в стане врага», посвященная соотношению гражданской и военной властей в период Первой мировой войны. В 1932 г. увидела свет вторая книга — «На острие шпаги», написанная прекрасным литературным языком, в возвышенном стиле и посвященная роли личности и армии в истории. В ней автор вынес на суд читателя свои идеалы.

Только после возвращения из Ливана, в 1933 г., Ш. де Голль стал подполковником и начал службу в Высшем совете национальной обороны. Он получил задание разработать текст закона об организации служб во время войны. Подполковник быстро пришел к выводу, что официальная французская стратегия, одобренная высшими военными чинами страны, носила сугубо оборонительный характер. В ее основу было заложено строительство вдоль франко-германской границы фортификационной «линии Мажино». Сам Ш. де Голль считал, что стратегия Франции должна быть только наступательной, иначе она может привести к непоправимым последствиям.

Подполковник скрупулезно изучил труды современных военных, выдвигавших идеи по совершенствованию и применению боевой техники: работы французского генерала Этьена, английских генералов Фуллера и Лиддел Гарта, немецких генералов фон Секта и Гудериана. Ш. де Голль пришел к твердому выводу, что для действенного сопротивления противнику во Франции должна быть создана маневренная армия, «в состав которой входили бы отборные механизированные и бронетанковые войска и которая должна существовать наряду с соединениями, комплектуемыми на основе мобилизации»¹⁵⁹. Он изложил свои взгляды в третьей книге «За профессиональную армию», выпущенной в Париже в 1934 г.

Однако к идеям Ш. де Голля на родине никто не считал нужным прислушаться. Он только нашёл себе новых врагов, а некогда хорошие отношения с маршалом Ф. Петэном теперь, из-за разности взглядов на военную доктрину страны, стали почти враждебными. Правда, Ш. де Голль смог познакомиться с известным правым политиком П. Рейно, который взялся, хотя и безуспешно, пропагандировать идеи военного в парламенте Франции. В 1937 г. не без вмешательства П. Рейно Ш. де Голль, наконец, получил звание полковника и отправился командовать 507-м танковым полком в г. Мец.

В следующем году вышла четвертая книга Ш. де Голля — «Франция и ее армия». Она, по словам автора, была «моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к Родине накануне катастрофы»¹⁶⁰. В книге полковник еще раз заявлял о необходимости скорейшего создания танковых войск и авиации, которым придавал решающее значение в будущей войне.

В самом начале Второй мировой войны, в сентябре 1939 г., Ш. де Голля назначили командующим танковыми войсками 5-й армии, стоявшей в Эльзасе. Немцы в это время были заняты на востоке, громили Польшу, а французы и англичане не брали на себя военной инициативы на западе. Ш. де Голль, прибыв на новое место назначения, столкнулся с полным бездействием французского военного руководства. Он был крайне обеспокоен таким положением вещей и решил в январе 1940 г. направить меморандум 80 видным политическим и военным деятелям Франции. В нем он писал о крайне опасном положении страны и необходимости принятия немедленных энергичных мер. «Не следует заблуждаться! — заявлял полковник. — Эта война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю»¹⁶¹. Никто опять не отреагировал.

Ш. де Голль

10 мая 1940 г. Германия начала массированное наступление на западном фронте, нанеся удар по Франции через территории Бельгии и Нидерландов и в районе г. Седан, где заканчивались укрепления «линии Мажино». 11 мая Ш. де Голль получил приказ принять командование только что сформированной из разрозненных частей 4-й бронетанковой дивизией. В своем дневнике полковник сразу записал: «10 мая началась война машин. На небе и на суше главное — это механизированная сила. Противник имеет над нами преимущество. Его успехи базируются на танковых дивизиях и штурмовой авиации. И ничего другого»¹⁶². Ценой невероятных усилий дивизии Ш. де Голля удалось остановить немецкое наступление и даже несколько продвинуться вперед в районе городка Абвиль. За проявленное мужество в конце мая полковник был произведен в бригадные генералы и отмечен в приказе по армии, который гласил: «Замечательный, смелый и инициативный руководитель. Атаковал сильно укрепленный мост к югу от Абвиля, сломил сопротивление немцев, продвинулся на 14 км в глубь неприятельских линий и захватил несколько сотен пленных и значительное военное имущество»¹⁶³.

В начале июня 1940 г. председатель кабинета министров Франции П. Рейно назначил Ш. де Голля заместителем военного министра. Бригадный генерал покинул фронт и приехал в Париж. Тем временем положение французской армии становилось безнадежным. Немцы быстро продвигались к Парижу и вступили в него 14 июня. Правительство Франции перебралось сначала в Тур, а затем в Бордо. П. Рейно возложил на Ш. де Голля миссию переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем о его возможной помощи. В первой половине июня бригадный генерал дважды летал в Лондон. Он считал, что нужно во что бы то ни стало продолжать борьбу, и даже разработал план переброски французской армии в Африку. 14 июня он утверждал в записке, адресованной П. Рейно: «Я уверен, что, продолжая войну, сначала в метрополии, а затем на территории империи и наших союзников, мы сможем прийти, несмотря на страшные испытания, к конечной победе»¹⁶⁴.

Однако в правительстве Франции росло убеждение, что следует прекратить военные действия и передать власть маршалу Ф. Петэну — стороннику заключения перемирия с немцами. Именно это решение в итоге и было принято. Ш. де Голль узнал об этом 16 июня, после своего повторного возвращения из Лондона. Тогда он принял беспрецедентное решение о продолжении борьбы, даже если этого хочет только он один. 17 июня 1940 г. бригадный генерал вылетел на английском самолете в Лондон, встретился с У. Черчиллем и объявил ему, что возглавит сопротивление французам врагу.

Премьер-министр Великобритании одобрил такое решение и предоставил в распоряжение Ш. де Голля радиостанцию Би-Би-Си. 18 июня из тесной лондонской студии генерал произнес свою ставшую исторической речь к соотечественникам, в которой призывал французам не складывать оружия, а присоединиться к нему для дальнейшей борьбы. «Эта война не ограничивается многострадальной территорией нашей страны, — восклицал генерал. — Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война... Я, генерал де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю всех французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет. Завтра, как и сегодня, я буду выступать по радио Лондона»¹⁶⁵.

В британской столице Ш. де Голль основал организацию «Свободная Франция», призванную вести борьбу против фашистской Германии на стороне Великобритании. К лондонскому объединению постепенно начали присоединяться как военные, так и гражданские лица. В конце 1940 г. их было всего 7 тыс. человек, но менее чем за два года это число выросло в 10 раз. На родине генерала 22 июня 1940 г. маршал Ф. Петэн заключил перемирие с А. Гитлером, согласно которому Франция была поделена надвое. Ш. де Голль правительство Виши заочно приговорило к смертной казни за дезертирство и измену. Сам же генерал не признал новый кабинет законным и считал, что теперь он вправе выступать от имени Франции. 26 июня, после речи Ф. Петэна, в которой он оправдывал капитуляцию, Ш. де Голль ответил ему по лондонскому радио: «Господин маршал, нужно, чтобы в эти страшные часы позора и негодования, обрушившиеся на родину, кто-нибудь вам ответил. И вы услышите мой голос... Франция воспрянет. Она станет свободной и победит. В империи, в мире, здесь, в Лондоне, французские силы формируются и организовываются. Настанет день, когда наше вновь выкованное и отточенное оружие соединится с оружием наших союзников. И мы вернемся с триумфом на родную землю. Мы воссоздадим Францию»¹⁶⁶.

В первую очередь Ш. де Голль направил усилия на овладение французскими колониями. С помощью своих сторонников он начал там активную пропаганду в пользу продолжения войны и присоединения к «Свободной Франции». Администрация Северной Африки категорически отклонила такие предложения и осталась верной вишистскому правительству. Иначе дело обстояло с колониями Французской Экваториальной Африки. Уже в августе 1940 г. к Ш. де Голлю присоединился Чад, а через некоторое время на сторону генерала перешли Конго, Убанги-Шари, Габон и Камерун. О его признании заявили также несколько небольших владений Франции в Тихом океане. Это был первый большой успех. «Свободная Франция» получила собственную территориальную базу.

Нелегко складывались отношения Ш. де Голля с У. Черчиллем. Генерал полагал возможным и даже необходимым отстаивать французские интересы в мире. Английский же премьер заявлял, что «официальная» Франция сдалась на милость победителю, а Ш. де Голль — лишь «доброволец» у него на службе. Пользуясь этим, У. Черчилль стремился утвердить власть Великобритании в некоторых стратегически важных колониях Франции, например в Сирии и Ливане в середине 1941 г. Такая ситуация вызвала негодование Ш. де Голля и привела к длительному противостоянию с У. Черчиллем.

Сразу после начала Великой Отечественной войны Ш. де Голль выступил инициатором установления дипломатических отношений между «Свободной Францией» и СССР. Советская сторона отнеслась к этому благожелательно. 26 сентября 1941 г. посол СССР в Великобритании И. М. Майский вручил Ш. де Голлю официальный письменный ответ, гласивший:

Командир эскадрильи «Нормандия» Жан Тюлян и его фронтовой товарищ В. И. Дымченко

Французские летчики истребительного авиационного полка «Нормандия-Неман» разрабатывают план боевой операции

«От имени моего правительства имею честь уведомить Вас о том, что оно признает Вас как руководителя всех «свободных французов», где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников»¹⁶⁷. Обе стороны приняли решение обменяться официальными представителями. В начале ноября 1941 г. в Англию направился А. Е. Богомолов в ранге Чрезвычайного Полномочного Посла СССР при союзных правительствах в Лондоне. В Москву же выехали назначенные Ш. де Голлем Р. Гарро, Р. Шмиттлен и военный представитель генерал Э. Пти.

После вступления в декабре 1941 г. в войну Соединенных Штатов глава «Свободной Франции» стремился добиться расположения президента США Ф. Рузвельта. Однако тот относился к Ш. де Голлю плохо и вообще считал, что «прокинутая Франция не может больше приниматься в расчет»¹⁶⁸, тем более в лице опального бригадного генерала. В середине 1942 г. британское правительство без ведома Ш. де Голля высадило свои войска на контролируемом Виши острове Мадагаскар. Соединенные Штаты поддержали действия Англии. Помимо того, вашингтонская администрация подписала с Ф. Петэнном договор об использовании американцами для своих военных баз острова Мартиника в Карибском море, оставшегося под контролем Виши. Глава «Свободной Франции» был крайне раздосадован. Он воспринял эти события как прямое посягательство со стороны союзников на французские территории и игнорирование интересов созданного на базе лондонской организации Французского национального комитета — прообраза, как надеялся Ш. де Голль, будущего французского правительства.

В столь серьезном конфликте с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем генерал искал поддержки своей позиции у СССР. Он обсудил ситуацию 24 мая 1942 г. с прибывшим в Лондон наркомом иностранных дел Советского Союза В. М. Молотовым. Во время личной встречи нарком ответил Ш. де Голлю, что «понимает трудности положения Национального комитета и выражает свое сочувствие Движению свободных французов и желание советского правительства оказать ему поддержку. В частности, это может относиться и к вопросу о Мартинике и Мадагаскаре»¹⁶⁹. Начиная с лета 1942 г. Ш. де Голль и сам стремился побывать в СССР, чтобы встретиться с И. В. Сталиным и обсудить с ним лично вопросы двусторонних связей и международных отношений¹⁷⁰. Однако Москва пока оставила инициативы главы «Свободной Франции» без ответа. Советский лидер, зная об отношении к Ш. де Голлю в Лондоне и Вашингтоне, не хотел из-за него иметь проблемы с союзниками.

Важную ставку в борьбе за собственное признание Ш. де Голль сделал на движение Сопrotивления на территории Франции, которое к началу 1942 г. превратилось в действенную силу. Первую серьезную информацию о том, что происходило на родной земле, генерал получил от добровольно прибывшего к нему в Лондон будущего выдающегося деятеля французского Сопrotивления Ж. Мулена. На этого человека Ш. де Голль возложил ответственную миссию — объединить все группировки Сопrotивления и обеспечить их подчинение лондонской организации. Самую ее в середине 1942 г. генерал переименовал в «Сражающуюся Францию». Постепенно различные группы Сопrotивления стали склоняться к признанию Ш. де Голля как лидера продолжающей борьбу против фашизма Франции. Представители почти всех действовавших в подполье политических партий страны (правые, радикалы, социалисты) побывали у генерала в Лондоне. Агентам Ш. де Голля на территории оккупированной Франции удалось связаться и с действующими в условиях строжайшей конспирации коммунистами. Их представитель в самом начале 1943 г. также был переправлен к генералу в Лондон.

Большие испытания выпали на долю Ш. де Голля в конце 1942 — начале 1943 г. 8 ноября 1942 г. крупные военные англо-американские силы высадились на территории Алжира и Марокко. Вишистские войска после недолгого сопротивления сложили оружие. В ответ на это Германия оккупировала южную, «свободную» зону Франции и Тунис. Ш. де Голля о готовящейся операции даже не предупредили. Мало того, У. Черчилль и Ф. Рузвельт решили заменить амбициозного главу «Сражающейся Франции» на более сговорчивого и покладистого человека. Сначала американское командование провозгласило так называемым «верховным комиссаром» Северной Африки адмирала Ф. Дарлана, а после его убийства 24 декабря 1942 г.

Вручение председателем временного правительства Французской Республики генералом Ш. де Голлем французских орденов маршалу авиации Ф. Я. Фалалееву и группе генералов и офицеров Красной армии

на это место был назначен генерал армии А. Жиро, который получил титул «гражданского и военного главнокомандующего». В январе 1943 г. по настоянию англичан и американцев Ш. де Голль и А. Жиро встретились в Марокко на конференции под Касабланкой, на которой в связи с прочим обсуждался французский вопрос. Главе «Сражающейся Франции» было просто предложено подчиниться силам А. Жиро, но Ш. де Голль категорически отказался и вернулся в Лондон. Это вызвало резкое неудовольствие Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Они настаивали, чтобы генерал прибыл в Алжир для продолжения переговоров, однако тот упорствовал. Тогда Ф. Рузвельт предложил отправить Ш. де Голля губернатором на Мадагаскар.

В этот трудный момент генерал снова обратил свой взор к Кремлю. 1 апреля 1943 г. он пришел в Лондоне к А. Е. Богомолу и заявил, что хочет приехать в СССР, чтобы повидаться с И. В. Сталиным¹⁷¹. Просьбу Ш. де Голля и на этот раз советская сторона оставила без внимания. Правда, в правительственных кругах Советского Союза явно сочувственно относились к главе «Сражающейся Франции». Еще 16 января 1943 г. И. М. Майский записал в своем дневнике: «Москва не хочет втягиваться в генеральские комбинации, не рекомендует делать никаких заявлений британскому правительству. Но де Голля предпочитает Жиро»¹⁷².

Глава «Сражающейся Франции» смог выиграть в решающей схватке с англичанами и американцами. В мае 1943 г. он получил телеграмму от Ж. Мулена, в которой говорилось о том, что во Франции завершена подготовка к созданию единого Национального совета Сопротивления. В ней указывалось также, что «французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрее учреждения в Алжире временного правительства под председательством генерала де Голля»¹⁷³. Так, получив круп-

ный козырь и представ перед общественным мнением в качестве национального лидера, пользующегося поддержкой движения Сопротивления, генерал 30 мая прибыл в Алжир.

В алжирской столице 3 июня 1943 г. был создан Французский комитет национального освобождения под председательством Ш. де Голля и А. Жиро. В августе он был признан одновременно США, Великобританией и СССР. Став во время войны опытным политиком, Ш. де Голль постепенно отстранил А. Жиро от дел и в ноябре стал единоличным председателем ФКНО. В это время произошло некоторое ухудшение отношений между Ш. де Голлем и СССР, причиной чему стала Тегеранская конференция, проходившая 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Во-первых, Ш. де Голля на нее не пригласили, а он на это явно рассчитывал. Во-вторых, генерал остался недоволен ее результатами. Он считал, что по многим важным вопросам И. В. Сталин занял проамериканскую позицию. Войска ФКНО принимали участие во всех важнейших военных операциях союзников. В момент долгожданного открытия второго фронта, в начале июня 1944 г., ФКНО провозгласил себя временным правительством Французской Республики, и Ш. де Голль стал его председателем.

Осенью 1944 г., в период последних боев на территории Франции, глава ее правительства вновь поставил вопрос о своей поездке в СССР. Советская сторона отнеслась к этому благожелательно. Визит председателя временного правительства Франции в СССР состоялся в самом конце ноября — декабре 1944 г. В Европе шли ожесточенные бои, поэтому Ш. де Голль долго добирался до границ Советского Союза через Африку и Азию. Сначала он прибыл в Каир, затем в Тегеран, откуда советским военным самолетом прилетел в Баку. Из столицы Азербайджана, проехав поездом через Сталинград, генерал, наконец, прибыл в Москву. Он несколько раз встречался с И. В. Сталиным¹⁷⁴. Переговоры шли тяжело, так как камнем преткновения стал польский вопрос. Генерал упорно не соглашался на настоятельное предложение советской стороны признать поддерживаемый СССР Польский комитет национального освобождения. В результате все-таки удалось найти компромиссное решение, и в ночь с 9 на 10 декабря 1944 г. Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи был подписан. Глава временного правительства Франции высоко оценил это событие.

По возвращении в Париж он полностью посвятил поездке в Москву выступление в Консультативной ассамблее. В своей речи Ш. де Голль, в частности, сказал: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разьединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла. Эта истина, вытекающая для народов из всего, что им пришлось пережить, господствовала на переговорах в Москве. Оба правительства на этой основе пришли к выводу о необходимости особого союза между СССР и Францией. Это, по мнению обеих сторон, основной этап победы, а завтра — безопасности»¹⁷⁵.

Под руководством Ш. де Голля в период временного режима правительство Франции восстановило демократические свободы, национализовало ряд отраслей промышленности, провело социально-экономические реформы и чистку государственно-административного аппарата от коллаборационистов. В январе 1946 г. глава кабинета, разойдясь во взглядах по основным внутривнутриполитическим вопросам с представителями левых партий, добровольно оставил свой пост. В том же году во Франции была установлена Четвертая республика. Согласно Конституции 1946 г. реальная власть в стране принадлежала не сильному, независимому от партий президенту, как того желал Ш. де Голль, а Национальному собранию. В 1947 г. бывший глава временного правительства опять включился в политическую жизнь. Он основал организацию Объединение французского народа (РПФ), главной целью которой были провозглашены борьба за отмену Конституции 1946 г. и завоевание власти парламентским путем для установления нового режима в духе главной политической идеи генерала. Первоначально РПФ имело большой успех, однако добиться своей цели ему не удалось. В 1953 г. Ш. де Голль распустил объединение и вновь отошел от политики.

Он вернулся к власти в 1958 г. на волне алжирского мятежа и с июня по декабрь опять занимал пост председателя правительства. Под его непосредственным руководством была разработана Конституция 1958 г., которая сделала президента республики центральной фигу-

рой французской политики, расширив его прерогативы за счет парламента. В декабре 1958 г. коллегией выборщиков Ш. де Голль был избран первым президентом Пятой республики. Первоочередной задачей главы государства стало урегулирование алжирской проблемы. Генерал твердо проводил курс на самоопределение Алжира, несмотря на серьезнейшие препятствия: мятежи французской армии и ультраколониалистов в 1960 и 1961 гг., террористическую деятельность Вооруженной секретной организации, покушения на президента. В 1965 г. Ш. де Голль был переизбран на второй срок всеобщим голосованием.

Внешнюю политику генерал стремился осуществлять в русле своей идеи «национального величия» Франции. От США и Англии он требовал равноправия для своей страны в рамках НАТО. Не добившись успеха, президент в 1966 г. вывел Францию из военной организации Атлантического пакта. В отношениях с ФРГ Ш. де Голлю удалось достичь существенных результатов. В 1963 г. был подписан Франко-германский договор о сотрудничестве. Генерал был сторонником идеи «единой Европы». Он мыслил ее как «Европу отечеств», в которой каждая страна сохраняла бы свою политическую самостоятельность и национальную самобытность. Президент Франции одним из первых выдвинул идею разрядки международной напряженности, направив свою страну на путь сотрудничества с СССР, Китаем, странами третьего мира.

Внутренней политике Ш. де Голль не уделял столь же большого внимания, как внешней. События мая 1968 г. во Франции — массовые демонстрации и беспорядки, всеобщая забастовка — свидетельствовали о серьезном кризисе общества. Вскоре президент выдвинул проект о новом районировании Франции и реформе сената, который на референдуме в апреле 1969 г. не получил одобрения большинства французов. Сразу после этого генерал по собственной инициативе ушел в отставку и окончательно отдалился от политической деятельности. Он умер 9 ноября 1970 г. в Коломбэ-ле-дэз-Эглиз.

Послевоенное устройство на повестке дня

История Второй мировой войны — это не только ход и итоги крупнейших военных сражений, но и дипломатические усилия по планированию союзниками по антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобританией основ послевоенного мира. Место в нем каждого из воюющих государств находилось в прямой зависимости от развития ситуации на основных театрах военных действий мировой войны, и прежде всего основного из них — советско-германского.

Если под стратегическим планированием во время войны иметь в виду прежде всего долговременные цели и задачи воюющих сторон, глобальные последствия, то инициатива принадлежала Советскому Союзу. Меньше чем через две недели после начала войны, 3 июля 1941 г., в обращении председателя ГКО И. В. Сталина к советскому народу были сформулированы коренные цели Советского Союза в Великой Отечественной войне, объединившие национальную всенародную борьбу против фашистского порабощения с миссией по освобождению всех народов Европы от ига фашизма.

Столь масштабное заявление, прозвучавшее из Москвы, поставило ее потенциальных союзников перед необходимостью сформулировать свое видение будущего. Для США это был непростой шаг, учитывая американский нейтралитет и нежелание в обозримой перспективе по собственной воле с ним расставаться. Но логика большой войны, ее усиливающийся антифашистский характер, возросшее влияние на политику общественных сил ставили перед англо-американскими партнерами задачу согласования и координации коренных целей в войне, как ранее это уже сделал Советский Союз. Неофициально свой выбор Вашингтон давно уже определил, оказывая поддержку Великобритании и не приемля фашизм как тоталитарную идеологию и смертельную угрозу своему национальному существованию.

Встреча советских войск с американско-английскими войсками на р. Эльба

Однако к участию в двусторонней англо-американской встрече на высшем уровне, состоявшейся в середине августа 1941 г. в бухте Арджентия на Ньюфаундленде и вошедшей в историю как Атлантическая конференция, не был приглашен Советский Союз. В глазах англичан и американцев на том этапе войны роль СССР казалась второстепенной и «отвлекающей», и его мнением в вопросах послевоенного мироустройства, вероятно, можно было пренебречь.

Это была первая из числа двусторонних встреч Ф. Рузвельта и У. Черчилля в годы войны. Именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона начала играть роль первой скрипки. «Вторая мировая война стала последним гвоздем, вбитым в гроб экономической мощи Британии»¹⁷⁶. Уже тогда, на борту крейсера «Огаста», где проходили переговоры двух лидеров, между ними обнаружилось принципиальное разногласие в отношении будущего миропорядка. Если американцы стремились к основательной «ревизии» довоенной международной системы в свою пользу, то англичане выступали как твердые хранители статус-кво, что означало прежде всего сохранение и защиту ими своей колониальной империи и довоенной политической конфигурации в Европе. Президент был борцом с колониализмом, он заявил У. Черчиллю по поводу Индии: «Я не понимаю, как мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время не стремиться к освобождению людей во всем мире от оков отсталой колониальной политики»¹⁷⁷.

14 августа на конференции была принята Атлантическая хартия, отредактированная лично Ф. Рузвельтом и представляющая собой свод международно-правовых и общепацифистских принципов ведения войны и организации послевоенного мира. В ней, в частности, говорилось, что Англия и США не ставят цели территориальных или иных приобретений и захватов и не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не согласованные со свободно выраженной волей народов. Также подчеркивалось, что стороны уважают право

всех народов избирать свою форму правления и стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем. Также провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей». Это было приоритетной целью политики наращивания внешнеэкономической экспансии США. Для реализации поставленных задач нужно было одержать победу над сильным врагом, поэтому «окончательное уничтожение нацистской тирании» рассматривалось как важное условие утверждения в послевоенном мире основных свобод, включая свободу вероисповедания, собраний, освобождение людей от страха и нужды.

Англичане довольно болезненно восприняли усилия США использовать подписанный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками и источниками сырья. Неслучайно У. Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и добился внесения в хартию оговорки, что ее положения будут осуществляться с соблюдением существующих обязательств. «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»¹⁷⁸.

Советское руководство хорошо понимало, что движет авторами Атлантической хартии. При всех имеющихся между союзниками разногласиях послевоенный мир виделся им англо-американским, а СССР, как говорилось с понятным раздражением в одном из закрытых документов НКВД, была уготована роль «бесплатного приложения других держав»¹⁷⁹. Это не могло не вызывать чувства негодования в руководстве СССР. Демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать примером политической мудрости и удачным началом консолидации коллективных сил на отпор агрессорам. Дело выглядело таким образом, что пока одни сражались, другие думали о дележе трофеев еще задолго до победы. В беседе с английским министром иностранных дел А. Иденом в декабре 1941 г. И. В. Сталин жестко расставил акценты: «Неволью создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР»¹⁸⁰.

Советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, намеченной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений хартии. Скорее, речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация на фронте выглядела катастрофической. Однако руководствуясь интересами борьбы с фашизмом, советское правительство дало согласие принять участие в перенесенной на конец сентября Межсоюзнической конференции, чтобы вместе с другими странами, подвергнувшимися нацистской агрессии, поддержать Атлантическую хартию. Оглашенная на конференции Советская декларация актуализировала положения хартии и выражала позицию СССР в отношении целей в войне и послевоенного демократического мироустройства. В декларации заявлялось согласие с принципами Атлантической хартии, но при этом оговаривалось, что ее практическое воплощение в жизнь зависело от конкретных обстоятельств, нужд и исторических особенностей той или иной страны. В Москве не хотели связывать себе руки конкретными обязательствами, когда до победы было еще далеко, а дела на фронте оставляли желать лучшего.

С дипломатических событий в самом начале войны начался длинный путь союзников по антигитлеровской коалиции к победе и закреплению ее итогов в рамках новой системы международных отношений, заложившей основы послевоенного мира на десятилетия вперед. По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, Соединенные Штаты приступили к практическому планированию послевоенного мира вскоре после своего вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 г.¹⁸¹

Спустя долгие годы после окончания Второй мировой войны, когда и сменившая ее холодная война, и распад Советского Союза уже стали историей, с новой силой тиражируется мысль, что послевоенный мир явился «американским миром»¹⁸². Соединенным Штатам, уклонившимся от принятия на свои плечи основного груза войны и переложившим его на другие державы, прежде всего на СССР, удалось добиться впечатляющих дипломатических результатов, обеспечивших на многие годы вперед благополучие и процветание Америке и ее доминирующее положение на мировой арене благодаря выгодному геополитическому положению и активной внешней и военной политике. Архитектором этой политики являлся президент Ф. Рузвельт. На пронизательного собеседника он, как правило, производил неизгладимое впечатление. Посетивший его еще перед войной министр финансов Германии Я. Шахт отмечал: «Без сомнения, это был превосходный политический игрок, человек большого ума, обладавший при всей своей откровенности определенной скрытностью»¹⁸³. В политике Ф. Рузвельт придерживался золотого правила «не опережать события», поэтому на открытое обсуждение послевоенных планов США администрацией было наложено твердое табу. Как следствие, американская общественность до поры до времени кроме общих фраз из Атлантической хартии о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании не была информирована и оставалась в неведении в отношении глобальных замыслов Вашингтона.

Судя по многим признакам, полной ясности, кроме самых общих представлений об интересах Америки, не было и у самого президента. Его «великий замысел», как позднее назвали планы американского переустройства мира, покоился скорее на интуиции, чем на просчете возможностей и вариантов при определении вектора интересов правящей элиты США. Слишком много еще оставалось неизвестных величин. Война на время притупила и отложила разногласия между изоляционистами и интервенционистами, либералами и консерваторами в американской верхушке, но не могла их полностью устранить.

Характерной явилась реакция на выступление 8 мая 1942 г. вице-президента Г. Уоллеса, который провозгласил в традициях «нового курса» Ф. Рузвельта наступление «века простого человека» и призвал осуществить идеалы «народного мира». Помощник госсекретаря А. Берл так прокомментировал выступление вице-президента: «Мир, который описал Уоллес, потребует богов, чтобы управлять им. Я не знаю, как с этим обстоят дела у вас, но здесь, в Вашингтоне, ощущается явная нехватка архангелов»¹⁸⁴.

Американские политики, родившиеся в конце XIX в., были воспитаны на возведенных к тому времени в ранг государственной доктрины США идеях «предначертания судьбы», американской «исключительности» и «богоизбранности». Беседуя с сыном, президент сказал: «Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно... Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире»¹⁸⁵.

Америка видела в войне прежде всего путь к достижению своих экономических целей. В Госдепартаменте, избегая вдаваться в детали, уклончиво говорили о создании «новой системы» или закладывании «основ обновленного международного порядка». Еще 18 мая 1941 г. в выступлении по радио государственный секретарь К. Хэлл говорил: «Ничуть не рано заложить по крайней мере некоторые принципы, которые будут руководить политикой по завершении войны, выдвинуть широкую программу мирового экономического восстановления и рассмотреть предварительные планы осуществления этой политики»¹⁸⁶.

Удар японцев по американскому флоту на Тихом океане спутал все карты американского руководства и вынудил Ф. Рузвельта объявить Японии войну. Но даже в «день позора», как окрестили в США 7 декабря 1941 г., Белый дом продолжал откладывать объявление войны главному союзнику Японии по Тройственному пакту — нацистской Германии, пока за американцев это не сделал сам А. Гитлер, за которым последовал и Б. Муссолини.

Официальное вступление Соединенных Штатов в войну сняло формальные препятствия для начала практического планирования послевоенного мира. В конце 1941 г. в Вашингтоне на широкой межведомственной основе был создан Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, названный по имени своего исполнительного директора, сотруд-

ника Госдепартамента Г. Ноттера — «комитетом Ноттера». На него была возложена задача разработки основ послевоенного мира. Деятельность комитета была долгое время окутана покровом секретности, чтобы, как отмечал К. Хэлл, «сведения о наших послевоенных исследованиях не подорвали понимание общественностью того, что для достижения победы потребуется долгая и упорная борьба»¹⁸⁷.

Для СССР первая попытка затронуть вопросы послевоенного европейского территориального урегулирования в межсоюзнических отношениях закончилась безрезультатно. Определенный зондаж, проведенный во время визита А. Идена в Москву в середине декабря 1941 г., выявил на тот момент нежелание Лондона и Вашингтона признать за Советским Союзом его границы по состоянию на 22 июня 1941 г. Причем особенно деструктивно в тот момент выступил Госдепартамент США и лично госсекретарь К. Хэлл, который требовал от англичан «не идти на уступки русским» и предлагал сохранить этот «козырь» для оказания дипломатического давления на СССР в дальнейшем. Не удивительно, что А. Иден отказался подписать предложенный советской стороной протокол, предусматривавший признание Англией границ СССР 1941 г., прямо сославшись, как вспоминал И. М. Майский, на позицию Соединенных Штатов. Все попытки И. В. Сталина переубедить главу Форин-Офиса ни к чему не привели. «Нам очень важно знать, придется ли нам вести с Англией борьбу на мирной конференции из-за наших западных границ», — со скрытой угрозой в голосе завершил он беседу¹⁸⁸.

Англичане, и прежде всего лично У. Черчилль, занимали в этом вопросе столь же жесткую позицию по отношению к СССР, как и американцы. Оценивая итоги визита А. Идена в Москву и двухдневные переговоры с И. В. Сталиным, У. Черчилль категорически заявлял, что «не может быть и речи об установлении границ до мирной конференции. Мне известно, что президент Ф. Рузвельт так же твердо придерживается этой точки зрения, как и я, и он несколько раз высказывал мне свое удовлетворение по поводу твердой позиции, которую мы заняли по отношению к Москве». При этом У. Черчилль в вопросах, прямо затрагивающих интересы СССР, исходил из того, как следует из его инструкций от 8 января 1942 г. английскому министру иностранных дел А. Идену, что Советский Союз будет серьезно ослаблен к концу войны и окажется зависим от англо-американского блока¹⁸⁹.

1 января 1942 г. 26 государствами была подписана Декларация Объединенных Наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством и с учетом внесенных им замечаний и поправок. Опыт размолвки с Москвой при подписании Атлантической хартии был учтен в Вашингтоне. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большей степени благодаря личной протекции президента Ф. Рузвельта, который связывал надежды на будущее для интересов США в Азии и на Тихом океане с гоминьдановским Китаем. Однако британское и советское правительства отнеслись к этому сдержанно. В декларации не была упомянута Франция под надуманным предлогом, что генерал Ш. де Голль представлял «движение», а не государство. На самом деле Вашингтон не мог простить ему его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции, а также его твердую позицию по поводу французских островов Сан-Пьер и Микелон, на которые претендовали США, пользуясь возникшим безвластием во французских владениях и не ожидая получить отпор со стороны «свободных французов»¹⁹⁰.

Декларация, развивая положения Атлантической хартии, фиксировала обязательства подписавших ее государств и присоединившихся к ней позднее употребить все свои военные и экономические ресурсы в войне со странами Тройственного пакта и их сателлитами, а также активно взаимодействовать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с врагами.

Ход войны четко фиксировал все взлеты и падения борьбы с фашизмом, масштабы, размах и интенсивность военных усилий отдельных государств. Если в Москве все внимание поглощала пока еще неопределенная ситуация на фронте, то в Вашингтоне все больше задумывались о плодах победы. Именно такое впечатление оставил визит наркома иностранных дел В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае — июне 1942 г., предпринятый с целью ускорить решение вопроса об открытии второго фронта союзниками в Европе. Обращало на себя внимание, что Госдепартамент в повестке дня переговоров даже не считал нужным упомянуть о втором фронте. Сам президент, словно не ведая, какая напряженная обстановка складывалась на советско-германском фронте к лету 1942 г., вел себя подчеркнуто расслабленно и умиротворенно, рассуждая о проблемах разоружения, безопасности, деколонизации, международной опеки, как будто победа союзников была очевидна.

За кулисами переговоров американская сторона продолжала вести себя непримиримо в отношении признания советской западной границы и сорвала включение этого принципиального вопроса в текст Советско-английского союзного договора от 26 мая 1942 г.¹⁹¹ Тогда английская сторона в качестве компромисса предложила в проекте союзного договора признать границу СССР только в Прибалтике и воздержаться от ее полного утверждения, что было согласовано с американцами. Эта половинчатость не могла устроить советскую делегацию, и поэтому было решено устранить из текста проекта союзного договора пункт о границах.

Пока Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом, руководители США и Великобритании, срывая раз за разом свои обязательства об открытии второго фронта во Франции и выдавая за него второстепенные действия своих войск на других театрах военных действий, все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем.

К концу 1942 г., когда германский вермахт и его союзники потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, Ф. Рузвельт пришел к выводу, что от «исследований» пришла пора двигаться дальше. Понимая, какое непростое дело ему предстоит, он спешил заручиться поддержкой союзников в мировом масштабе и, по возможности, учесть их позиции при реализации своего «великого замысла».

В ноябре, когда началось советское контрнаступление под Сталинградом, президент сообщил премьер-министру Южной Африки, с которым находился в дружеских отношениях, о своем желании переговорить с ним «по поводу подготовки планов в отношении победоносного мира, который, безусловно, придет». В следующем месяце он в течение нескольких часов обсуждал эту тему с премьер-министром Канады М. Кингом. В ежегодном послании конгрессу 7 января 1943 г. Ф. Рузвельт впервые остановился на вопросах послевоенного мироустройства. «Победа в этой войне, — заявил он, — наша первая и величайшая задача. Другая задача — победа в организации мира»¹⁹².

По мере приближения конца войны отношение к ней как к политическому «предприятию» в уме президента еще более укрепилось. При этом Ф. Рузвельт не мог не учитывать неудачные для США итоги предыдущего мирного урегулирования — Версальско-Вашингтонского, явившегося лишь краткой передышкой перед новой мировой войной и не оправдавшего надежд американской элиты на передел мира в свою пользу. Д. Эйзенхауэр вспоминал о своей беседе с Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоящих перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»¹⁹³.

После Сталинграда, лишившего нацистскую Германию шансов на победу в войне, Ф. Рузвельт почувствовал все большую необходимость обсудить послевоенные планы с главным союзником — СССР и предпринял в этих целях сложные дипломатические маневры, чтобы организовать двустороннюю встречу с И. В. Сталиным. Но она не состоялась. Ф. Рузвельт ограничился «изучением» послевоенных проблем в обществе более покладистых англичан. В марте 1943 г. в Вашингтон с трехнедельным визитом прибыл глава английской дипломатии А. Иден для предварительного обсуждения послевоенных проблем с американскими руководителями.

В Москве, конечно, были хорошо осведомлены о том, что все больше и больше волновало западных союзников. Зная о предстоящих переговорах в Вашингтоне и, не принимая в них участия, советское правительство сочло необходимым довести до сведения союзников свою точку зрения по существу некоторых вопросов, затрагивающих интересы СССР. В порядке предостережения была высказана надежда, что участники переговоров не свяжут себя обязательствами в отношении деталей послевоенного урегулирования. При этом указывалось, что советская западная граница, как она сложилась перед нападением нацистской Германии на СССР, является окончательной. Говорилось о желании Советского Союза иметь в лице соседей — Польши, Финляндии и Румынии — «дружественные государства».

В то же время планы англичан о создании «европейских федераций», призванные восстановить довоенную драматургию, отвергались в Москве как попытки возрождения антисоветского «санитарного кордона», чем они в действительности и были. Характерно, что в Москве осторожничали по поводу дальневосточных проблем и не спешили раскрывать свои планы в этой связи, избегая возбуждать подозрения японцев, хотя Ф. Рузвельт и добивался ясности в этом вопросе.

Главное место в ходе англо-американских переговоров заняла судьба Германии, поражение которой в войне Ф. Рузвельту уже казалось предрешенным. Он хорошо помнил, какими социальными потрясениями для Германии и всей Европы закончилась предыдущая мировая война, и не хотел повторения подобных событий еще в более широких масштабах, тем более что с востока надвигалась «революционная» советская мощь. Надо было избежать новой революционной бури и нейтрализовать СССР. Задача казалась почти невыполнимой. Участвовавший в переговорах Г. Гопкинс вспоминал: «Я сказал, что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии»¹⁹⁴.

Президент немедленно поддержал своего ближайшего помощника и согласился с тем, что дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Это был серьезный сигнал У. Черчиллю, что с его «балканской стратегией» пора кончать, хотя до практического решения вопроса о втором фронте было еще далеко. Наступал момент, когда военные и политические вопросы сливались в единое целое. Стороны легко согласились и с необходимостью расчленения Германии на ряд слабых и нежизнеспособных государств, что, по их мнению, помогло бы избежать «революционного взрыва». А. Иден в своей телеграмме У. Черчиллю сообщал, что он сам «в целом высказался за идею расчленения, поскольку вы неоднократно высказывались при мне в ее поддержку»¹⁹⁵.

Если обсуждение европейских проблем в Вашингтоне прошло сравнительно гладко, и его, в принципе, отличал согласованный подход перед лицом Советского Союза, то в отношении будущих глобальных геополитических перемен на карте мира между западными союзниками такого единства не наблюдалось. Англичанам ясно давали понять, кто в семье был новым хозяином.

Накануне приезда А. Идена в Вашингтон Ф. Рузвельт одобрил подготовленный в стенах Госдепартамента меморандум о «международном контроле» над зависимыми народами и территориями и вручил его экземпляр главе британского МИДа, хотя из общения с У. Черчиллем хорошо знал о негативном отношении англичан к американской затее¹⁹⁶.

Особое место в озвученных Ф. Рузвельтом послевоенных планах США занимал раздираемый гражданской войной и иностранной интервенцией Китай, который явился первым крупным направлением внешней экспансии США с конца XIX в. и провозглашения доктрины «открытых дверей». США стремились занять там место других держав-конкурентов, прежде всего Японии. Американское руководство делало ставку на гоминьдановский режим и, чтобы продемонстрировать свою лояльность, 11 января 1943 г. заключило с ним договор об отказе от экстерриториальных прав, навязанных Китаю в предыдущем веке под давлением англи-

чан. А. Иден сообщал премьер-министру по итогам переговоров в Вашингтоне: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы столь серьезным бедствием, что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку»¹⁹⁷.

Вместе с тем, зная о традиционных страхах англичан в отношении «русской экспансии» в Азии и в связи с этим их длительным кооперированием с японцами, Ф. Рузвельт попытался соблазнить англичан перспективой создания нового баланса сил на Дальнем Востоке взамен разрушенного войной. Китаю предназначалась в нем ключевая роль, и президент с жаром убеждал А. Идена, что при любом серьезном столкновении с Россией Китай будет «на нашей стороне». Англичанину эта логика была близка и понятна, поэтому, вернувшись в Лондон, министр доложил военному кабинету, что Соединенные Штаты, «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»¹⁹⁸.

В своих послевоенных планах Ф. Рузвельт придавал огромное значение созданию под эгидой США международной организации, которая должна была стать центральным звеном новой системы мировой взаимозависимости. Вопрос заключался в том, будет ли это узкий круг из главных союзных держав, ответственных за судьбы мира, или более широкая структура, где каждая «маленькая птичка», по словам У. Черчилля, могла петь своим голосом. В Москве внимательно следили за событиями, но не определялись на этот счет.

С деятельностью этой новой международной организации связывалось решение многих политических и экономических проблем в интересах США в ослабленном войной мире. Ф. Рузвельт, в конце концов, убедил А. Идена принять американское предложение. 30 марта на пресс-конференции в Белом доме, состоявшейся, как было принято во время войны в целях безопасности уже после отъезда английского гостя, Ф. Рузвельт сообщил о прошедших переговорах, отмечая их предварительный, «исследовательский» характер, и заявив, что он надеется провести подобные переговоры с русскими. Наиболее активная часть американской элиты, которую уже начинал волновать вопрос, не собирается ли президент «выиграть войну и проиграть мир», на время успокоилась. Американцы явно брали дело мирного урегулирования крепко в свои руки.

Это не означало, что Ф. Рузвельт недооценивал трудности обсуждения послевоенных проблем с И. В. Сталиным, человеком, который оставался для него большой загадкой, как, впрочем, и его государство, столь непохожее на США, которое он возглавлял и с которым волею событий Соединенные Штаты оказались в одной коалиции. Тем более, как следовало из событий на восточном фронте, влияние этого государства стремительно росло по мере отражения нацистской агрессии, что серьезно корректировало американские планы. Тактика ведения войны «малой кровью» теперь оборачивалась против американцев. Как учил опыт мировой истории, условия мира мог продиктовать сильнейший из победителей.

Отношение США к Советскому Союзу в годы Второй мировой войны претерпело сложную эволюцию — от сомнений в его способности выстоять под ударами военной машины нацистской Германии до преувеличенных оценок намерений И. В. Сталина реализовать плоды победы к своей выгоде и в ущерб Западу. А. Иден вспоминал о своих переговорах в Вашингтоне: «Главный вопрос, который не выходил из головы Рузвельта, касался того, было ли возможно сработаться с Россией сейчас и после войны. Он хотел знать, что я думаю по поводу мнения, согласно которому целью Сталина являлся захват и подчинение коммунизму континента»¹⁹⁹.

Несмотря на то что в администрации Ф. Рузвельта был создан «комитет Ноттера», ясности в главном вопросе — какой будет политика Советского Союза, основной силы в войне, — не было. Многие в Вашингтоне по инерции продолжали относиться к Советскому Союзу как к «временному попутчику», пути которого с США разойдутся в дальнейшем. Известный американский дипломат Ч. Болен отмечал, что глава русской секции Госдепартамента Л. Гендерсон и «специалисты разделяли мнение, что, хотя Советский Союз был теперь союзником, с ним следовало держать ухо востро, потому что его конечные цели сталкивались с целями

Соединенных Штатов»²⁰⁰. Ф. Рузвельт держал многих из них на расстоянии, не ожидая с их стороны чего-то нового и конструктивного.

Президент прислушивался к мнению некоторых американских военных, занятых стратегическим планированием, которые не могли не оценить по достоинству силу и мощь Советского Союза, остановившего и повернувшего вспять гитлеровскую агрессию и тем самым изменившего ход всей Второй мировой войны. Примером нового взгляда на перспективную политику в отношении Советского Союза служила докладная записка президенту от 1 декабря 1942 г., подготовленная генералом Бэрнсом. В ней говорилось, что Россия нужна США не только как военный союзник для разгрома Германии и Японии, но и как «подлинный друг» и деловой клиент в послевоенном мире. В отличие от других служебных документов, посвященных частным вопросам, записку генерал Бэрнса отличал комплексный, концептуальный подход. Ее автор, выходя за рамки военных вопросов, увязывал их с экономическими, указывая на целесообразность предоставления СССР «существенных кредитов на благоприятных условиях» для финансирования его послевоенного восстановления. Несколько туманно говорилось и о важности удовлетворения законных чаяний русских в ходе мирного урегулирования²⁰¹.

Одна часть подчиненных убеждала Ф. Рузвельта, что революционная природа советской власти остается прежней. Другая, чьи взгляды были ему ближе, верила в возможность «исторического компромисса» с Москвой после всех тягот и страданий кровопролитной войны. Важно было определить рамки этого компромисса. Ф. Рузвельт был убежден, что всегда можно договориться со здравомыслящим партнером, стоило только проявить необходимую гибкость и выдержку. Интерпретируя эти мысли президента, А. Гарриман, направленный в СССР в качестве нового американского посла, писал: «Прежде всего он надеялся, что близость между нами, порожденная войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества. Он полагал, что ужасные разрушения огромных районов России потребуют больших усилий по восстановлению, и был готов предоставить щедрую американскую помощь. Он видел, что Россия была осаждена и изолирована западными державами перед войной как в Лиге Наций, так и за ее стенами. Он был преисполнен решимости путем установления тесных личных отношений со Сталиным в годы войны вселить уверенность в кремлевских лидерах, что Россия — ныне признанная крупнейшая держава — могла доверять Западу»²⁰².

В основе послевоенного проекта Ф. Рузвельта по переустройству мира лежал геополитический подход. В отношениях с Москвой многое зависело от того, какой подход возобладает в советском руководстве — классовый, идеологический либо деловой, прагматический, или амальгама того и другого. Ф. Рузвельт еще до своей личной встречи с главой советского правительства несколько самоуверенно считал, что «он, как и Сталин, являются реалистами», — как передавал в Москву содержание беседы в Белом доме 11 апреля 1942 г. советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко²⁰³.

Антиколониальная риторика Ф. Рузвельта, особенно по поводу Индии, вызывала приступы негодования у английской консервативной элиты²⁰⁴. Объективно интересы США и СССР в известной степени и до определенного предела совпадали в отношении «старого колониализма». С момента своего создания Советское государство последовательно выступало против всех форм колониального и расового угнетения. Если в отношениях с Англией это вызывало острые трения на межгосударственном уровне, то с американцами, наоборот, до поры до времени сближало при всем различии конечных целей двух главных союзников. Неслучайно на встречах большой тройки И. В. Сталин одобрительно воспринимал американские планы «опеки» над зависимыми народами и открыто упивался тем, как Ф. Рузвельт со свойственным ему остроумием высмеивал «неисправимого колонизатора» У. Черчилля.

Анализ послевоенных планов Ф. Рузвельта показывает, что президент, на словах большой противник раздела мира на сферы влияния, на деле был не так далек от планов создания некоего фантастического советско-американского альянса за счет интересов побежденных и ослабленных войной стран, где США надеялись играть руководящую роль при поддержке со стороны Советского Союза. Посетивший Белый дом в сентябре 1943 г. кардинал Спеллман

после беседы с президентом удивленно записал: «Он надеется, что вслед за вынужденной дружбой (с Советским Союзом. — *Прим. ред.*) вполне может последовать настоящая и прочная дружба»²⁰⁵.

К тому времени, когда война подошла к своему пику, в межсоюзнических отношениях обозначился серьезнейший кризис между военными и политическими вопросами. Советское руководство твердо давало понять, что без решения вопроса о втором фронте в Европе дальнейшее движение вперед невозможно. Первым это осознал президент Ф. Рузвельт.

Большая тройка усиленно готовилась к своей встрече. Чтобы иметь уверенность в ее результатах, было решено провести предварительные консультации министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1943 г. В преддверии их Ф. Рузвельт явно стремился заинтересовать Москву выгодами будущего сотрудничества с Соединенными Штатами. С этой целью в Москву был направлен глава Управления военного производства США Д. Нельсон. За несколько дней до начала конференции он был принят И. В. Сталиным, который внимательно выслушал гостя. Основной темой беседы стал вопрос об экономическом сотрудничестве США и СССР после войны. С американской стороны указывалось, что в Советском Союзе имеются значительные запасы сырья, которые потребуются после войны Соединенным Штатам, а в обмен на них СССР мог бы получить американские товары. В ходе обмена мнениями с советской стороны была высказана заинтересованность в поставках из США промышленного оборудования и некоторых товаров²⁰⁶.

В представленных союзниками предложениях по повестке дня предстоящей конференции вопрос о втором фронте отсутствовал. 4 октября Ф. Рузвельт поспешил сообщить в Москву, что не имел возражений против обсуждения на конференции вопроса второго фронта, хотя и высказался против принятия каких-либо решений в этой связи. Назначенный главой американской делегации госсекретарь К. Хэлл в своих мемуарах отмечал: «Ясно было, что для того чтобы склонить И. В. Сталина к соглашению с нами о политических решениях, нам надо было сначала дать ему полное заверение в вопросе о военной стратегии»²⁰⁷. Сделать это намеревался сам президент при своей личной встрече с И. В. Сталиным.

Американская дипломатия использовала конференцию для выдвижения широкой программы международного экономического сотрудничества, в которой видное место отводилось Советскому Союзу. Американская программа была представлена в ряде документов, объединенных общей рубрикой в повестке дня «Экономические вопросы реконструкции». Формально в них шла речь об участии США в восстановлении опустошенных войной стран, оказании им помощи в послевоенном развитии продовольствием, промышленными товарами, оборудованием. Ключевой документ программы по вопросам международного экономического сотрудничества подразумевал принятие принципов «открытых дверей», «свободы торговли», «равных возможностей», которые должны были облегчить задачу американской экспансии в ослабленном войной мире. Особое место отводилось созданию международного стабилизационного валютного фонда, призванного закрепить положение доллара в качестве основной резервной валюты в мировой финансовой системе.

На конференции была предпринята энергичная попытка привлечь к осуществлению американских планов Советский Союз обещаниями послевоенного сотрудничества с ним. В американском предложении по пункту повестки дня «Сотрудничество в возмещении нанесенного СССР военного ущерба» говорилось: «После того как обременительные требования войны к производственным мощностям Соединенных Штатов прекратятся, наша производственная мощность будет достаточно велика, чтобы позволить нам играть существенную роль в вопросах восстановления и реконструкции в СССР»²⁰⁸. Советская делегация согласилась начать предварительные переговоры по этому вопросу между НКВД и посольством США в Москве. Одновременно было указано на узость американских предложений и заявлено о необходимости включить в вопрос о возмещении ущерба, причиненного войной Советскому Союзу, выплату репараций со стороны Германии и ее союзников.

Надо признать, что увлеченная глобальными замыслами американская делегация вела себя на конференции достаточно осторожно в вопросах, непосредственно затрагивающих

интересы безопасности СССР. Этого нельзя было сказать об англичанах, которые на конференции настойчиво вели дело к восстановлению в Европе довоенного статус-кво. Поэтому советская делегация решительно воспротивилась английским планам воссоздания бывшего «санитарного кордона» под видом «восточноевропейских федераций», отвергла настояния А. Идена повременить с заключением советско-чехословацкого договора и прочее.

Избегая крайностей английской позиции и проявляя более взвешенный подход, американская дипломатия в то же время не собиралась уходить от европейских дел и на том этапе безоговорочно признать интересы Советского Союза. Она по-прежнему откладывала решение вопроса о признании советской западной границы до «всеобщего урегулирования», хотя хорошо знала, какое значение придавали этому в Москве.

На конференции был рассмотрен проект Декларации о всеобщей безопасности, предусматривавший создание будущей Организации Объединенных Наций. Советское руководство пошло на уступки делегации США, согласившись с участием в подписании декларации представителя Китая. Среди подписанных участниками конференции документов значились декларации об Италии и Австрии, об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Была создана Европейская консультативная комиссия, призванная рассматривать вопросы, связанные с окончанием военных действий в Европе. Эти решения оказали значительное воздействие как на дальнейший ход войны, так и на создание основ послевоенного мира. Участники конференции подчеркнули важность «продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, на период, который последует за окончанием военных действий»²⁰⁹.

Московская конференция не оставила сомнений, что союзники, прежде всего американцы, были близки к тому, чтобы отбросить колебания и осуществить высадку во Франции. Подтверждением этого был особо секретный протокол, подписанный 1 ноября 1943 г. Лучшей гарантией его соблюдения к этому времени являлись уже не письменные обязательства, а наступление Красной армии, которое наводило на мысль, что усилия англо-американцев в Европе могут и не понадобиться. Явная озабоченность союзников планами послевоенного урегулирования ускорила выдвижение советским правительством широкой программы грядущего мироустройства.

Еще в январе 1943 г. журнал «Большевик» опубликовал примечательную статью «Ленин о сущности войны», которая не осталась незамеченной союзниками. В статье говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»²¹⁰. В Кремле предупреждали, что не только Запад, но и Советский Союз вел войну ради конкретных политических целей и интересов. Эти цели были изложены в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции и предполагали реализацию следующих задач: освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств; предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос о государственном устройстве; принятие мер к тому, чтобы все фашистские преступники — виновники войны понесли суровое наказание за совершенные ими злодеяния; установление такого порядка, который бы полностью исключил возможность новой агрессии со стороны Германии; установление длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи между ними в целях восстановления разрушенного оккупантами хозяйства и культуры.

Именно в это время в Москве было принято решение о роспуске Коминтерна, известной «реабилитации» религии, что ясно говорило об определенной смене вех в советской внешней политике, уточнении ее приоритетов и охлаждении интереса к «мировой коммунистической революции», а также о стремлении предпринять отдельные шаги навстречу озабоченностям западных союзников, с которыми предстояло выстраивать послевоенный мир.

Еще перед Московской конференцией, в сентябре постановлением СНК было поручено создать под эгидой НКВД ряд специальных комиссий с целью разработки конкретных предложений по осуществлению перехода от войны к миру. Комиссиям предстояло обобщить и согла-

совать большой объем документов, разработанных НКВД и другими советскими ведомствами, и представить соответствующие рекомендации для политического руководства СССР. Эти рекомендации ориентировали на жесткое отстаивание интересов СССР на переговорах с западными союзниками по послевоенному урегулированию, но не на конфронтацию с ними или целенаправленное насаждение социалистических порядков в освобожденных странах. Из них определенно следовало, что советское правительство во главу угла ставило задачи закрепления итогов войны, прежде всего территориальных, восстановления страны и в этих целях исходило из важности сотрудничества с США и Великобританией на послевоенный период²¹¹.

Тема послевоенного мироустройства затрагивалась по инициативе американцев на первой встрече руководителей трех союзных держав И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г.²¹² Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов и Великобритании по некоторым послевоенным проблемам. По ряду ключевых политических вопросов позиции СССР и США были близки или совпадали: создание международной организации, деколонизация, учреждение механизма опеки или попечительства, разоружение побежденных государств, коллективная безопасность, предотвращение новой агрессии и прочее. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американские планы ее расчленения и возвращения к «добисмарковским» временам, выдвигавшиеся К. Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел, считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР. Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Г. Гопкинсом и А. Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Ф. Рузвельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Ф. Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. И. В. Сталин заметил: «Если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»²¹³.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать недружественной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США будут вынуждены уступить, но рассчитывал как следует поторговаться. Похоже, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новым. Отсюда и попытки Ф. Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР, и прочее. Разумеется, энтузиазма с советской стороны эта часть переговоров не вызвала и лишь настроила на необходимость продолжать твердо отстаивать свои интересы по мере успехов Красной армии на фронте.

Принципиальное значение по мере приближения войны к финалу приобретал вопрос трактовки сторонами собственных интересов и готовности идти навстречу друг другу ценой взаимных уступок и компромиссов. Союзники понимали, что ситуация в освобожденных странах Европы, прежде всего Восточной, носила противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий.

Инициативу взял на себя У. Черчилль, когда в октябре 1944 г. совершил визит в Москву. Предполагая, о чем может идти речь, Ф. Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от

этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей большой тройки. При этом по подсказке Г. Гопкинса президент на всякий случай напомнил своим партнерам, что не было такого вопроса в этой войне, который бы не интересовал США как «глобальную державу». Отметим, это был первый случай, когда американцы открыто заявили о своих глобальных претензиях.

У. Черчилль попытался выступить в Москве с предложением о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной Европы. Хранящиеся в советских архивах записи бесед У. Черчилля и А. Идена с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым дают основания судить, что советские руководители, в традициях европейской силовой политики склонные мыслить конкретными категориями, в целом восприняли благосклонно идеи британского премьера, вполне вероятно, видя в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками. У. Черчилль, страстный обличитель довоенного сговора И. В. Сталина и А. Гитлера, сам предстал как инициатор новой сделки за спиной народов. В то же время сам факт обсуждения такой сделки, какими бы резонами это не мотивировалось, не красил советских руководителей. Может быть, поэтому реакция И. В. Сталина была в чем-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками²¹⁴.

По инициативе Вашингтона летом 1944 г. была созвана конференция в Бреттон-Вудсе, к участию в которой был приглашен и Советский Союз. На конференции были заложены основы послевоенной международной экономической системы при верховенстве доллара в качестве мировой резервной валюты, действующей и по сей день. Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Джон Мейнард Кейнс, успешно отстаивавший интересы своей страны еще на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно настаивал перед британским правительством не позволять американцам использовать войну «как возможность выколотить глаза Британской империи» и жаловался, что МИД был слишком расположен уступать американскому нажиму. «Если окажется, что умиротворять некого, то Форин-Офис окажется безработным», — возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Н. Чемберлена²¹⁵.

Глобализм Ф. Рузвельта, его представление о США как об атлантической и тихоокеанской державе, трезвая оценка им конкретной военно-политической ситуации в Европе, сложившейся к концу войны, настраивали его на примирительный лад в отношениях с Советским Союзом с учетом его интересов в европейских делах. У. Черчилль мог допускать отдельные рискованные шаги, но, в конце концов, уступал авторитету старшего партнера.

Этой настрой на послевоенное сотрудничество продемонстрировала Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г.²¹⁶ Близость победы над нацистской Германией до минимума свела военные вопросы в повестке дня. Основное внимание участников конференции было посвящено перспективным послевоенным темам как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Можно сказать, что это была первая в мировой истории конференция на высшем уровне, решавшая глобальные проблемы мироустройства.

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения закрепления сотрудничества трех держав в вопросах послевоенного мира. Свою главную задачу оно видело в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства как территориальные, так и политические, добиться решения репарационной проблемы. За победу была заплачена слишком высокая цена, чтобы довольствоваться восстановлением лишь довоенного статус-кво. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь в организации послевоенной жизни европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации.

Судя по имеющимся документам, на том этапе руководство СССР оперировало расплывчатой формулой установления «дружественных правительств» освобожденных государств. Это прежде всего означало недопущение возрождения в Восточной Европе довоенного

«санитарного кордона», но и не предполагало тиражирование советской общественной модели в ее экспортном варианте, и предусматривало развитие добрососедских отношений со странами, волею трагических обстоятельств и близорукой политики своих правителей втянутых в водоворот войны.

Что касается США и Великобритании, то их цели в преддверии конференции определялись сложным переплетением своих интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в конце войны. Некоторые исследователи отмечают, что у Ф. Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от И. В. Сталина согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач У. Черчилля было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу»²¹⁷.

Главное место на конференции, как и ожидалось, заняли политические вопросы послевоенного урегулирования, прежде всего германская проблема. Участники конференции подписались под заявлением, в котором говорилось о необходимости уничтожения германского милитаризма и нацизма и создании гарантий, что Германия никогда не станет угрозой для мира. На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франции была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

Была достигнута договоренность о признании западных границ СССР, которые теперь, не в пример 1941 или 1943 гг., находились далеко в тылу советских войск²¹⁸. Сомнения в правильности принятых решений не оставляли и президента Ф. Рузвельта, в окружении которого некоторые считали, что «Сталину отдали слишком много». Когда близкий к президенту адмирал У. Леги высказался, что формула в отношении Польши являлась слишком «эластичной», Ф. Рузвельт раздраженно отреагировал: «Я знаю, но это самое большое, что я могу сделать для Польши в настоящее время»²¹⁹.

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий, имеющих значение для СССР и России на десятилетия вперед. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов, передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных территориальных вопросов.

На Ялтинской конференции был окончательно согласован комплекс вопросов, открывших дорогу для создания Организации Объединенных Наций, прежде всего о процедуре голосования в Совете безопасности. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. Для И. В. Сталина, хорошо помнившего, чем закончилось перед войной пребывание Советского Союза в Лиге Наций, право вето являлось гарантией интересов СССР. Ф. Рузвельта удалось убедить, что отсутствие права вето в определенной ситуации могло обернуться против интересов Соединенных Штатов и вызвать возражения в конгрессе.

Как и следовало ожидать, наибольшие споры разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы после некоторого замешательства открыто выступали за реставрацию довоенных режимов. СССР делал ставку на антифашистский подъем и настаивал на предоставлении европейским народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации, если бы стало возможно ее естественное развитие, открывало дорогу приходу к власти левых сил. В Декларации об освобожденной Европе было зафиксировано принципиальное положение, гласившее: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам унич-

тожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»²²⁰.

Центральное место при обсуждении ситуации в Восточной Европе занимал польский вопрос. В результате проявленной союзниками коллективной политической воли компромисс был найден. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Вопрос о репарациях был передан в Московскую комиссию по репарациям.

Оценивая происходившие весной и летом 1945 г. судьбоносные для мира события, многие историки и политологи считают, что отношения между СССР и США с Великобританией «споткнулись» из-за ситуации в странах Восточной Европы. Эта тема стала подниматься с весны 1945 г. в закрытых американских документах сразу же после прихода в Белый дом нового президента. Открыто претензии к Москве по этому поводу были заявлены на Потсдамской конференции летом 1945 г.²²¹ Тем самым был подан сигнал, что с политикой Ф. Рузвельта закончено и западные партнеры не собирались мириться с установлением в Восточной Европе советской сферы влияния.

По-разному можно интерпретировать конец войны и наступление долгожданного мира. Для одних это была «весна победы», для других — сумерки «великой коалиции», для третьих — начало «американского века». Становилось ясно, что ставка на изменение мировых противоречий в результате победы над фашизмом оказалась слишком смелой, преждевременной и оторванной от жизни. Мир на годы вперед возвращался к довоенному межсистемному противостоянию с поправкой на вызванный войной новый расклад сил между основными игроками, что позднее назвали биполярной системой.

Америка чувствовала себя уверенной в своих силах и способной самостоятельно осуществить свое глобальное лидерство. В Вашингтоне заметно возрос интерес к будущему Европы по мере осознания важности ее послевоенной консолидации на антикоммунистической основе перед лицом Советского Союза. США не собирались отказываться от доминирования в Старом Свете во имя туманных глобальных интересов. До поры до времени размах новых американских амбиций сдерживала советская военная мощь, стоявшая в центре Европы, и важность ее привлечения к предстоящей схватке с японцами. Безуспешные попытки нового президента США надавить на СССР сменялись примирительными жестами и шагами ему навстречу, как продемонстрировала Потсдамская конференция. Стратегическая ситуация кардинально изменилась, когда на американской стороне появился принципиально новый фактор силовой политики — ядерное оружие. Это был бесспорный большой успех Соединенных Штатов в начинающейся конфронтации с СССР. Правда, успех временный.

И. В. Сталин оказался перед трудным выбором, к которому при всем обилии имеющейся информации он был не готов, и приходилось приспособливаться на ходу. Возникла новая внешнеполитическая реальность, угрожавшая советским планам послевоенного восстановления и интересам его безопасности. Обозначилась перспектива нового противостояния с Западом, необходимость наращивания военных расходов.

От союзнических отношений к конфронтации

История не знает примеров коалиций, в которых межсоюзнические отношения были бы лишены проблем и противоречий. Хотя любые международные объединения, включая военно-политические союзы, создаются для достижения совместных целей, это не предполагает полного совпадения интересов их участников. Очевидно, что каждая из сторон строит собственные планы, в большей или в меньшей степени отличающиеся от общих, и это объективно способствует возникновению различных конфликтных ситуаций. При этом всё

дело в причинах, характере, глубине и масштабах этих конфликтов, а также их последствиях. Иногда случается так, что вчерашние союзники превращаются в непримиримых противников.

Антигитлеровская коалиция стала в этом смысле не только уникальным, но и парадоксальным историческим феноменом. С одной стороны, именно она явилась важнейшим фактором победы над фашизмом, с другой — союзнические отношения между ее основными участниками изначально содержали в себе конфликтное начало, а уничтожение общего врага не только исчерпало сотрудничество, но и реанимировало существовавшие прежде проблемы и взаимные претензии, придав им к тому же новое качество. В итоге мир вступил в эпоху холодной войны, на несколько десятилетий определившую основные пути развития человечества и едва не погубившую его в ядерном пожаре.

Вторая мировая война привела к рождению военно-политического союза, в который вошли идеологические и политические антиподы. Для противодействия всеобщей угрозе, которую являл собой фашизм, объединились многие страны при ведущей роли Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В годы борьбы с блоком государств-агрессоров многим казалось, что в отношениях СССР и Запада наступила новая эра. Однако это было не так: вынужденный союз не смог разрешить старые геополитические и мировоззренческие противоречия, он лишь законсервировал их на время и породил новые.

Антигитлеровская коалиция, ставшая примером эффективного, хотя и кратковременного сотрудничества столь различных государств, изначально была противоречивым образованием. Ее политические лидеры ясно понимали это. В канун начала Великой Отечественной войны, 21 июня 1941 г., У. Черчилль, отвечая своему секретарю Д. Колвиллу на вопрос — не будет ли сотрудничество с СССР отступлением от антикоммунистической позиции премьера? — откровенно заметил: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин»²²². На следующий день, выступая с радиообращением к нации в связи с нападением Германии на Советский Союз, британский премьер сознательно допустил ряд резких высказываний в адрес будущего союзника. В частности, он заявил: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма»²²³, тем самым проведя параллель между агрессором и его жертвой. Антисоветизм английского лидера не стоило бы лишней раз подчеркивать, если бы это обстоятельство не оказывало постоянного влияния на отношения внутри коалиции.

Разумеется, И. В. Сталин понимал, что союз с Великобританией и США являлся своего рода «браком по расчету». Вскоре после окончания Великой Отечественной войны он заявил: «Великий альянс появился только на основе одного факта — наличия общего врага — Адольфа Гитлера». Собственно, вся предвоенная политика И. В. Сталина имела одной из основных целей исключить рождение англо-германского альянса, вполне возможного по геополитическому, этнонациональному, классовому и другим принципам. Блок западных демократий с А. Гитлером означал бы почти гарантированную гибель Советской России, и ради того, чтобы избежать этой опасности, И. В. Сталин был готов на любые риски. В этом и состоит одно из главных объяснений странной лишь на первый взгляд пассивности СССР в последние предвоенные недели. Именно с этих позиций надо рассматривать и советско-германские соглашения 1939 г., и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., и нежелание дать немцам хоть какой-либо повод для агрессии.

С другой стороны, выбор Ф. Рузвельта и У. Черчилля в пользу антигитлеровской, а не антисталинской коалиции также был предопределен всей логикой обстоятельств того времени, пониманием, пусть и запоздалым, той опасности, которую представлял для мира фашизм. Американское правительство вслед за У. Черчиллем публично заявило, что Соединенные Штаты окажут поддержку тем странам и силам, которые будут бороться против фашистской агрессии. Помощь была обещана и Советскому Союзу, хотя даже о подобии симпатии к нашей стране со стороны правящих кругов США не могло быть и речи.

При всем понимании англичанами и американцами того, что борьба СССР против нацистской Германии являет собой важнейший фактор желаемой победы, их отношение к

Советскому Союзу на протяжении всей войны оставалось двойственным. Великобритания и США не торопились посылать свои войска на Европейский континент и не хотели быстрого поражения Германии, ибо в таком случае главные плоды победы достались бы СССР. Нежелательным считался и вариант быстрого военного разгрома Советского Союза. Наиболее приемлемым виделся такой путь союзничества, «который позволил бы русским как можно дольше сохранять способность вести борьбу». Поэтому неслучайно, что центральной проблемой межсоюзнических отношений стал вопрос о втором фронте в Европе, чье открытие последовательно переносилось с 1942 на 1943 г., а затем на 1944 г. Программа ленд-лиза, с американской точки зрения, также помогала выиграть время и минимизировать собственные потери при максимальной политической выгоде.

В целом, западный подход к межсоюзническим отношениям содержал в себе изрядную долю жесткого и даже жестокого прагматизма. Президент Ф. Рузвельт так характеризовал этот подход: «Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флот не будут готовы вступить на помощь... В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент»²²⁴. Невозможно подсчитать, сколько человеческих жизней было бы сохранено в случае исполнения США и Великобританией данных ими обязательств открыть второй фронт в согласованные сроки. Однако очевидно, что приоритет эгоистических интересов над коалиционными способствовал не только затягиванию войны, но и увеличению ее жертв.

После завершения Сталинградской битвы стало ясно, что ход войны изменился. В определенных кругах на Западе это вызвало серьезную обеспокоенность. Еще в октябре 1942 г., на пике этого поворотного сражения Великой Отечественной войны, У. Черчилль, выступая перед кабинетом министров, так оценивал перспективы развития военно-политической ситуации: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизаций. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств»²²⁵.

С конца 1943 г., уже после советской победы под Курском, в англо-американской политике окончательно оформились и получили развитие две взаимосвязанные тенденции: не допустить русских в Западную Европу и вывести из войны Германию и ее европейские сателлитов с наименьшими издержками. По мнению американского историка Дж. Маккарти, основанном на анализе обширной базы документальных источников, именно тогда отношение правящих кругов Запада к союзу с СССР кардинальным образом изменилось. Аналогичную позицию высказал американский советолог У. Росту в своей книге «Соединенные Штаты на мировой арене». По его утверждению, «начало холодной войны обозначилось отчетливо, уже когда стало ясно, что Сталинград не будет взят немцами»²²⁶. Неслучайно в американских средствах массовой информации того периода все более заметной стала тенденция к критике «слишком затянувшегося союза с Россией», усилились призывы «преградить путь наступающим русским войскам на рубеже «линии Керзона».

В это же время в Управлении стратегических служб США приступили к разработке вариантов политики США и Великобритании в новых условиях, которые могли сложиться в Европе и на Дальнем Востоке после поражения Германии и Японии. Так, 20 августа 1943 г. Объединенный англо-американский комитет начальников штабов рассмотрел возможные перспективы на случай, если Германия быстро потеряет способность продолжать сопротивление. Было высказано мнение о возможности договориться с немцами по поводу беспрепятственного вступления англо-американских войск на территорию рейха и создания там оборонительных рубежей²²⁷. На Квебекской конференции руководителей западных союзников в августе 1943 г. военные участники переговоров Дж. Маршалл, Г. Арнольд, У. Леги, Э. Кинг (США), А. Брук (Великобритания) также пытались прогнозировать, «не помогут» ли немцы вступлению англо-американских войск в Германию, «чтобы дать отпор русским»²²⁸.

Наступательные операции советских войск, проведенные в 1943 г., заместитель военно-морского министра США Дж. Форрестол оценил как потенциальную угрозу западному

миру со стороны СССР, «которая вычеркивает из политического лексикона понятие «безопасность»²²⁹. В военном ведомстве США приступили к разработке документов, связанных с планированием возможной войны уже против Советского Союза. В итоге президенту Ф. Рузвельту был представлен меморандум № 121, подготовленный Комитетом начальников штабов и получивший наименование «Стратегия и политика». В нем впервые был поставлен вопрос о подготовке к войне «в обратную сторону» — против СССР и о возможности использования в такой войне вооруженных сил Германии.

В 1944 г. давление антисоветских кругов на правительство США с целью ограничить масштабы сотрудничества с СССР заметно усилилось. 10 января сенатор А. Вандерберг выступил с речью, в которой говорил о возникновении «советской военной угрозы». Другой влиятельный политик — Дж. Даллес открыто призвал «стереть Советский Союз с географической карты»²³⁰. В начале весны Комитет начальников штабов провел всесторонний анализ соотношения сил в Европе на случай войны с СССР. Вывод, впрочем, был пессимистичен: «Разница в военных силах, которые Советы смогут выставить на континенте, будет в нынешних условиях велика... Мы не можем нанести поражение России». Военные эксперты советовали подождать до лета 1944 г., когда, по их расчетам, Советский Союз исчерпает свои наступательные ресурсы.

Роль военной силы СССР в войне таким образом оказалась двойкой. С одной стороны, она играла исключительно важную роль в сокрушении фашистского блока и была необходима Западу для победы над Японией, с другой — США и Великобританию все более беспокоила военная мощь их восточного союзника, тем более что воспринимать его на равных они не были готовы. Это обстоятельство оказало выраженное влияние на изменение самого характера союзнических отношений.

Тот факт, что в канун и первые месяцы войны разведывательные структуры западных стран, как и аналогичные службы нацистской Германии, ошибочно оценили военно-экономические возможности Советского Союза и его способности к сопротивлению агрессии, только усиливал опасения по поводу его действительного потенциала. Известно, что не только немецкий Генеральный штаб, но и англо-американские военные аналитики отводили «социалистическому колоссу на глиняных ногах» после 22 июня не более трех-четырёх месяцев жизни, что, в частности, стало одной из причин небольших объемов поставок по ленд-лизу в первый, самый трудный год войны. Впоследствии сам факт этой ошибки оказал негативное влияние на формирование западной политики. В известном смысле СССР не могли простить того, что он устоял под страшным ударом А. Гитлера и тем самым поломал всю многоходовую геополитическую стратегию. Оказалось также, что в военном отношении Советский Союз способен на многое, и в каком положении он окажется к концу войны — это еще вопрос.

Советская военная мощь, столь ярко продемонстрированная во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны, воспринималась западными союзниками СССР уже как нежелательный фактор мировой политики и вследствие этого как объект пристального анализа. В мае 1944 г. в докладе Объединенного комитета начальников штабов США государственному секретарю К. Хэллу отмечалось: «Если учесть все военные факторы — источники помощи, людские резервы, географическое положение и в особенности наши способности перебросить свои силы через океан и применить их на континенте, — то мы могли бы успешно защитить Великобританию, но не смогли бы победить Россию. Другими словами, втянулись бы в войну, которую мы не в состоянии выиграть»²³¹.

В другом докладе, датированном августом 1944 г., подчеркивалось: «Первоклассными военными державами после поражения Японии останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. Это объясняется сочетанием таких факторов, как их географическое положение, размеры и громадный военный потенциал. Хотя США могут направить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав не позволяют одной из них нанести военное поражение другой, даже в союзе с Британской империей»²³².

Новые военные победы СССР привели к еще большей активизации антисоветских сил на Западе. В открытой печати стали появляться статьи с предсказаниями скорой войны с Советским Союзом. В частности, бывший посол США в Москве У. Буллит выразил в журнале «Лайф» пожелание, чтобы война с Россией «произошла как можно скорее»²³³. Справедливости ради надо отметить, что до определенного времени сторонники конфронтации с СССР оставались в явном меньшинстве, хотя их деятельность и нельзя назвать безрезультатной. Однако по мере приближения победы над германским блоком ситуация все отчетливее менялась к худшему.

Появились и признаки финансово-экономической дискриминации СССР. В феврале 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман высказался за прекращение поставок по ленд-лизу. В том же году были созданы Международный банк реконструкции и развития и Международный финансовый фонд. По каналам этих организаций США оказали помощь Англии — на 3,8 млрд долларов и Франции — на 1 млрд долларов. Однако Советской России в помощи было отказано²³⁴.

На заключительном этапе войны все более негативную роль в отношениях СССР, США и Великобритании стали играть принципиальные различия в их подходах к решению проблем послевоенного устройства мира. Применительно к планам создания Организации Объединенных Наций и общим принципам ее деятельности стороны занимали близкие позиции. А такие вопросы, как процедура голосования в Совете безопасности, пересмотр довоенных государственных границ, новые территориальные изменения, политические перспективы государств Восточной Европы, стали источником постоянной напряженности. Одной из ключевых проблем являлось будущее Польши, которую США и Великобритания рассчитывали иметь в качестве прозападной буферной зоны, а Советский Союз хотел видеть как лояльного союзника.

В целом, СССР стремился создать пояс безопасности из дружественных ему приграничных государств, что напрямую зависело от расстановки политических сил в каждой стране. Такой его курс был естественен и оправдан с учетом тяжелейшего опыта войны с фашистским блоком, но Запад эта советская политика категорически не устраивала, поскольку вела к усилению СССР и расширению сферы его влияния. Следует подчеркнуть, что силового «экспорта революций» в 1944 — начале 1945 г. в советском руководстве явно избегали.

Еще одним ярким свидетельством того, что отношения между СССР и Западом стремительно приобретали новое качество, стал ныне широко известный факт контактов генерала войск СС К. Вольфа с руководителем американской разведки в Швейцарии А. Даллесом. Союзники информировали СССР об этих переговорах лишь после того, как им была получена соответствующая информация по разведканалам. В результате, в конце марта — начале апреля между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом состоялся обмен самыми жесткими посланиями, какие они только посылали друг другу на протяжении всей войны²³⁵.

Сегодня есть все основания рассматривать и некоторые военные операции последних месяцев войны через призму будущей конфронтации. Так, в ночь с 12 на 13 февраля 1945 г. англо-американская авиация произвела массированную бомбардировку Дрездена, что привело к гибели не менее 25 тыс. человек гражданского населения. Показательно, что на конференции в Ялте, завершившейся за день до этого события, было принято решение о разграничении зон действий союзной авиации. Военного значения данная акция не имела, за одним исключением: Дрезден относился к будущей советской зоне оккупации, и столь мощный авиаудар не мог не произвести соответствующего впечатления на русского союзника. Главными целями бомбежек стали промышленные предприятия и мосты через Эльбу, уничтожение которых создавало дополнительные проблемы наступающим советским войскам. 15 марта в результате другого авиаудара был разрушен пригород Берлина Ораниенбург, где находился немецкий центр по обогащению урана. В этом ряду есть и другие примеры.

Вообще, весной 1945 г. быстро накапливались данные, свидетельствующие о том, что правящие круги Запада готовы сменить союзнические отношения с СССР на конфронтационные. Так, в начале 1945 г. американский генерал Дж. Паттон публично заявил, что западные

экспедиционные силы «не должны останавливаться на демаркационной линии вдоль реки Эльба», а им следует продвигаться дальше на восток. Ему же принадлежат и такие слова: «Мы не способны понимать русских, как не можем понять китайцев или японцев, и, имея богатый опыт общения с ними, должен сказать, что у меня нет особого желания понимать их, если не считать понимания того, какое количество свинца и железа требуется для их истребления»²³⁶.

Британский премьер-министр У. Черчилль постоянно подчеркивал необходимость «опережения русских» в захвате как можно большей территории Германии, в том числе Берлина. Главнокомандующий англо-американскими войсками генерал Д. Эйзенхауэр был согласен с идеей «взятия Берлина раньше русских», однако его беспокоили неизбежные при этом большие потери. 4 мая 1945 г. он сделал заявление, добиваясь от начальника Генерального штаба Красной армии генерала А. И. Антонова остановить продвижение советских войск на линии рек Влтава и Эльба, то есть значительно восточнее, чем это было ранее согласовано.

Апофеозом антисоветской враждебности и актом фактического предательства боевого братства стала разработка операции под названием «Немыслимое»: по приказу У. Черчилля предполагалось сохранить в боеспособном состоянии ряд немецких соединений с тем, чтобы в случае необходимости использовать их в совместных боевых действиях против Красной армии. Необходимые возможности для этого имелись. Германскому командованию удалось вывести значительные военные силы на запад: лишь за период с 3 по 6 мая англо-американцам сдались в плен до 3 млн немецких солдат и офицеров.

О существовании плана операции «Немыслимое» было известно давно, однако только в 1998 г. англичане рассекретили личное досье У. Черчилля, откуда и стали известны подробности²³⁷. Документ датирован 22 мая 1945 г., а задание на его подготовку, судя по косвенным данным, было получено в конце марта — начале апреля. Мотивы английский премьер сформулировал так: «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, требуется немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток»²³⁸.

«Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания: — операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

— Великобритания и США получат полную поддержку вооруженных сил Польши и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

— не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;

— иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

— начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну»²³⁹.

Главным театром военных действий была избрана Центральная Европа. Перспективы кампании, однако, оценивались пессимистично. В числе возможных негативных последствий авторы документа предполагали, что СССР предпримет ответное наступление в Иране и Ираке, а также попытается организовать волнения в Индии. Как известно, план «Немыслимое» не был реализован, тем не менее само его существование весьма показательное. Судя

по всему, в Москве знали о замыслах У. Черчилля, что не добавило теплых чувств к западным союзникам²⁴⁰.

Определенную роль в нарастании конфронтационного духа сыграл и субъективный фактор. Приход к власти в США Г. Трумэна способствовал дальнейшему обострению отношений между СССР и его западными союзниками. Новый американский лидер принадлежал к влиятельной, антисоветски настроенной группировке политических и военных деятелей, чьи позиции резко усилились после смерти Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., который будучи реалистически мыслящим политиком хотел и умел договариваться с Советским Союзом. Преемник Ф. Рузвельта, напротив, отвергал идею компромисса и равных взаимоотношений с СССР. Г. Трумэн не был, конечно, новичком в большой политике, но его государственный опыт да и личные качества были совсем иного уровня. В этой связи уместно еще раз вспомнить, что именно он в июне 1941 г. публично провозгласил главный принцип американской военной политики в условиях начавшейся агрессии Германии против СССР: «Пусть они как можно больше истребляют друг друга».

В обновленном Г. Трумэном американском правительстве взяли верх сторонники жесткого курса в отношении Советского Союза. К их числу относились военно-морской министр Дж. Форрестол, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, ближайший советник президента, вскоре назначенный государственным секретарем Дж. Бирнс, глава военной миссии США в СССР генерал Дж. Дин. Они предлагали Г. Трумэну использовать различные формы военного, политического, дипломатического давления на Советский Союз, чтобы принудить его пойти на уступки и согласиться с американским вариантом послевоенного мироустройства. Подобные предложения соответствовали и убеждениям самого президента.

Первой внешнеполитической акцией Г. Трумэна стало письмо У. Черчиллю с предложением направить И. В. Сталину совместное послание с резким требованием уступок в польском вопросе. Здесь важен не только характер данного требования, но и сам факт совместного с англичанами послания, так как хорошо известно, что Ф. Рузвельт избегал общих американско-английских акций в отношении с СССР. Он опасался, что «англичане очень хотели бы, чтобы Соединенные Штаты в любое время начали войну против России, и, по его мнению, следовало британским планам — значит идти к этой цели»²⁴¹.

23 апреля 1945 г. Г. Трумэн в вызывающем конфронтационном тоне провел беседу с В. М. Молотовым, прибывшим в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Камнем преткновения стал польский вопрос. Президент, по его собственному выражению, сразу «взял быка за рога», угрожая применить к СССР экономические санкции. Присутствовавший на встрече посол США в Москве А. Гарриман вспоминал впоследствии: «Я сожалел, что Трумэн так жестко подошел к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят»²⁴². Показательно, что резкое изменение американского политического стиля и его тональности проявилось еще до того, как Г. Трумэн был информирован о «Манхэттенском проекте» (ему доложили об атомной программе только 25 апреля).

И. В. Сталин не поддался грубому давлению. В его письме Г. Трумэну от 25 апреля сообщалось: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции... Советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее следовал упрек: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован»²⁴³.

Твердость позиции советского руководства вызывала острую реакцию западных союзников. В мае 1945 г. по итогам встречи с У. Черчиллем личный представитель президента США Дж. Дэвис докладывал, что был «поражен резким изменением его отношения к Советам... Слушая, с какой яростью он говорит об угрозе распространения коммунизма в Европе... я

думал о том, не собирается ли он, премьер-министр, теперь заявить перед всем миром, что он и Англия допустили ошибку, не поддержав Гитлера, ибо, насколько я его понял, он теперь проповедует ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и «разделять и властвовать»²⁴⁴.

В телеграмме президенту США Г. Трумэну от 12 мая 1945 г. английский премьер писал: «У меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии». Как признавал позднее сам У. Черчилль, в первые дни мира в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага». Отныне, как он считал, дружба между Великобританией и Россией могла основываться «только на признании русскими англо-американской силы»²⁴⁵.

О сложности взаимоотношений ведущих стран антигитлеровской коалиции свидетельствуют и события, связанные с подписанием 7 мая 1945 г. в Реймсе предварительного протокола о капитуляции. Он был предложен К. Дёницем, назначенным А. Гитлером канцлером Германии. С немецкой стороны протокол подписал генерал А. Йодль, от лица главного командования союзных экспедиционных сил в Европе — начальник штаба генерал У. Смит. В качестве свидетелей поставили свои подписи советский и французский представители при ставке Д. Эйзенхауэра — генерал-майоры И. А. Сулопаров и Ф. Севез. Предполагалась и вторая церемония, которая, по мнению Д. Эйзенхауэра, должна была символизировать единство коалиции и оповестить весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми союзниками, а не только перед Западом. По этой причине было решено не делать официальных сообщений о первом подписании. Однако какой-то американский репортер якобы по своей инициативе опубликовал репортаж раньше времени²⁴⁶.

Англичане в этой истории преследовали свои цели. Подписание протокола о капитуляции сохраняло возможность не отводить англо-американские войска в ранее согласованные зоны оккупации до тех пор, пока СССР не пойдет на уступки по ряду спорных вопросов. В своей телеграмме министру иностранных дел Великобритании А. Идену от 4 мая 1945 г. У. Черчилль указывал: «У нашей стороны есть несколько крупных козырей, которые могут нам помочь... Союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера русской оккупации Германии и условиями, которые будут установлены в русифицированных или контролируемых русскими странах»²⁴⁷.

Следует заметить, что текст протокола о капитуляции, подписанного в Реймсе, не соответствовал требованиям, утвержденным на Крымской конференции, которые предусматривали наличие в Германии правительства, правомочного подписать акт о капитуляции. Поскольку правительство К. Дёница не было признано союзниками, то пришлось видоизменить документ, представив его в виде декларации о поражении Германии²⁴⁸.

Ознакомленное с текстом нового документа всего за сутки до его подписания советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению огня, не стало возражать, но высказало ряд пожеланий и поправок, которые из-за недостатка времени так и не были учтены. Однако в подписанном документе оговаривалось, что «этот акт о военной капитуляции не может осуществляться в ущерб любому общему документу о капитуляции, принятому объединенными государствами или от их имени в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом, и подлежит замене таким документом»²⁴⁹. Это позволило СССР считать документ, подписанный в Реймсе, предварительным и настоять на подписании 8 мая в Берлине окончательного Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил.

Показательно, что в тот же день президент Г. Трумэн распорядился прекратить поставки по ленд-лизу для СССР, утверждая, что поскольку он не находится в состоянии войны

с Японией, то закон запрещает оказывать ему такого рода экономическую помощь. Это решение И. В. Сталин в беседе с Г. Гопкинсом охарактеризовал как «неудачное и даже грубое», добавив при этом, что если «целью было оказать давление на русских, чтобы сделать их более податливыми, то это серьезная ошибка»²⁵⁰. И хотя после протеста Москвы поставки были возобновлены, становилось все более ясно, что на Западе берут верх сторонники конфронтации с СССР.

Экономическая сторона происхождения конфронтации вообще представляет собой отдельную проблему. У советского руководства первоначально существовали определенные надежды на послевоенное сотрудничество с Западом в этой сфере, тем более что необходимость экономической помощи для восстановления разрушенного войной хозяйства была крайне велика. В январе 1945 г. В. М. Молотов официально поднял вопрос о предоставлении Соединенными Штатами кредита СССР в размере 6 млрд долларов. Однако Ф. Рузвельт не стал форсировать решение этой проблемы, ожидая, видимо, развития ситуации и новых советских инициатив. И. В. Сталин, в свою очередь, ни в Ялте, ни во время переговоров с Г. Гопкинсом, ни в Потсдаме не поднимал тему займа. Вновь это предложение было выдвинуто лишь в августе, когда политическая атмосфера стала иной. На этот раз, по утверждениям американской стороны, необходимые документы затерялись и были найдены только в марте 1946 г. Советскому руководству поверить в такую причину задержки решения вопроса было очень сложно.

В своих интервью западной печати И. В. Сталин открыто проявлял заинтересованность в проекте кредита всякий раз, когда об этом заходила речь. При этом он ясно понимал, что за такой кредит пришлось бы заплатить политическими уступками, но рассчитывал, что «стороны встретятся на половине пути». Полностью отвергались лишь неприемлемые условия, подобные требованию полного ухода из Восточной Европы. Даже в апреле 1947 г. во время встречи с государственным секретарем США Дж. Маршаллом И. В. Сталин еще поднимал тему займа, в частности заметив, что советская просьба о кредите остается без ответа в течение двух лет.

Другой возможной формой решения экономических проблем СССР были репарации с Германии. И. В. Сталин настаивал в Ялте на сумме в 10 млрд долларов, что было оправдано огромными человеческими жертвами и колоссальными материальными потерями, понесенными Советским Союзом в ходе войны. Однако Запад не желал быстрого восстановления СССР, и поэтому англичане активно оспаривали такой объем репараций, а Ф. Рузвельт, по существу соглашаясь с У. Черчиллем, старался отложить решение вопроса. В результате советская цифра была принята лишь в качестве основы для дальнейшего обсуждения. В конечном итоге, США отказались поддержать данную сумму репарационных требований СССР, что способствовало углублению раскола между вчерашними союзниками. На практике же Советский Союз получал репарации только из своей зоны оккупации, в то время как из западных зон почти ничего не поступало. Что же касается репарационных выплат со стороны таких бывших германских союзников, как Румыния и Финляндия, то во время обсуждения мирных договоров с ними западная сторона вообще оспаривала уместность требований Москвы о возмещении ущерба, вызвав тем самым резкую ответную реакцию.

Таким образом, надежды на существенную помощь Запада в послевоенном восстановлении натолкнулись на непреодолимые препятствия, что дало уже советскому руководству основания для подозрений и сомнений в целесообразности дальнейшего сотрудничества. Дефицит взаимного доверия вообще являлся одной из существенных проблем, изначально существовавших среди основных участников антигитлеровской коалиции. По мере приближения победного финала войны он только нарастал.

Немаловажную роль в развитии недоверия со стороны Советского Союза по отношению к Западу сыграл секрет разработки Соединенными Штатами и Англией атомного оружия, которым они категорически не хотели делиться с СССР, хотя многие ученые-атомщики и призывали к этому. Но лидеры США и Англии вплоть до конференции в Потсдаме держали в тайне все работы над атомным оружием, хотя по соглашению между СССР и Великобританией от 29 июня 1942 г. англичане обязаны были предоставлять Москве всю информацию

об оружии, используемом против общего противника²⁵¹. Ф. Рузвельт и У. Черчилль не подозревали, что И. В. Сталин знал о работах над «Манхэттенским проектом» с осени 1941 г., и стремление союзников скрыть от Советского Союза секрет атомной бомбы закономерно усиливало недоверие Кремля.

Сам факт появления у Соединенных Штатов атомного оружия в сочетании со средствами его доставки — авианосцами и стратегическими бомбардировщиками — качественно изменил общую картину мировой политики, тем более что США благодаря своему геополитическому положению были в тот момент абсолютно неуязвимы, а Советский Союз, напротив, представлял собой потенциальную мишень.

Решение о применении атомного оружия президент Г. Трумэн принял еще до вступления СССР в войну с Японией. Подготовленный штабом армии США боевой приказ о проведении атомных бомбардировок японских городов был завизирован президентом, Г. Стимсоном и Дж. Маршаллом 24 июля и подписан генералом К. Спаатсем, на которого возлагалась ответственность за реализацию решения президента. Советники Г. Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная «бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию».

Ситуация с оценкой возможной войны с СССР как бесперспективной кардинально изменилась как раз летом 1945 г., когда в арсенале США появилось атомное оружие, позволявшее надеяться на быструю и сопряженную с небольшими потерями победу над любым противником. Атомная бомбардировка городов Японии стала стартом «атомной дипломатии» администрации президента Г. Трумэна, направленной прежде всего против СССР. Не только отечественные ученые, но и многие западные исследователи считали и считают, что применение США атомных бомб против Японии было продиктовано не столько военной необходимостью, сколько желанием показать миру, и в первую очередь Советскому Союзу, свою военную мощь. Так, английский ученый-атомщик П. Блэкетт еще в 1949 г. справедливо отметил, что «сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией холодной дипломатической войны с Россией, ведущейся сегодня»²⁵². Это мнение подтверждается выводами, сделанными сразу после окончания войны группой американских специалистов. В подготовленном ими документе говорилось о прогнозируемых сроках капитуляции Японии в случае, если бы атомная бомбардировка не состоялась. В качестве крайней даты называлось 31 декабря 1945 г. и даже более ранние сроки²⁵³.

Возможные последствия решения о применении атомной бомбы осознавались американским военно-политическим руководством. Так, военный министр США Г. Стимсон 11 сентября 1945 г. направил президенту Г. Трумэну меморандум, где писал: «Во многих кругах атомное оружие рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно и советские военные и политические руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие. Англия уже фактически является нашим партнером по работе над атомным оружием. Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что фактически приведет к тайной гонке вооружений... Я считаю, что наши удовлетворительные отношения с Россией не только связаны с проблемами атомной бомбы, но и фактически подчинены им... Эти отношения могут оказаться непоправимо испорченными — все зависит от того, как мы подойдем к решению вопроса о бомбе с Россией. Ибо, если мы не обратимся к ней сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, ее подозрительность и ее недоверие к нашим целям возрастут»²⁵⁴. Меморандум обсуждался на заседании кабинета под председательством Г. Трумэна, и было решено сохранить монополию на атомное оружие.

В полный голос американцы заговорили с «позиции силы» уже осенью 1945 г., когда формально еще сохранялись межсоюзнические отношения, проводились конференции министров иностранных дел великих держав, шла подготовка к первой сессии ООН и Нюрнбергскому процессу. Так называемая «атомная дипломатия» по замыслу ее инициаторов должна была «поставить Советский Союз на место», показать ему, что доминировать в послевоенном мире будут Соединенные Штаты.

Осенью 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов разработал меморандумы «Основы формирования американской военной политики» и «Стратегическая концепция и план применения вооруженных сил США». В этих документах была легализована идея превентивного нападения, первого удара, целесообразность которого мотивировалась прагматическими соображениями. В «Основах формирования американской военной политики» говорилось: «Если станет известно, что против нас готовятся выступить войска потенциального противника, мы не можем позволить, чтобы из-за ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар. В этих условиях наше правительство должно быстро принять политическое решение, в то время как будет проведена подготовка для того, чтобы нанести, если это необходимо, первый удар»²⁵⁵.

В ноябре того же года в отчете Объединенного разведывательного управления в качестве возможных целей для атомной бомбардировки назывались 20 советских городов. При этом характерно, что в американских военных кругах господствовало мнение, будто СССР «не представляет непосредственной опасности», поскольку он истощен войной, а вот его возможности делают Советский Союз потенциальным противником²⁵⁶ (разумеется, кроме этого обстоятельства на то, что именно СССР стал объектом американского военного планирования, влияли соображения геополитического характера, идеологический антагонизм, существовавший между двумя державами, и прочее). В документе отмечалось, что поскольку атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то атомная бомба более пригодна для массового истребления населения городов.

Практически одновременно с появлением вышеназванного документа под руководством Д. Эйзенхауэра, в то время командующего оккупационными вооруженными силами США в Германии, был разработан первый план войны против Советского Союза с применением ядерного оружия. В качестве основного театра военных действий в нем рассматривалась Европа. Уверенность в неизбежности победы американского оружия в войне против СССР придавала дополнительный вес «атомной дипломатии». Основой военной стратегии США стал расчет на быстротечную и одностороннюю воздушно-атомную войну. Предполагалось, что угроза массовой бомбардировки объектов страны-мишени заставит ее правительство согласиться с любыми условиями мира по-американски.

Приведенные факты и обстоятельства свидетельствуют о том, что в 1945 г. союзнические отношения между Советским Союзом и Западом сменились на конфронтационные. В ходе войны между партнерами по антигитлеровской коалиции нередко возникали конфликтные ситуации, но до поры до времени они все-таки успешно разрешались. Это происходило прежде всего потому, что США, Великобритания и СССР остро нуждались друг в друге, и эта заинтересованность была мощным стимулирующим фактором. Правда, конфликты не проходили бесследно. Противоречия внутри коалиции, которые все более обострялись с приближением конца войны, способствовали усилению взаимного недоверия, подозрений и, в конечном счете, сыграли свою негативную роль.

С разгромом германского блока и Японии исчезла не только общая угроза для СССР и Запада, но и не стало мотивов, побуждающих их к сохранению союзнических отношений. Замены им найти не удалось, и сотрудничество в короткие сроки прекратилось. К тому же были реанимированы старые противоречия, к которым добавились новые, осложненные взаимными подозрениями и разногласиями. Вот как видел ситуацию в тот переломный момент истории У. Черчилль: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, свя-

завывшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству»²⁵⁷. Главным среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» руководство Великобритании и США теперь считало активное противоборство с Советским Союзом.

В истории человечества XX столетию принадлежит особое место. Оно богато не только отдельными эпохальными событиями, но и комплексными масштабными явлениями, оказавшими огромное воздействие на развитие современной цивилизации и мирового сообщества. Холодная война, безусловно, принадлежит к числу важнейших исторических феноменов, чьи последствия ощутимы и в наше время и, видимо, еще долго будут влиять на состояние и развитие международных отношений. Проблемы ее происхождения, истории и возможных рецидивов являются как предметом широкого общественного интереса, так и глубоких научных исследований.

Под холодной войной обычно принято понимать особое состояние конфронтации между США, Великобританией и их союзниками с одной стороны и Советским Союзом, а также социалистическим блоком государств с другой, сложившееся и развившееся во второй половине XX в. Это противоборство охватывало политическую, экономическую, идеологическую, военную и иные сферы и объяснялось антагонистической разницей между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, которая, в свою очередь, определялась несовпадающими геополитическими и национальными интересами, противоположными идеологическими ориентирами. Это была борьба на истощение, когда любой повод, любой неверный шаг противника использовались для его ослабления.

В прошлом нечто подобное уже случалось. Из этого ряда, например, противостояние Рима и Карфагена, когда мирный промежуток между Пуническими войнами стороны старались использовать для максимального ослабления противника, отдавая себе отчет в неизбежности будущих открытых конфликтов. И этот случай далеко не единичен. В конце XIX в. Э. Бернштейн впервые применил термин «холодная война» для характеристики процесса складывания и развития военно-политических союзов европейских держав. В своем современном понимании термин «холодная война» впервые был использован осенью 1945 г. в английском журнале «Трибьюн», но ввел его в политическую лексику американский политический деятель и финансист Б. Барух годом позже. Это словосочетание приобрело широкое хождение после выхода ряда статей известного американского журналиста У. Липпмана и его книги «Холодная война. Очерк внешней политики США»²⁵⁸.

Наличие исторических аналогов, разумеется, не девальвирует тот факт, что холодная война — уникальное явление XX в. Это свойство ей придает ряд обстоятельств, среди которых следует особо выделить: биполярность мироустройства при ведущей роли в противоборстве двух сверхдержав — США и СССР; масштаб, вовлеченность в процесс большинства ведущих стран мира; наличие у сторон крупных арсеналов оружия массового поражения (прежде всего ядерного), чье возможное применение ставило под вопрос сам факт существования человечества; содержание обеими сторонами в высоких степенях боевой готовности крупных группировок войск и их непрерывное совершенствование; широкое использование форм и средств информационной войны; борьба за доминирование среди государств третьего мира.

До сих пор нет единой позиции по поводу начала холодной войны. Трудности демаркации вызваны самим характером явления, известной размытостью и латентностью отдельных событий, сложностью их классификации. К тому же, в отличие от «горячей» войны, здесь и не может быть четкой даты, поскольку отсутствуют факты объявления войны и непосредственного нападения. Есть серьезные основания считать, что вызревание и развитие этой масштабной конфронтации во многом было обусловлено сложившимися в мире в ходе Второй мировой войны и особенно после ее завершения новыми военно-политическими, экономическими и военно-техническими реалиями, а также общей логикой развития международных отношений. В этой связи 1945 г. занимает особое место как исходный рубеж холодной войны. Ведь именно тогда для бывших союзников исчезло объединяющее начало — общий

враг в лице фашистского блока и Японии, а политические лидеры США и Великобритании сделали свой выбор в сторону конфронтации с Советским Союзом.

Вторая мировая война вообще сыграла в отношении холодной войны роль повивальной бабки. По ее итогам на международной арене остались две сверхдержавы — США и СССР, вокруг которых группировались союзные им государства. Соединенные Штаты стали единственной из участников войны страной, вышедшей из ее огня окрепшей. Сильная экономика и статус всеобщего кредитора сделали США лидером западного мира, способным определяющим образом влиять на ход событий. Велико было и уважение к заокеанской державе как к одному из главных победителей Германии и Японии.

Советский Союз, который вынес на своих плечах основную тяжесть войны и понес наибольшие людские и материальные потери, также обладал в то время огромным моральным авторитетом. Мощная советская армия-освободительница стояла на Эльбе и в предгорьях австрийских Альп. Полевевшие в годы борьбы с фашизмом народы Европы и Азии видели в СССР силу, способную поддержать и ускорить демократические преобразования в мире.

Острой в дискуссионном отношении остается проблема ответственности за развязывание холодной войны. Порой раздаются призывы вообще уйти от этой темы, тем более что виноваты, мол, обе стороны. Делается это, по-видимому, в силу сознательного желая сгладить вопрос и избежать неудобных оценок. Парадокс, однако, состоит в том, что само значение проблемы неизбежно вынуждает любого, выступающего на тему холодной войны — ученого, политика, обывателя, так или иначе определить свою позицию.

Если на Западе всегда наличествовали разные подходы, с очевидным перевесом сторонников виновности СССР, то в нашей стране в силу идеологических причин до начала 1990-х гг. ответственность однозначно возлагалась на США. Позже ситуация изменилась диаметрально: многочисленные ангажированные авторы в ущерб объективности стали искать доказательства едва ли не абсолютной виновности Советского Союза.

Очевидно, однако, что в любой войне, холодной в том числе, участвуют две стороны. Следовательно, ответственность всегда носит обоюдный характер. Не менее ясно и то, что равной ответственности не бывает. Многие считают, что инициатором и главным виновником послевоенной конфронтации выступили Соединенные Штаты Америки. Эта держава по своей совокупной мощи значительно превосходила СССР и в силу данного обстоятельства имела едва ли не полную свободу в выборе основ послевоенной политики. К тому же США, в отличие от Советского Союза, не понесли во Второй мировой войне значительных людских и материальных потерь. Кроме того, ввиду особого географического положения Соединенные Штаты имели на тот момент наиболее высокий порог защищенности.

Что касается СССР, то его тревога о собственной безопасности была естественной и закономерной. Утрата колоссальных экономических мощностей и особенно гибель многих миллионов людей делали его болезненно восприимчивым к этой проблеме. Идеологические догматы, переоценка влияния социализма в мире, ошибки в анализе перспектив национально-освободительного движения тоже имели место. Тем не менее нельзя отрицать, что Советский Союз вынужденно вступил в холодную войну, при том что его руководство ясно сознавало риски и трудности противоборства с сильнейшим государством мира.

В 1945 г. многим еще казалось, что совместная борьба с фашизмом, Тегеран, Ялта, Потсдам заложили основы согласия великих держав, которое обеспечит мирное и демократическое будущее человечества, но эти надежды не оправдались. Геополитические амбиции, примитивно понимаемые национальные интересы, прикрытые флером реальных идеологических противоречий, привели к жесткой конфронтации двух сверхдержав, образованию вокруг них военно-политических блоков, противоборству Востока и Запада. Возможности, заложенные самим фактом общей победы над фашизмом и созданием Организации Объединенных Наций, в своей значительной части оказались нереализованными.

Сегодня ясно, что обе противоборствующие стороны, каждая по-своему, разрушили сотрудничество, налаженное во время войны и создававшее условия для решения проблем, вставших перед миром в послевоенный период. США и другие страны Запада беспокоил

огромный международный авторитет Советского Союза, они видели в нем врага своим геополитическим интересам и идеологическим постулатам. Во всех освободительных движениях (рост влияния левых сил, борьба за независимость народов колоний, выступления против атомной дипломатии и прочее) они усматривали «руку Москвы». В то же время распад колониальной системы объективно создавал политический вакуум в обширных регионах планеты, заполнить который старались обе сверхдержавы.

В Европе стремление советского руководства заменить существовавший некогда «санитарный кордон» поясом дружественных СССР сопредельных государств, воспринималось Западом как советская экспансия. В свою очередь, США и их союзники стремились распространить свое экономическое и политическое влияние на Восточную Европу, а в Москве это расценивали как нежелание Запада считаться с позицией СССР и уважать интересы его безопасности.

Военно-политический союз США, Великобритании и СССР в годы Второй мировой войны действительно стал парадоксальным явлением в том смысле, что наши партнеры по коалиции, с одной стороны, были остро заинтересованы в совместной борьбе с агрессорами, а с другой — оказались не готовы к равноправным отношениям и не смогли преодолеть привычный и органичный для них негативный взгляд на Советский Союз. Их внутренняя сущность восставала против самой идеи союза с СССР, который мог устроить их разве что в качестве слабого и несамостоятельного государства. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была для Запада одновременно и желанной, с точки зрения минимизации собственных потерь и получения сиюминутных политико-экономических выгод, и нежеланной, исходя из долговременных геополитических и идеологических интересов. С учетом всех этих обстоятельств послевоенная конфронтация с СССР являлась для США и их союзников закономерным выбором. Что касается Советского Союза, то он стал ее участником вынужденно. Его действия носили преимущественно ответный характер и имели целью сохранение собственной независимости и суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Михалев С. Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 148.

² США и Великобритания, в отличие от СССР, Германии, Франции и других держав, не имели единого высшего органа руководства всеми видами вооруженных сил. Армия (сухопутные войска), военно-морские и военно-воздушные силы управлялись самостоятельными министерствами и штабами, причем начальники штабов являлись главнокомандующими этих видов вооруженных сил (в США авиация входила в состав армии). Кроме того, существовали личные штабы президента США и премьер-министра Великобритании. В Англии с начала 1920-х гг. был создан Комитет начальников штабов («коллегиальный сверхначальник штаба руководства войной»; см.: *Батлер Дж.* Большая стратегия / Пер. с англ. Т. 2. М., 1959. С. 28). Членами Комитета были начальник имперского Генерального штаба (фактически — штаб сухопутных войск), первый лорд Адмиралтейства — начальник морского штаба и начальник штаба ВВС. США равноценной штабной структуры до 1942 г. не имели. Лишь 9 февраля 1942 г., то есть по окончании работы конференции «Аркадия», в США был создан собственный Объединенный комитет начальников штабов — высший коллегиальный орган военно-стратегического руководства, ответственный непосредственно перед президентом. В его состав вошли: начальник штаба президента (председатель), начальники штабов ВМС и ВВС.

³ См.: *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. М., 1980. С. 389.

⁴ *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 149.

⁵ Соображения фюрера относительно руководства военными действиями на совещании с генералом Антонеску. Указания начальнику штаба Верховного командования о порядке подчинения румынских войск при нападении на Советский Союз 17 июня 1941 г. // *Fall Barbarossa.* Berlin, 1970. S. 421.

⁶ История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 488.

⁷ *Greenfield K.* American Strategy in World War II: A Reconsideration. Krieger Publishing Co., Florida, 1982. P. 113.

⁸ *Кингстон-Макклори Э.* Военная политика и стратегия / Пер. с англ. М., 1963. С. 227.

⁹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12. С. 476.

¹⁰ *Jackson A.* The British Empire and the Second World War. Continuum International Publishing Group, 2006. P. 98.

¹¹ *Яковлев Н. Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961. С. 44.

¹² *Roosevelt, Churchill.* Their Secret Wartime Correspondence. L., 1975. P. 4.

¹³ *Jacobsen H.-A.* 1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 340.

¹⁴ *Calvocoressi P., Wint G., Pritchard J.* Total War: The Causes and Courses of the Second World War. Penguin Group Australia, 1995. P. 564.

¹⁵ *Лиддел Гарт Б. Г.* Стратегия не прямых действий / Пер. с англ. М., 1957. С. 46–54.

¹⁶ См.: *Harrison A. G.* Cross-Chanell Attack. Washington, 1951. P. 54–55; *Whitaker S.* Dieppe: From Tragedy to Triumph. Toronto, 1992. P. 81–89.

¹⁷ *Keegan J.* Six Armies in Normandy: From D-Day to the Liberation of Paris, June 6 — August 25. N. Y., 1982. P. 123.

¹⁸ *Saunders H.* Royal Air Force 1939–1945. Vol. III. L., 1975. P. 110.

¹⁹ История Великой войны. В 2-х т. Т. 1. М., 2010. С. 527.

²⁰ *Лавренов С. Я., Попов И.* Крах III рейха. М., 2000. С. 231.

- ²¹ *Ellis L.* Victory in the West. Vol. I. P. 294, 303, 305.
- ²² *Speidel H.* Invasion 1944. Ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal. Stuttgart — Tübingen, 1950. S. 111–112.
- ²³ *Bohlen Gh.* The Transformation of American Foreign Policy. N. Y., 1969. P. 26.
- ²⁴ *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 77.
- ²⁵ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. L., 1984. Vol. I. P. 441.
- ²⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 7.
- ²⁷ Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 339.
- ²⁸ *Welles S.* Where Are We Heading? N. Y., 1946. P. 37; *Dunn D.* Caught Between Roosevelt Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 5.
- ²⁹ *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М., 2011. С. 405.
- ³⁰ *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. М., 1997. С. 204.
- ³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 117–118.
- ³² *Gaddis J.* Surprise, Security, and the American Experience. Cambridge, 2004. P. 53.
- ³³ *Messer R.* The End of an Alliance. James Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982. P. 42; Notes on the Conversations with the President — Library of Congress. W. A. Harriman Papers, Chronological File. Cont. 175.
- ³⁴ *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* История внешней политики США. М., 2012. С. 271.
- ³⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1969. Vol. XIII.
- ³⁶ *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Fought and the Peace They Sought. N. Y., 1966. P. 275–276.
- ³⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция. М., 1979. С. 94.
- ³⁸ *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start The Cold War. Princeton, 2012. P. 57.
- ³⁹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII.
- ⁴⁰ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 33.
- ⁴¹ Там же. С. 149.
- ⁴² *Черчилль У.* Мои ранние годы. 1874–1904 / Пер. с англ. М., 2012. С. 68.
- ⁴³ Там же. С. 68–69.
- ⁴⁴ Архив полковника Хауза. Избранное. В 2-х т. Т. 2. М., 2004. С. 236.
- ⁴⁵ *Черчилль У.* Мировой кризис / Пер. с англ. М., Л., 1932. С. 39.
- ⁴⁶ Speech of MP T. Etwood in the House of Commons // *Hansard's Parliamentary Debates*. Vol. 38. L., 1838; цит. по: *Леонтьев М.* Большая игра. М., СПб., 2008. С. 43.
- ⁴⁷ См.: *Галин В. В.* Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 85–86.
- ⁴⁸ *Черчилль У.* Мировой кризис. С. 182.
- ⁴⁹ *Монтгомери Б.* Мемуары фельдмаршала. М., 2006. С. 68.
- ⁵⁰ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 261.
- ⁵¹ История дипломатии. В 3-х т. Т. 3. М., Л., 1945. С. 667–668.
- ⁵² *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6-ти т. Т. 1. М., 1991. С. 133.
- ⁵³ Там же. Т. 2. С. 300–301.
- ⁵⁴ Там же. С. 317.
- ⁵⁵ *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 108.
- ⁵⁶ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 476–477.
- ⁵⁷ См.: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги. М., 2007. С. 197–198.
- ⁵⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 394.
- ⁵⁹ От Мюнхена до Токийского залива: взгляд с Запада. М., 1992. С. 189.
- ⁶⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 169.
- ⁶¹ Там же. С. 169–170.
- ⁶² Там же. С. 175.

- ⁶³ Там же. С. 509.
- ⁶⁴ Там же. Т. 4. С. 531–532.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 532.
- ⁶⁷ *Мальков В. Л.* Указ. соч. С. 420–421.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. 509.
- ⁷⁰ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 791.
- ⁷¹ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 573.
- ⁷² Там же. С. 588.
- ⁷³ Там же. С. 597–598.
- ⁷⁴ АВП РФ. Ф. 59а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 357–358. Цит. по: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 524.
- ⁷⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 647.
- ⁷⁶ Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 99.
- ⁷⁷ Там же. С. 98.
- ⁷⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 634.
- ⁷⁹ Там же. С. 630.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 634.
- ⁸² Там же. С. 684.
- ⁸³ The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. I–V. Baltimore, 1970. Vol. IV. The War Years. P. 150–151.
- ⁸⁴ Ibid. P. 149–155.
- ⁸⁵ *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. Человек, политик, полководец. М., 1998. С. 68.
- ⁸⁶ Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // National Archives, College Park, Maryland (далее — NA), Record Group (далее — RG) 165. ABC 381 (9-25-41). Sec. VII.
- ⁸⁷ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 86–88.
- ⁸⁸ Offensive Operations in 1942–1943. Combined Chiefs of Staff Minutes of 28th Meeting. June 20, 1942 // NA, RG 218, Geographical File 1942–1945. CCS 334 (5-26-42); Memorandum for the President. July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
- ⁸⁹ The Eisenhower Diaries // Ed. By R. Ferrell. N. Y., 1981. P. 73.
- ⁹⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 78.
- ⁹¹ Там же. Т. 2. М., 1958. С. 42–43.
- ⁹² CCS 55th Meeting. January 14, 1943 // NA, RG 218, Geographical File 1942–1945. CCS 334 (10-30-42).
- ⁹³ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 203.
- ⁹⁴ *Амброз С.* Эйзенхауэр. Солдат и президент / Пер. с англ. М., 1993. С. 99.
- ⁹⁵ *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 99.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 367. Л. 55.
- ⁹⁷ *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Fought and the Peace They Sought. Princeton, 1967. P. 309.
- ⁹⁸ Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force. 6 June 1944 — 8 May 1945. Washington, 1946. P. VI.
- ⁹⁹ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 301.
- ¹⁰⁰ Eisenhower to Harriman. 7 July, 1944 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers. Chronological File. Cont. 173.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 1.
- ¹⁰² Anderson to Harriman. July 10, 1944 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers. Chronological File, Cont. 173.
- ¹⁰³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 292.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 2.

- ¹⁰⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁰⁶ The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. V. P. 2428n.
- ¹⁰⁷ Личная телеграмма Верховному главнокомандующему Красной армии Маршалу Советского Союза И. Сталину от генерала Эйзенхауэра, 28 марта 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 6–7.
- ¹⁰⁸ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. М., 1979. С. 315.
- ¹⁰⁹ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 453.
- ¹¹⁰ Запись беседы тов. И. В. Сталина с американским послом Смитом, французским послом Шатеньо и представителем Бевина Робертсом 23 августа 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 382. Л. 89–90.
- ¹¹¹ The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. IV. P. 2640–2641.
- ¹¹² *Амброз С.* Указ. соч. С. 171.
- ¹¹³ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 486.
- ¹¹⁴ *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy. L., 1954. P. 602–603.
- ¹¹⁵ Hopkins to the President. 8 June, 1945 // NA. RG 218. W. Leahy Papers. Box 15.
- ¹¹⁶ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 524–525.
- ¹¹⁷ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 31–32.
- ¹¹⁸ *Залесский К. А.* Кто был кто во Второй мировой войне. М., 2004. С. 358.
- ¹¹⁹ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 37.
- ¹²⁰ Там же. С. 46–47.
- ¹²¹ Имеется в виду акция под названием «рейды правды», как называл ее министр авиации К. Вуд. Суть акции сводилась к тому, что на германские города вместо бомб сыпались миллионы экземпляров «Письма к немецкому народу».
- ¹²² *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 56.
- ¹²³ Там же. С. 59–60.
- ¹²⁴ Там же. С. 63.
- ¹²⁵ Там же. С. 67.
- ¹²⁶ Там же. С. 106.
- ¹²⁷ Там же. С. 120.
- ¹²⁸ Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 499.
- ¹²⁹ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 184.
- ¹³⁰ Там же. С. 196–197.
- ¹³¹ Там же. С. 212.
- ¹³² *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 51–52.
- ¹³³ Там же. С. 52.
- ¹³⁴ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 237.
- ¹³⁵ Там же. С. 265–266.
- ¹³⁶ Цит. по: *Люк Ханс Ульрих фон.* На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта. 1939–1945. М., 2006. Гл. 16. Операция «Гудвуд».
- ¹³⁷ *Bradley O.* A General's Life. N. Y., 1982. P. 274; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 346–347.
- ¹³⁸ *Хастингс М.* Указ. соч. С. 345.
- ¹³⁹ *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. М., СПб., 1999. С. 592.
- ¹⁴⁰ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск, 2000. С. 348.
- ¹⁴¹ См.: Голландская операция 1944 г. // Военная энциклопедия. Т. 2. С. 441–442.
- ¹⁴² *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 301.
- ¹⁴³ Там же. С. 300.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 302.
- ¹⁴⁵ *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. С. 689.
- ¹⁴⁶ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 333.
- ¹⁴⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 348–349.
- ¹⁴⁸ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 353–355.
- ¹⁴⁹ *Bryant A.* Triumph in the West. L., 1959. P. 235; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 348.
- ¹⁵⁰ *Bradley O.* A Soldier's Story. L., 1952. P. 209; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 94.

- ¹⁵¹ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 401.
- ¹⁵² Цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 332.
- ¹⁵³ Кроме щенков и канареек Б. Монтгомери возил с собой «отличную корзинку для пикника», о чем с теплотой вспоминал в своих мемуарах (См.: *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 60).
- ¹⁵⁴ *Хастингс М.* Указ. соч. С. 332–333
- ¹⁵⁵ *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 353.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁵⁷ Цит. по: *Lacouture J.* De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. Paris, 1984. P. 43.
- ¹⁵⁸ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 83.
- ¹⁵⁹ *Де Голль Ш.* Военные мемуары. В 3-х т. Т. 1. Призыв. 1940–1942 / Пер. с фр. М., 1957. С. 36.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 56.
- ¹⁶¹ *De Gaulle Ch.* Trois études. Paris, 1945. P. 101.
- ¹⁶² *De Gaulle Ch.* Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. Compléments 1905 — Juin 1940. Paris, 1981. P. 474.
- ¹⁶³ Цит. по: *De Wailly H.* De Gaulle sous le casque. Abbeville, 1940. Paris, 1990. P. 306.
- ¹⁶⁴ *De Gaulle Ch.* Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. Compléments 1905 — Juin 1940. P. 478.
- ¹⁶⁵ *De Gaulle Ch.* Discours et messages. V. 1. Pendant la guerre. 1940–1946. Paris, 1970. P. 3–4.
- ¹⁶⁶ Ibid. P. 9–10.
- ¹⁶⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 51–52.
- ¹⁶⁸ Цит. по: *De Gaulle Ph.* De Gaulle mon père. V. 1. P., 2003. P. 252.
- ¹⁶⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 92.
- ¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 527.
- ¹⁷¹ Там же. П. 55.
- ¹⁷² *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 2. Ч. 2. 22 июня 1941–1943 г. М., 2009. С. 192.
- ¹⁷³ *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Т. 2. Единство. 1942–1944. Документы. М., 1960. С. 563.
- ¹⁷⁴ Подробно о переговорах в Москве и подписании Советско-французского договора см.: *Зуева К. П.* Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 года. Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010.
- ¹⁷⁵ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 219–221.
- ¹⁷⁶ *Закария Ф.* Постамериканский мир / Пер. с англ. М., 2009. С. 194.
- ¹⁷⁷ *Brendon P.* The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. L., 2007. P. 392.
- ¹⁷⁸ *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N. Y., 2003. P. 120.
- ¹⁷⁹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. М., 1983. С. 104.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 189.
- ¹⁸¹ См.: *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, С. 207.
- ¹⁸² *Farrell H., Finnemore M.* The End of Hypocrisy // Foreign Affairs. November/December 2013. P. 96.
- ¹⁸³ *Шахт Я.* Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948 / Пер. с нем. М., 2011. С. 304.
- ¹⁸⁴ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. N. Y., 1979. P. 359.
- ¹⁸⁵ *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. М., 1947. С. 137–138.
- ¹⁸⁶ *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1633–1634.
- ¹⁸⁷ Ibid.
- ¹⁸⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 188–197; *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война. 1939–1943. М., 1965. С. 208–209; *Carlton D.* Anthony Eden. A Biography. L., 1981. P. 191–192.
- ¹⁸⁹ *Carlton D.* Op. cit. P. 192–193.
- ¹⁹⁰ *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 / Пер. с фр. М., 2003. С. 225–229.
- ¹⁹¹ *Carlton D.* Op. cit. P. 195–197.

- ¹⁹² FDR: His Personal Letters. 1928–1945. Vol. 2 / Ed. by E. Roosevelt. N. Y., 1950. P. 1366–1367.
- ¹⁹³ *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1948. P. 136.
- ¹⁹⁴ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. Т. 2. М., 1958. С. 385; *Carlton. D.* Op. cit. P. 209–211.
- ¹⁹⁵ Eden to Churchill. March 29, 1943. Avon Papers. Foreign Office 954/22. PRO; The Earl of Avon. The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 373.
- ¹⁹⁶ *Louis W.* Imperialism at Bay: The US and Decolonization of the British Empire. 1941–1945. N. Y., 1978. P. 449–450.
- ¹⁹⁷ The Earl of Avon. The Eden Memoirs: The Reckoning. P. 435–439.
- ¹⁹⁸ См.: *Борисов А. Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 117.
- ¹⁹⁹ *Carlton. D.* Op. cit. P. 211.
- ²⁰⁰ *Bohlen C.* Witness to History. 1929–1969. N. Y., 1973. P. 121.
- ²⁰¹ *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 282.
- ²⁰² *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N. Y., 1973. P. 170.
- ²⁰³ Цит. по: Международная жизнь. 1970. № 5. С. 37.
- ²⁰⁴ *Brendon P.* Op. cit. P. 372–414.
- ²⁰⁵ *Balfour M.* The Adversaries. America, Russia and the Open World. 1941–1962. L., 1981. P. 9.
- ²⁰⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 380–384.
- ²⁰⁷ *Hull C.* Op. cit. P. 1264.
- ²⁰⁸ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 360.
- ²⁰⁹ Там же. С. 148–153.
- ²¹⁰ Большевик. 1943. № 1. С. 47.
- ²¹¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2014. Т. 8. С. 246–251.
- ²¹² См.: Там же. С. 291–314.
- ²¹³ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 90, 133, 173.
- ²¹⁴ *Churchill W.* The second World War. Vol. 6. L., 1948. P. 196–197; *Resis A.* The Churchill — Stalin Secret «Percentages» Agreement in the Balcans, Moscow, October 1944 // American Historical Review. LXXX111. 1978. P. 368–387.
- ²¹⁵ *Steil B.* The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keines, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton, 2013. P. 292–298.
- ²¹⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2014. Т. 8. С. 450–513.
- ²¹⁷ US Congress. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy. Washington, 1979. Vol. 1. P. 179.
- ²¹⁸ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 270.
- ²¹⁹ *Leahy W.* I was There. L., 1950. P. 370.
- ²²⁰ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 270.
- ²²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сб. документов. М., 1980. С. 172.
- ²²² *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 3. С. 363.
- ²²³ Там же. С. 364.
- ²²⁴ *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 68–70.
- ²²⁵ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 331.
- ²²⁶ *Rostou U.* The United States on the world scene. The essay on modern history. N. Y., 1969.
- ²²⁷ Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 50.
- ²²⁸ Правда. 1988. 22 августа.
- ²²⁹ *Cherry M.* Prpaing for the next War. American Plans fo Postwar Defense. 1941–1945 // Yale University Press. 1977.

- ²³⁰ *Матиас Л.* Обратная сторона США / Пер. с нем. М., 1968. С. 134.
- ²³¹ New York Herald Tribune. 1945. 25 июня.
- ²³² Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Война после войны // Новое время. 1979. № 34. С. 25.
- ²³³ Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 52.
- ²³⁴ *Lafeber W.* America, Russia and the Cold War. 1945–1981. N. Y., 1985. P. 12.
- ²³⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 196–199, 202–209, 211–212.
- ²³⁶ *Хиршсон С.* Генерал Паттон. Жизнь солдата. М., 2004. С. 724.
- ²³⁷ Public Records Office. Cab 1201691, 55911. P. 1–29.
- ²³⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. М., 1991. С. 574.
- ²³⁹ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. С. 525–526.
- ²⁴⁰ О. А. Ржешевский со ссылкой на британского историка Д. Эриксона пишет о том, что в июне 1945 г. Г. К. Жуков произвел перегруппировку своих войск в Германии, по-видимому, под влиянием этой информации.
- ²⁴¹ Цит. по: Forges dal's Dranies. N. Y., 1951. P. 36.
- ²⁴² *Путин Б. Г., Золотарев В. А.* Противостояние двух держав. М., 2014. С. 62.
- ²⁴³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2.
- ²⁴⁴ *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 3.
- ²⁴⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. М., 1991. С. 574.
- ²⁴⁶ *Эйзенхауэр Д.* Во главе союзных войск. М., 1992. С. 494–508.
- ²⁴⁷ *Титков А. Э.* Союзники-соперники (К истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 325.
- ²⁴⁸ *Кынин Г., Морозова И.* Капитуляция германских вооруженных сил // Международная жизнь. 1995. № 4–5. С. 37–46.
- ²⁴⁹ *Погью Ф. С.* Верховное командование. М., 1959. С. 498.
- ²⁵⁰ Цит. по: *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 268.
- ²⁵¹ Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 190.
- ²⁵² *Blackest P.* Fear, War and the Bomb. Military and Political Consequences of Atomic Energy. N. Y., 1949. P. 139.
- ²⁵³ *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 13.
- ²⁵⁴ *Stimson H., Bundy M. G.* Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 642–643.
- ²⁵⁵ *Грайнер Б., Штайнгауз К.* На пути к 3-й мировой войне. Документы. М., 1983. С. 72–73.
- ²⁵⁶ Подробно см.: *Sherry M. S.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941–1945. New Haven, L., 1977.
- ²⁵⁷ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3. С. 573.
- ²⁵⁸ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 47.